Адепт и гадалка

Двойной стандарт - 1

Сергей Викторович Сергеев

SHOUT
SHARE
IT

- Сергеев Сергей Викторович
- Пролог
- Часть первая
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
- Часть вторая
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20

Сергеев Сергей Викторович
Адепт и гадалка

Пролог

Вот уже несколько столетий, тысячелетий, а для некоторых и миллионы лет земного исчисления остаются не востребованными Верховной Иерархией десятки сотен душ, успевших набрать праведный земной опыт, прошедших очищение адом и раем Тонкого Астрального Мира. Их формирование закончилось в Мире Мысленном, дальше развиваться некуда, их сознание прошло полный путь развития от сознания дикаря до божественного. Переход в высшую степень возможен лишь тогда, когда все шестьдесят миллиардов душ, которые и составляют человечество, достигнут их уровня. Вот только тогда они все вместе и в новом качестве перейдут на нужную планету, короче, все или никто.

Они, переведя на сегодняшний земной сленг, — элита, но таинство Космоса ускользает и от них. Они, как и люди, живущие на Земле, словно знают и не знают одновременно, куда стремиться сейчас и куда уйдут потом.

Знают, что возврат домой неизбежен: домой в лоно Абсолюта, в лоно Великого Космоса, в лоно неугасимого и ослепительного света, туда, откуда всё произошло, в начало всех начал, чтобы влиться в Великую Божественную сущность, именуемую Логосом. Но тайна пока закрыта и для них: когда это случится, и где это находится.

Их терпение, с таким трудом добытое в многочисленных воплощениях, как в земном, так и астральном, начинает иссякать. Да, они хозяева своей судьбы: они могут по своему желанию для высших целей эволюции человечества перевоплощаться на Земле, но это всё меньше и меньше приносит пользу цивилизации.

Земное развитие затормозилось и движется по замкнутому кругу, оно не достигло даже первого уровня, уровня планетарной цивилизации. Двойной стандарт — это движение в двух плоскостях: материальной и духовной, а должно быть в единой, в духоматериальной. Преодолеют земляне разлад: исчезнет двойной стандарт, и гармоничное развитие поднимет земную цивилизацию на самый высший третий уровень — галактический. Причём духовное развитие поведёт материальное, а не наоборот.

Вот уже и планета Глория — двойник Земли, стартовавшая одновременно со своей сестрой, обогнала её в своём развитии. Она уже звёздная цивилизация, у неё второй уровень. Её современные корабли бороздят просторы Земли и оберегают её от назойливых "серых" инопланетян, стремящихся проводить свои эксперименты над людьми.

Но как помочь воплощённым душам на Земле достичь правильного сознания? Сколько раз представители элиты воплощались и вели за собой людей, но всё безрезультатно, только пополнялись ряды элиты новыми учениками.

Вот ученики учеников уже с ними, но это капля в море. Вот и Еремей — воспитанник Прохора, да, да того самого, записавшего на заре христианства за Иоанном Богословом: "Неправедный пусть еще делает неправду; нечистый пусть еще сквернится; праведный да творит правду еще, святый да освящается еще", считает, что затягивается становление праведных. Хотя учение люди и не отвергли, но не вошло оно им в сердца и не изменило сознание.

Много появилось на земле людей "нейтральных", не поворачивается язык назвать их болотом, но так было бы точнее. Живут себе по совести, особо не грешат, иногда даже ходят в церковь, но ведут двойную жизнь: внешнюю для окружающих и внутреннюю — для себя. Каждый строит свой мир, обособляясь от других, не представляет и не стремится понять, что все в одной лодке.

Много усилий потрачено, и не всё так плохо, нарождается новая раса, но люди не видят этого, более того, они начинают окукливать таких индивидуумов с расширенным сознанием. Если раньше таких людей, несущих свет в массы, казнили и истязали, то теперь просто ограждают стеной непонимания или того хуже признают убогими и больными и пытаются вылечить.

Всему виной технический прогресс, люди понимают только слова и термины. Лишь некоторые интуитивно чувствуют что-то не так, но словесно выразиться не могут, нет таких слов, чтобы их вместило отстающее сознание. Как только подтянется сознание к интуитивному уровню, появятся и слова, способные объяснить и выразить суть происходящего.

Опытный психолог, настоящий экстрасенс, истинный святой делают одно и то же, лечат души людей, но каждый по-своему: первый технически; второй в космическом согласии; третий через сердце своё — божественно. Во всём участвует мысль, как позитивная материя, сотканная из вселенской энергии. Они видят друг в друге не партнёров и не соперников, а в лучшем случае — конкурентов.

Нужен "трансэгрегор" и "проводник", чтобы доставлять и переводить мысли на неживой язык, чтобы осуществлялось взаимопонимание людей новой формации с "нейтральными", но для этого необходимо держать руку на пульсе, всегда быть рядом. Оболочка Земли сильно загрязнена, и это мешает полёту мыслей, энергия тратится на сжигание тьмы и смрада, потому нужно

незримо быть там, на месте, на Земле.

Элита получила разрешение от Иерархов на строительство Материнского корабля, его материя не видна землянам. При достаточной энергии и на короткий срок корабль может материализоваться на земном физическом уровне, чтобы достойных "проводников", так назвали в эксперименте "нейтральных", наделить на борту корабля "трансэгрегором", браслетом в земном понимании, для сканирования и мониторинга их сознания, на основании чего и будет выстраиваться взаимопонимание для новых воплощений.

Вообще, всё как у людей, клин клином вышибают, объяснять божественную суть приходится техническими средствами.

Часть первая

Итак во всём, как хотите, чтобы с вами поступали люди,
так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки.
Евангелие от Матфея, 7:12.

Глава 1

Разгар лета. Жара.

Под вечер, открывая балконную дверь, Андрей в воздушном пространстве, визуально ограниченном сверху соседским балконом, а снизу и по бокам разросшимися деревьями, обратил внимание на нестандартный светящийся объект. Заворожённый необычным зрелищем он не двигался с места и всё сильней втягивался взглядом в шар. Слишком яркий свет, исходивший от него, напоминал лучи поочередно включавшихся прожекторов.

Длина световых дорожек была разной, а общая картина чем-то схожа с детским рисунком солнышка, лучики которого чередовались: длинный, короткий. Прожектора-лучи выискали что-то или кого-то, спонтанно возникшее желание: "Посвети сюда", — в тот же миг исполнилось. Ослепительный поток ударил точно в лицо, словно используя человеческие эманации в качестве маячка и обладая супер интеллектом, мгновенно дешифровав и вычислив правильный курс и глиссаду на проскользнувшую мысль.

Веки рефлексивно задёрнулись, но и сквозь них проходило излучение к сетчаткам глаз. В ушах зазвенело. Мысли разбежались в "никуда". Под ногами поплыла опора. Световой удар усилился, насквозь пронзил уже всё тело, и казалось, что оно плавно растворяется в белом столбе, теряя не только естественный пигмент, но и вес. Всё! Сплошной яркий свет и ничего более…

Странное видение заполнило сознание: он лежит на спине, сверху над ним мощный светильник прямоугольной формы, поделённый внутри ещё на девять таких же. Свет яркий, но спокойный и не слепит. За светильником темнота. Встроенные в нём прямоугольники отделены друг от друга тусклыми мерцающими линиями. В левом угловом — фигурка, так же выделена мерцающим светом. Пиктография похожа на силуэт человечка с расставленными руками и ногами. Вот он резко переместился в правый угол по диагонали. Всё погасло. Темно.

Тяжело дышать. Нет, он разучился это делать, ему что-то мешает, что-то сжимает рот и горло. Старается изо всех сил сделать выдох. Надулся и лопнул воздушный пузырь из слюны.

Очнулся. Лежит на диване в комнате, дверь на балкон открыта. Дышит неровно и часто. Ощутимы биение сердца и пульсация в висках. Начинает приходить в себя, пробует вытереть

слюну с губ и со щеки, там, где лопнул пузырь. Сухо, ничего нет?!

Стоп! Всё знакомо! Это уже было! Видения и ощущения из прошлого и связаны с хирургической операцией, перенесённой несколько лет назад. Но какие чёткие и острые, как будто операция только что закончилась, и в наступившем моменте пробуждения вот-вот прозвучит вопрос от врача-анестезиолога о самочувствии.

Но сейчас он один и всё больше сознает, что-то произошло в голове. Возможно, его облучил мощный пучок лазера, или это действие духоты и жары так сказались на его состоянии. Поднялся и сел, облокотившись на спинку дивана. Потрогал голову. Провёл руками по волосам, словно приглаживая их. По правому уху скользнуло что-то прохладное и гладкое. Отдернул руки — на правом запястье браслет…

Три месяца ранее.

"Лада" резво набирала скорость, разбрызгивая весенние лужи на такой же грязный транспорт и серые горы спрессованного снега у обочин и тротуаров. Город, с каждым днём отдаляясь от зимы, расцветал прошлогодним мусором и лоснился от грязи.

Андрей уже запамятовал, видел ли он когда-то свой город чистым и ухоженным, с ровными без колдобин дорогами. Но, несмотря на серость и сырость вокруг, настроение было приподнятым, "Русское радио" пропело "домой", известив слушателей, что это конец рабочего дня, пятница, а значит впереди два выходных. Планов на отдых не строил, но ощущение безделья, отсутствие спешки куда-либо и, так называемого "рабочего напряга", создавали радостную иллюзию проведения субботы и воскресенья.

Некоторые люди, к таким относил себя и Андрей Хрусталёв, двигаются по жизни всегда с ожиданием чего-то интересного, необычного, которое вот-вот наступит, возможно, завтра или в конце недели, а может быть, летом или в следующем году. Это всё равно как ничем не обоснованная вера в эфемерное будущее, которое всегда представляется лучше реального, хотя и в действительности хорошего настоящего. В общем, его смело можно отнести к типу людей умеющих и любящих мечтать.

Одним словом, Андрей Викторович Хрусталёв, до сих пор оставался таким же оптимистом и таким же ненасытным и жадным к знаниям, как и в молодые годы. Однако жизнь сложилась, или судьба распорядилась, кто теперь разберёт, так, что он не стал ни учёным, ни артистом и даже ни полковником, а всего лишь военным пенсионером в свои сорок с лишним лет, майором запаса.

Такое положение его совершенно, как говорит сегодняшняя молодёжь, "не корячит", в душе он всегда молод и продолжает искать свою, хотя уже не звезду, но всё же путеводную нить. Ну и как вы знаете, кто молод душой, тот и телом не стареет.

В подтверждение народной мудрости ему всегда вспоминается забавный диалог при смене паспорта. Отвечая на вопрос паспортистки о месте работы, он произнёс, немного помедлив: "Военный пенсионер". Та подняла глаза, осмотрела молодого человека среднего роста, плотного телосложения, по-военному коротко стриженного, русого, с голубыми глазами и задумчивым взглядом и, не поверив словам, заглянула в паспорт. Сличив там фото и выверив дату рождения, с завистью произнесла:

— Хорошо сохранились, Андрей Викторович, завидно смотреть.

— Веду здоровый образ жизни, — без паузы отчеканил он ей.

— Что не курите и не пьёте? — удивлённо переспросила она.

— Курить бросил вот уже восемь лет назад, выпиваю в меру и лишь когда есть повод, — просто и без гордости пояснил он.

— Оно и видно, а мой на шесть лет вас младше, а выглядит, настолько же старше, — с горечью в голосе пояснила она свою озабоченность.

Действительно, Хрусталёв выглядел моложаво для своего возраста, да и чувствовал себя неплохо, только при внимательном осмотре можно заметить пробивающийся седой волос в висках, да если раздеть, обнаружить распущенный и слегка поплывший животик. В последнее время стала побаливать спина при длительной езде на автомобиле, но такое и у молодых бывает.

— Это точно, — произнёс он вслух и подмигнув задорно сам себе во внутреннее зеркало заднего вида.

Он не увидел своего отображения, но точно знал, лишь стоит поменять ракурс, и оно станет зрительно доступным. С развитием цивилизации у человека появилось много виртуальных "Я". Который из них истинный и настоящий? Как теперь разобрать? Кто подскажет?

Разбитая за зиму дорога не позволяла разогнаться, но водители старались, не замечая на фонарных столбах знаков ограничивающих скорость. Старались и дэпээсники выявить нарушителей, за их счёт пополнить свой бюджет и города, но останавливали не всех, только тех, у кого номер простецкий, а на штрафы разводили не умеющих правильно строить диалоги.

Езда два раза в день, пять дней в неделю, по маршруту стоянка — работа — дом позволила Андрею за полгода выучить все повадки и уловки гаишников. Поэтому, когда грязная

"десятка" с крутым номером "777" окатила стекло его машины мутной жижей, он не стал чертыхаться, а произнес: "Ну-ну", ведь за изгибом дороги должны быть стражи порядка.

Там они и были, как всегда с радаром. Синхронное движение — радар вниз, полосатая палочка — вверх, и "три семёрки", мигая правым указателем, прижалась к обочине. С грязными, ползущими вниз по стеклу, потёками, но удовлетворённый, Хрусталёв проследовал дальше к перекрестку. Остановившись на красный, полюбовался в зеркало процессом экзекуции.

Вот так всегда! Водитель "десятки", не предъявив даже документов, бросив пару фраз обладателю формы, резко стартовал, чтобы вновь кого-то обрызгать. На пару с гаишником Андрей испытал разочарование.

Ничего не попишешь, — двойной стандарт. Выражение в обиход ввели сами власти, причём на самом верху и абсолютно по делу. В международной политике всегда существовал двойной стандарт по отношению к врагам и противникам, но даже когда они становились партнёрами, он всё равно продолжал действовать. Россия стала новым партнёром американцев, и многие страны в мире потеряли иммунитет против демократии по-американски.

В жизни, так же как и в политике, всюду — двойной стандарт. Люди перестали верить властям. Ещё раньше потеряли веру в бога, потом в коммунизм, отсутствие веры разъедает народ изнутри.

Он как-то услышал в новостях о народных поборниках справедливости и порядка в Боливии. Уставший народ от разгула бандитов и разбойников, а также бездействия властей, взялся за оружие и начал отстрел всех тех, кто мешал им жить. Так власти усердно начали бороться с народными мстителями. Но, кто тогда должен наказывать негодяев?

Размышление прервал сигнал сзади. Горел зелёный. Включив передачу, помчался догонять колонну. Теперь обогнали справа, конечно, городской поток не терпит пустоты, но зачем уж так-то. "Три семерки" подрезала его на грани "фола" и помчалась дальше.

"Так недолго и въехать куда-нибудь", — только успел подумать Андрей, как раздался скрежет тормозов и глухой звук удара. "Десятка" торчала в задней части "Газели": "Там же пешеходный переход!"

Тихонько объезжая аварию (вот так и зарождаются пробки) с удовлетворением констатировал: "Семёрки" наконец-то попали туда, куда стремились". Травм, судя по осматривающим ущерб водителям, не было: "Ну и, слава богу, а в остальном, так ему и надо, магия трёх семёрок не сработала".

Пересёк пешеходную зебру. Выехал на кольцо. Справа всех пропускаем, "Газель" фургон ограничивает обзор. Впереди стартовала "шестерка", он за ней, смотрит вправо, удар, машина глохнет. "Ну, вот и я тоже в "заднице", — мелькнула мысль, а вдогонку другая, — не надо другим желать того, чего себе не пожелаешь".

Набрал домашний номер, к ужину пусть не ждут, процедура оформления аварий нудная и длительная, а тут еще и очередь, в ней он пока последний. Выходные пройдут весело и запомнятся надолго. Да и отпуск на берегу моря переносится на следующий год, накопленные деньги поглотит ремонт машины. Лето придётся коротать по привычке: в любимом городе и за работой.

Окончательно придя в себя от светового удара, Андрей начал осматривать доставшийся ему трофей.

Серебристый обруч из необычайно легкого, можно сказать, невесомого металла притягивал взор. Конструктивно, этот ниоткуда взявшийся экспонат, состоял из двух колец, насаженных одно на другое. Внутреннее, соприкасающееся с запястьем, — широкое около трех сантиметров. Внешнее, имеющее три равномерно разнесённые по поверхности кнопки, — дутое и округлое. У каждой кнопки свой геометрический образ. Одна — треугольник, другая — ромб, третья — овал. На первом кольце была метка — треугольник вершиной к малому кольцу.

Левой рукой потрогал верхний обруч. Он легко проворачивался по оси, не требуя значительных усилий, при этом внутренняя часть браслета оставалась неподвижной. Вращение по кругу оставалось бесшумным, пока овальная кнопка не совместилась с треугольной меткой, тогда послышался легкий щелчок. Возникшая сама собой мысль "нажать" преобразовалась в действие. Отчётливо проявилась где-то внутри конструкции вибрация, и браслет разжался, соскользнув с руки.

Окольцованная пташка снова на свободе. Если с птичкой всё ясно, то с хозяином колец, властелином, если хотите, — туман. Почему ничего не отложилось в памяти, как это произошло? Это всё странно и выглядит угрожающе неприятно. Если бы он пил, то можно было съязвить: "Поздравляем, это — белая горячка!" Но Андрей не пил, не пьёт и не потому, что больной, хотя кто в наш век здоровый… не хочет! Имеет право не пить. В молодости ему сделали прививку с антиалкогольной вакциной, и её действие до сих пор не ослабело.

Чувство тревоги — последняя ступенька перед паникой. Такое чувство нарастало у него сейчас, а познакомился он с ним в молодые лейтенантские годы. Тогда, отдыхая в профилактории

ВВС в городе Хабаровске, кутили две ночи подряд и докутились. Необъяснимый страх, боязнь чего-то не позволили продолжить разгульный отдых в столь высоком темпе. Он отказался от похода с товарищами в "Белую лошадь", так назывался винный магазин на окраине Хабаровска, с последующим многочасовым стоянием в очереди, а что вы хотели — "перестройка", "сухой закон". Остался один в номере гостиницы, метался по комнате, не знал чем себя занять. Спустился на этаж к дежурной, раздобыл швабру с ведром и вымыл вторично пол. Влажная уборка проводилась ежедневно по утрам персоналом профилактория.

"Так-так-так! Нужно чем-то занять себя: выйти на балкон, подышать воздухом. Ну, нет, один раз уже сходил. Кстати, зачем я туда потащился? Точно, сегодня же очередное собрание во дворе".

Собрание жильцов его подъезда по поводу установки домофонов. Этот вопрос поднимается регулярно с периодичностью полтора два месяца в течение последнего года. Если кто-то проживал в домах полувековой постройки, называемых хрущёвками, где контингент первых поселенцев ещё на одну треть сохранился, поймёт, как сложно провести нововведения, тем более на средства самих обитателей дома. Весь двор был в курсе данного вопроса и ожидал, чем же всё это закончится.

А двор образован двумя пятиэтажными домами по улице Сакко и Ванцетти и двумя кирпичными заборами, которые примыкают к домам. Площадь двора приблизительно около тысячи двести квадратных метров, тридцать пять шагов в ширину и шестьдесят в длину, но из-за разросшихся деревьев вдоль обоих зданий, кажется маленькой асфальтовой поляной. Да и сама улица короткая в три квартала, вот только название звучное и связано с приятными детскими воспоминаниями.

В детстве цветные карандаши по двенадцать или двадцать четыре цвета в коробке с названием "Искусство" были в дефиците, а дефицит — это не только недостаток, но и повышенный интерес. Когда пачка карандашей оказывалась в руках, то осматривалась досконально, а там надпись: "Изготовлено на фабрике художественных принадлежностей им. Сакко и Ванцетти", и казалось, что Сакко и Ванцетти — итальянские художники, которые рисовали такими карандашами.

Разочарование наступило потом, когда изучая историю, узнал, что никакие они не художники, хотя и итальянцы, а американские рабочие-революционеры, казнённые в 1927 году в США по ложному обвинению. Но ассоциация с искусством при произнесении данных фамилий так и осталась на всю жизнь, и когда в середине девяностых переезжали семьёй в этот дом, было

приятно вспомнить частичку детства, и двор сразу стал своим. Андрей, когда сообщал свой новый адрес другу, так их и представил:

— Улица имени итальянских художников.

На что тот, немного помолчав в телефонную трубку, ответил:

Хватит врать — это американские рабочие.

Андрей помнил свой первый приход во двор, тогда ещё на стороне дома номер одиннадцать напротив второго подъезда рядом с пирамидальным тополем росла плакучая ива. Её густые и гибкие ветви-верёвки со светло-зелёноватыми и узкими листьями свисали над низким палисадником и в некоторых местах касались асфальта там, где ходили жильцы. Жаль, что её не стало теперь, из всех дворовых деревьев она ему понравилась больше всех.

Вообще, по мнению обитателей и Хрусталёв с ними соглашался, озеленение двора заслуживало особого внимания, так как оно своеобразно, и наверняка здесь не обошлось без влияния парка "Липки", который находился недалеко, всего в полквартале.

Всех поражало разнообразие высаженных деревьев, начиная от обыденных берёз, вязов, тополей, клёнов и заканчивая липами, черёмухой, грушей и кустами сирени. Не вместившиеся во дворе сосны и акации произрастали за домом.

В нескольких метрах от ивы по обе стороны от дорожки, соединяющей центр двора с первым подъездом, две липы с молодыми светло-зелёными листочками, жёлтыми цветками и вечно гудящими насекомыми в кроне. Под одной из них, которая ближе к высоченной стене-забору, отделяющей двор от детского садика, стояла лавочка.

Стена — воплощение древности. Обтёсанная временем кладка из красного кирпича на известковом растворе, давала возможность отнести период её постройки на конец девятнадцатого или начало двадцатого века. Стена — это уже окончание двора, а вот начало, начало — переулок.

Глухой переулок от улицы до ворот хлебокомбината "Жаткино", сравним протяженностью лишь с шириной двора. Он проходил мимо торцов обеих домов, невысокого заборчика из белого кирпича и, собственно, въезда во двор.

Въезд как раз и образовывает разрыв в кирпичном ограждении, углубляясь и прячась между деревьями, разделяет двор на две равные половины. По ширине он около трёх метров, в самом его начале слева за ствол дерева привязана железная решётка, слегка напоминающая половинку ворот, наверное, они здесь когда-то были.

Если составить план двора, то он будет выглядеть так: два трёхподъездных пятиэтажных дома стоят напротив друг друга, каждый подъезд соединён с центральной аллеей асфальтовой дорожкой, остальная территория грунтовая и отделена невысоким деревянным палисадником, за которым и произрастают деревья и кустарники. В качестве дорожек жителями используется и бетонные отмостки вдоль стен домов. С уровня вторых подъездов аллея расширяется и переходит в спортивно-детскую площадку, которая заканчивается поперечной стеной, ограждением детсада.

Вот сегодня на этой площадке у лавочки должен решиться вопрос установки подъездной железной двери с домофоном. Главные противники установки — наши признанные малоимущие пенсионеры.

Бабули из улыбчивых и доброжелательных превращаются в сварливых и злых. Основной аргумент против — нет денег, пенсия маленькая. Пенсии действительно не "ахти", однако у бабушек есть близкие родственники, на помощь которых они могли бы рассчитывать. В подъезде об этом знают. Конечно, в настоящее время многие молодые семьи пенсии старших включают в свой семейный бюджет и существуют за счёт таких средств, но бывают и исключения.

У бабы Веры — сын бизнесмен. К маме иногда заглядывает не с пустыми руками, оставляя дорогую иномарку во дворе.

У проживающей одиноко в трехкомнатной квартире Зои Петровны — дивиденды по акциям составляют в год приличную сумму. Газовая компания, где она до пенсии работала главбухшей, регулярно их выплачивает. Этими подробностями она поделилась сама, отклонив предложение соседей сдавать комнату двум-трём студентам.

Ко всему прочему фирмы по установке одиноким и пенсионерам делали хоть небольшие, но скидки по оплате. Так что же тогда двигало их к сопротивлению? Осталось одно, сладкое русское простонародное слово — "халява".

Андрей спустился во двор. Собрание уже началось. Молодая девушка с тетрадкой в руке что-то негромко объясняла десятку жильцов, окружавших её. Слушатели стояли и внимали, их лица не источали восторга, но были напряжены и заинтригованы. Выявить активистов не составляло труда, они жались к говорящей и выказывали готовность перехватить речь, если понадобится.

— Ну вот, — закончила девушка, — в принципе и всё. Теперь решайте сами, как вам поступить. Надумаете — звоните, телефон у вашего представителя есть. Я должна покинуть вас, меня ждет ещё одно собрание по такому же вопросу.

И со словами:

— До свидания, надеюсь на скорое сотрудничество, — удалилась со двора.

Народ безмолвствовал недолго, активисты не позволили. Но аргумент бабушек банален — нет денег. И первая это озвучила баба Вера — восьмидесятилетняя старушка в выцветшем, как и её глаза, светлом платке. Платок, небрежно повязанный на голове в стиле бондано поверх белёсых косм, неизменная синяя кофта и эмалированное ведро для мусора в руке — вот те атрибуты, по которым её легко можно отличить от других старушек двора. По поводу ведра создавалось впечатление, что с ним она не расставалась никогда. Если она просто сидела на лавочке, то ведро стояло рядом, а если пересекала двор вдоль дома к мусорным бакам, оно было в руке, и частенько не заполнено и наполовину. Поход с ведром — это, своего рода, старческий променад.

— Теть Вер, для вас, как ветеранов, будет десятипроцентная скидка.

— Ну, нету у меня денег со скидкой или без. Нету.

И тут активисты неожиданно получили помощь из стана противников.

— Бессовестная, ты, Верка, — резанула Зоя Петровна, — сын лопатой деньги гребёт, а всё прибедняешься.

— Ты моего сына не тронь, о своём алкаше лучше позаботься, а то живет на отшибе в халупе, а сама к себе даже внуков прописать не хочешь.

— Не твоего ума дело, если денег нет, займу тебе.

— Без тебя обойдусь, не занимала и не буду. Вон молодухе одолжи, — кивнула баба Вера на Тоньку, женщину тридцати лет.

Антонина, мать двоих детей, проживала на последнем пятом этаже, в квартире своей полусумасшедшей бабки, умершей год назад. Раньше существование этой семейки было сносным: Тонькины подработки, плюс пенсия и подаяния, которые собирала старушка при входе в ближайшие продуктовые магазины квартала.

Вообще с подаяниями в подъезде Хрусталёва перебор. Приблизительно полтора года назад в однокомнатной квартире на втором этаже ютился в одиночестве семидесятилетний слепой. Так вот он зимой и летом ходил за подаяниями на многолюдный местный "Арбат", за что неоднократно был бит тамошними попрошайками и их хозяевами. Последний раз его так сильно избили, что он через неделю умер от побоев в своей квартире. В подъезде общался только с бабой Верой, которая знала его ещё зрячим. Она ухаживала за ним целую неделю, вызывала скорую,

те приехали, пожали плечами и уехали.

— Этого квартирного бомжа не возьмет ни одна больница, — произнесла врач скорой перед уходом.

— Почки ему отбили, — констатировала его смерть баба Вера.

Кто первым начал побираться слепой или сумасшедшая, теперь уже не выяснить. Но доходы у Антонины резко сократились, а расходы возросли: платы за квартиру и коммунальные услуги лишились льгот. Антонина работала санитаркой в больнице, подрабатывала стиркой белья в парикмахерской. А по ночам, когда она была свободна от дежурств, к ней ломились ухажёры, принося с собой выпивку и закуску, а иногда детишкам печенье и лимонад, жалея денег на пепси или колу.

— А мне не надо, я не собираюсь домофонов ставить, — отозвалась Антонина, когда до нее дошёл кивок бабы Веры.

— Тебя никто не спросит, поставим и всё, — взревел первый этаж, самый заинтересованный.

— Поставите, вызову МЧС и срежу вашу дверь на хрен. Я мать одиночка, весь день на работе, мне некогда топтаться перед дверьми, детей нужно кормить.

— Пивом что ли? Они у тебя только пустые полтарашки на помойку оттаскивают мешками.

— Не ваше собачье дело, откуда пиво.

— Оттуда! На пиво денег не жалко, а домофон ставить, жаба давит.

Андрею, надоело в который раз, слушать одно и то же, по всей видимости, дебаты могут затянуться, вступать в которые намерения у него не было, и как решится вопрос, в настоящий момент не интересовало. Его занимали совершенно другие мысли. Терапевтический эффект от сходки уже получен, внутренне он сам себе казался спокойным, но заноза в голове оставалась. Нетерпение и любопытство разобраться с непонятными вещами все больше овладевали им.

"Что это было?! Как этот браслет-обруч оказался на руке?! Что это за свет, который, можно сказать, оглушил меня", — вопросы мелькали в голове снова и снова.

"Может это переутомление или новое модное заболевание, а может шизофрения вот так и начинается. Шар и свет должны видеть многие, если всё это было".

"Нужно немедленно проверить наличие той самой вещицы".

Пробормотал супруге, стоящей рядом:

— Ну, сообщишь, что решите, мне склоки слушать не климатит, — влетел на этаж, открыл входную дверь, не снимая

обувь, миновал коридор, заглянул в комнату и обомлел. Серебристый обруч лежал на диване у его боковой спинки, в общем, там, где его и оставил.

"Так-так, сейчас…", — обрывки малых мыслей зажигались и гасли в мозгу, не успевая сформироваться окончательно в мыслеобразы. На автопилоте вернулся в прихожую, скинул обувь и вошел в комнату. Взял в руки браслет, положив на ладонь, поднял его на уровне глаз и постарался внимательно рассмотреть, чтобы не пропустить ни одной детали, но странное желание нацепить пересилило. Снова вибрация, браслет мягко охватывает запястье.

Что дальше? Ничего. Ничего не происходило, мир не перевернулся. Волнений не было так же, всё обыденно, как будто он надел на руку часы. Схоже с утренней процедурой при уходе на работу.

С эстетической точки зрения безделушка выглядела даже прилично, стать другой мешали кнопки, вот если бы вместо них вставить драгоценные камушки, тогда да — женское украшение, с богатым и дорогим видом. На руке мужчины может сойти за "циркониевый браслет", который всё рекламировали как лечебное средство по телевизору, но только в том случае, если вы это средство в руках не держали.

"А что, буду говорить всем для стабилизации давления, — пронеслось в голове, — не выбрасывать же сразу вещицу полученную задаром. Вот только проверю на излучение, если всё в норме, можно и принять подарок".

Тут раздался звонок. Он открывает дверь, входит супруга.

— Всё, ставим домофон. Уломали бабок, — возбуждённо с порога произносит она, — прощайте сонные бомжи на лестнице по утрам, запахи в подъезде, как в общественном туалете, и шприцы на подоконниках.

— Лен смотри, что у меня, — не обращая на её скороговорку, выпалил он, протягивая вперед правую руку.

— Где? Опять дурачишься.

— Ну, на руке.

— Отстань со своими приколами. "Что на него нашло?"

— Да ничего не нашло.

— Мне кажется про "нашло" я не говорила, — глядя прямо в глаза, по слогам процитировала она. — " А может, и сказала, да не заметила".

"Стоп, — подумал он, — последнюю фразу она не говорила, рот закрыт. Я слышу её мысли, т. е. читаю, вообще слушаю и читаю одновременно. Нужно остановиться и быть внимательней, иначе…"

— Завтра перед работой зайди в домоуправление, отдай показание счётчиков, — прервала его размышления Ленка, — "сходит не развалится", — добавила мысленно.

— Схожу, — ответил Андрей, а сам подумал, — "эта штучка на руке невидима, к тому же нужно быть начеку и соображать пошустрей, что-то в ней ещё есть такое, чего мне пока не понять".

На следующий день, выходя из дома, засунул браслет в карман джинсовых брюк, рассудив: "Разгуливать по городу с ним на запястье, а тем более работать, будет весьма непривычно". Выполнив обещание посетить домоуправление и задержавшись там больше, чем хотелось, он опаздывал на работу. Хорошо, когда свой транспорт, но удачным это утро не назовешь, казалось, вот уже нагнал время, ловко маневрируя по полосам, максимально возможно нарушая скоростной режим, вырвался на финишный отрезок, и "нате вам" — пробка.

Пробки в том месте возникают очень часто из-за железнодорожного переезда. Железная дорога разрезает основную автомагистраль Пролетарского района почти на самом выезде из города.

Хотя переезд оснащен светофором, автоматическим шлагбаумом, барьерами автоматами, а также отъёмными "банкоматами", которые попарно и в одиночку дежурят с каждой его стороны. В народе шутят:

— Не только автоматическими подъемниками, но и денежными отъёмниками.

Фишка заключается в том, что при каждом закрытии переезда водители последней пары машин поневоле всегда становятся нарушителями, т. к. переезд еще не закрыт, но уже звенит звонок, и мигает красный свет. Объяснения "без вины виноватых", что звонок их застал уже при пересечении рельс, не принимаются во внимание, и развод на деньги идет как обычно по полной программе. Однажды переезд осиротел на полтора месяца. Гаишники отняли права у крупного чиновника из соседней области, ехавшего в гости к местному начальнику и отказавшегося платить штраф прямо на месте. Права вернули, кормушку временно закрыли.

Андрею нужно, объехав длинную колонну из автомашин, перед переездом повернуть направо в тупик промзоны, образованной вследствие банкротства крупного завода. Распродажа его по частям привела к созданию новых организаций и множества частных фирм, в одной из которых он и работал.

Перед ним, его же запланированную схему объезда осуществил джип, юрко шмыгнул в проём бывших ворот завода. Старший лейтенант ДПС терпеливо проводил его взглядом.

Автомобиль Андрея, следующий за джипом, не понравился офицеру. Полосатая палка указала место для экзекуции.

— Нарушаем…, - только и успел он разобрать из всего монолога взявшего под козырек.

У Хрусталёва от несправедливости перехватило дыхание.

— Можно поинтересоваться, что я нарушил, — как-то неубедительно возразил Андрей, протягивая права и документы на машину.

— Пройдемте в мой офис, — улыбаясь, милиционер показал на "Жигули" пятой модели с мигалкой и добавил, — разберём ваши ошибки.

Садясь в автомобиль рядом с инспектором, Андрей мысленно прокручивал правила дорожного движения: "Железнодорожный переезд стоит дорого, обгон перед переездом запрещен, а мы и не обгоняли, точно, как это называется, опережали, нет объезжали".

— Я никого не обгонял, а объезжал, — ободрённый размышлениями он пошел в атаку.

— Никто вам и не вменяет обгон, у вас иное нарушение, которое может повлечь за собой лишение водительского удостоверения, — солидно произнес старлей, — читайте вот этот параграф, — передал ему раскрытую книгу.

— Разрешите сходить за очками, без них мне будет сложно.

— Пожалуйста.

Поковырявшись в папке, он достал очки, а затем браслет из кармана и надел его на руку. Вернувшись в машину гаишника, энергично взял книгу с панели, раскрытую на разделе "Движение через железнодорожные пути", начал читать.

— "Запрещается выезжать на переезд", не то, а вот: "Кроме того, запрещается: объезжать с выездом на полосу встречного движения стоящие перед переездом транспортные средства".

— "Сколько же взять с этого упёртого лоха? 500 или 300. Читает он".

— "Ничего себе мыслишки у нашей милиции", — пронеслось возмущение в голове Хрусталёва, и тут же, — "А! значит прав я".

— На встречную полосу не выезжал. Это статья не подходит, — более уверено произнёс он, передавая книгу владельцу.

— "Вот не хотел же сначала останавливать, бодай его теперь", — а вслух добавил, — составим протокол, на комиссии разберутся.

— "Должен дрогнуть", — уловив мысли инспектора, подумал Андрей, и сам пошёл в атаку, — разметки нет, подам на вас в суд. Любой судебный пристав после замера проезжей части подтвердит мою правоту.

— "Теряю время с этим жадным жлобом. Борец, блин, за справедливость".

— Настроения нет возиться с протоколом, на первый раз прощаю, — великодушно поучал инспектор, возвращая документы, — "номер запомнить, прихвачу в следующий раз, вон и переезд открылся".

— Спасибо, лейтенант, быть вам капитаном, — с настроением пошутил Хрусталёв.

— "Вот гад, ещё издевается! Из меня лоха сделал. Хотя сам виноват, ведь видел эту "Ладу", часто мелькает. Работает, наверное, тут, подготовился".

— "Браслет — супер", — садясь за руль, Андрей спрятал его в карман, — "шеф меня уничтожит вместе с браслетом", — иронически продолжил он, взглянув на часы.

День прошел как обычно. Как обычно — это значит много работы, не только подумать, но и присесть некогда. Однако он заметил одну странность, хотя браслет и лежал в кармане, в общениях с сотрудниками дополнительно к разговорам ощущался шепот, да не слышался, а именно ощущался. Причина этого ему уже понятна, лежит в кармане, но вот как быть с самой причиной.

Вопрос начал решаться сам собой. После проверки на радиоактивность у знакомого в МЧС всё свободное время уходило на изучение явлений, вызываемых этим предметом. Изучение сводилось к познанию самого себя, своих новых возможностей.

Сам процесс в его начале был хаотичным и походил на шалости и развлечения ребёнка. Усилиями воли двигались предметы по столу: футляр для очков, пульт от телевизора, пэт-бутылка, лист бумаги, записная книжка. В раскрытой книге перелистывались страницы, запущенный бумажный самолётик долго парил в управляемом полёте, в ванной скручивались колпачки с тюбиков зубной пасты и пены для бритья, на балконе отрывались листья и колыхались ветви дерева, росшего перед домом.

Всё это было очень занимательно, повторялось многократно, особенно понравилось писать на запотевшем зеркале в ванной комнате. Пробы отображения текста на экранах телевизора и мониторе компьютера без технической поддержки клавиатуры не удались, но интуитивно осознал, что это возможно, необходимы тренировки. Кроме тренировок не помешал бы и теоретический фундамент под здание маленьких чудес.

Неделя пролетела незаметно. В выходную субботу пошёл в парикмахерскую, расположенную с уличной стороны в доме напротив. Обыкновенная парикмахерская, никакой не салон, с дешёвыми тарифами за услуги, "совдеповская", но стригут

качественно, хотя и невычурно, клиенты есть всегда и их много, т. к. обслуживают достаточно быстро. Бизнес выживает не за счёт цен, а из-за массовости.

Сидя в холле спартанского стиля, где кроме кожаной кушетки и зеркала на стене ничего нет, Андрей слушал радио и размышлял.

В зале у стены стояла этажерка, в качестве полок использовались три пластмассовые корзины, в которых лежали свежие полотенца. Скотчем приклеена табличка: "Чистое белье". Рядом большое прямоугольное ведро с откинутой крышкой и другой табличкой: "Грязное белье". "А почему бы ни написать — "использованное белье", что было бы не так унизительно для клиентов, ведь что же получается, все в парикмахерскую приходят грязными? Наверное, администратор заведения молод, полон энергии и сил, а прилагательное "использованное" ассоциируется с другим предметом обихода и вызывает комплекс брезгливости уже у него".

Размышление прервал диктор радио, сообщил номер телефона студии для слушателей, желающих поделиться впечатлениями или наблюдениями за чем-то необычным. В качестве примера поведал о светящемся шаре над городом в прошедший понедельник. НЛО, так назвал его ведущий передачи, оказывается, наблюдали многие в городе, это подтверждается массовостью звонков.

— Я тоже видел, — оживился седоватый мужчина предпенсионного возраста, которого только что закончили стричь.

— Да что вы говорите, Валентин Сергеич, — подзадоривала его мастер, принимая деньги за стрижку.

— Да-да, я серьёзно говорю, вы зря мне не верите, — продолжал убеждать окружающих Валентин Сергеевич, продвигаясь к выходу.

Пройдя середину зала, он остановился и вопросительно посмотрел ещё раз на себя в зеркало.

— А я не удивлюсь, если это действительно НЛО, — вступила в дискуссию второй мастер, продолжая колдовать над клиентом, — даже престижно для нас, а то слышим о появлении где-то, а у нас всё нет и нет. Вот теперь и мы не хуже остальных.

— Спасибо, до свидания, — как-то разочаровано произнёс Валентин Сергеевич, выходя через проём из зала в холл, наверное, он ожидал более существенной реакции на свои слова, а не откровенной издёвки.

Хрусталёв на миг с ним встретился взглядом, и ему показалось, что тот действительно искал поддержки.

— Чудаковатый мужчина, — произнесла парикмахерша, не стесняясь в выражении и не прекращая работы, когда закрылась входная дверь за тем, о ком шла речь, — а откуда ты его знаешь, Алён, — обратилась она к своей напарнице.

— Да это бывший председатель моего ЖСК, — ответила Алёна, аккуратно заметая остатки волос с пола в совок.

— За что выгнали, — нехотя продолжила расспрос коллега.

— С чего, ты, Ирка, взяла, что его выгнали.

— Ты сказала "бывший".

— Да нет, он сам ушёл. Вообще история тёмная, разное говорят. Председатель он был деятельный, при его руководстве в квартирах тепло было и горячая вода, не то, что сейчас.

— Зачем же вы его тогда отпустили, — удивлённо продолжила диалог Ирина.

— Мы его и не отпускали, два раза собрание собирали, просили остаться, ушёл по здоровью. Следующий проходите, — пригласила Алёна.

Встал сосед Хрусталёва и прошёл в зал.

— Садитесь, — указала она на кресло молодому человеку и после стандартных процедур по приготовлению к стрижке клиента и его опроса продолжила рассказ.

— Я и говорю, что всё там не так просто. Он умел собирать с должников плату за коммуналку, где убеждением, где нахрапом, а иногда и через суд. Вот, поговаривают, и нарвался.

— Как это? — вопросила Ирка.

— Да вот так. Вывесил он списки должников по оплате коммунальных услуг, в тех списках мент оказался, квартиру у нас в доме снимал. Сразу же приносят ему повестку явиться в районный отдел милиции. Приходит он туда, а там, в кабинете сидит знакомый квартирант-неплательщик и заявляет, что зарплата у него маленькая, других средств на существование нет, поэтому председатель что-то должен придумать, так как платить за нанятое жилье дважды дядя милиционер не собирается. Валентин Сергеич ничего умного не придумав, находит хозяйку квартиры и предъявляет требования по оплате ей. Его повторно вызывают в милицию, но уже разговаривают невежливо, а предупреждают, что у него могут начаться крупные неприятности. После этого он и подал в отставку.

— Видно грешен был перед властями, что так быстро сдался, — сделала вывод Ирка, закончив стрижку и освобождая клиента от пут "грязного белья".

— Самое ехидное во всём этом, — продолжила Алёна, — мент через два месяца получил государственную квартиру в другом районе и переехал. Валентин Сергеевич устроился

председателем садоводческого товарищества. В накладе остались только мы — жильцы кооператива, в доме постоянные проблемы не только с горячей водой и отоплением, но теперь и с холодной, и с вывозом мусора, дворники постоянно бастуют. У нового председателя на всё отговорка: "Нет денег". Один вопрос — куда он их девает?

— Ну, а как дела у вашего любимчика Валентина Сергеевича на новом месте? — поддерживая тему, с иронией в голосе спросила Ирка, жестом пригласив сесть в кресло Хрусталёва.

— Ты знаешь, прекрасно, — ответила Алёна, — на поприще садовода развил такую деятельность, товарищество процветает. Им все довольны, даже дачи в его поселке подорожали. Статью в местную газету накатал под названием: "Овражнобуерачные сельхозпродукты". Пишет, что почти все овраги, балки и буераки отданы под дачи. Типа трудолюбивые дачники разработали бросовые земли, получают неплохие урожаи, а настоящие пахотные чернозёмы зарастают бурьяном, а те, которые используются по назначению, имеют очень низкий коэффициент отдачи. И в конце парадоксальный вывод: нужно развивать овраги, балки и буераки, так поднимется сельское хозяйство.

— Это, наверное, под соседние колхозные поля подкоп делает, — подытожила Ирина, занимаясь причёской Андрея.

Хрусталёв тоже сделал выводы: во-первых, шар наблюдал не он один, что уже хорошо, отпадает вопрос о галлюцинациях; во-вторых, говорить об этом серьёзно и вслух — примут за идиота; в-третьих, всё-таки единомышленники есть, а значит, возможно существуют где-то и другие браслеты, и их также кто-то изучает и ищет им достойное применение.

Глава 2

"Рено меган" стоял под вязом, правой стороной лишь слегка прижимаясь к низкому палисаднику, отделявшему асфальтированный центр двора от неухоженного сквера с земельным грунтом. Ширина проезжей части при рациональном её использовании позволяла разъехаться двум легковым автомобилям. Обладатели машин, проживающие в двух пятиэтажках, образующих двор, не создавали взаимных неудобств, ставили свои авто максимально близко к заборчику.

Хозяина иномарки, приезжавшего во двор в гости к своей матери, неоднократно вежливо просили не перекрывать проезжую часть. Бизнесмен на просьбы не реагировал.

У Андрея с ним была небольшая стычка, остался неприятный осадок в душе. Как-то в рабочий полдень запарковал в глубине двора свой транспорт, время обеда вышло, а покинуть двор нет возможности. Долго сигналил, опаздывая на работу, и когда водитель соизволил появиться, высказал ему: "Мне не нравится, как вы паркуете машину".

"Не нравится, не ешь", — ехидно ответил тот модным штампом.

Вот и в этот раз "рено" неудачно расположился, так сказать, нагло хамил. Наблюдая эту картину с балкона четвертого этажа, Андрею подумалось, что неудобства могут быть и ответными.

Взгляд упёрся в переднее колесо, потом в колпачок золотника. Ладони заполыхали огнём, мир вокруг потерял четкость от концентрации. Колпачок медленно откручивался, еще одно усилие и он упал на асфальт. Передохнул, вообразил, как нажимает на золотник, шума выходящего воздуха из шины не слышал, но колесо уже диском касалось асфальта.

"Немножко отдохнем, потом вызовем хозяина", — пронеслась первая мысль, а вдогонку другая, — "оказывается, при очень сильном желании можно достичь многого, регулярно тренируясь, если, конечно, милиция не остановит".

После небольшой паузы, он попытался снова сконцентрироваться и раскачать кузов, не получилось. Вероятно, неправильно представил данный процесс или уже устал, но и этих усилий хватило, сигнализация сработала и заблажила во всю мощь.

"Ну и ладно", — подумалось ему с огорчением, — "всё равно конечная цель достигнута, подождём".

Ждать пришлось долго, хотя вой прекратился через несколько секунд при отсутствии повторных внешних воздействий. Гость

появился неожиданно и нажал на пульт-брелок. Электронный сторож крякнул несколько раз, хозяин начал пристальный осмотр. Только слепой мог не заметить спущенной шины, подняв колпачок, осмотрелся вокруг. Двор фактически пуст. Лишь в его конце под деревом на лавочке тихонько ворковали две старушки.

"Мы же крутые! Нам всё нипочем! — иронически пронеслось в голове Андрея под мягкий рокот переносного компрессора, — следующий раз, если пожелаете, попросим вашу крутость в шиномонтаж. Специально потренируюсь, воспитательный процесс, как говорил Макаренко, должен быть непрерывным".

"Стоп, а как тренироваться? Прошел четыре месяца с момента окольцовки, а я всё игрушками занимаюсь, нужно что-то предпринять более серьёзное", — крутилось в голове Хрусталёва. Это более серьёзное оказалось Интернетом.

Там-то он и повстречал статью "Паранормальные психические явления и способности и их разновидности", из которой почерпнул много интересного о вышеназванных явлениях, но личность автора, уфолога Рогалёва, заинтриговала ещё больше.

На деле Рогалёв оказался никаким не уфологом, а кандидатом физических наук, преподавателем на физическом факультете местного классического университета. Его кандидатская работа, как изложено в аннотационном резюме, затрагивала вопросы теоретических изысканий и практических исследований в области современной квантовой хромодинамики. Под его авторством вышло много и иных научных статей, но внимание Андрея привлекла ещё одна, это о материальности энергии мысли или, проще говоря, мысль материальна. Интуиция подсказывала ему, это то, что нужно.

Узнав в секретариате действующий телефон кафедры, где трудился Алексей Борисович Рогалёв, он со второй попытки всё-таки связался с ним.

— Алексей Борисович?

— Да, я вас слушаю.

— Здравствуйте.

— Добрый день.

— Алексей Борисович, я недавно ознакомился с вашими интернетовскими статьями и хотел бы проконсультироваться у вас, если это возможно.

— Во-первых, вы до сих пор не представились.

— Ой, извините, это от волнения, я Хрусталёв Андрей Викторович, бывший военный, в настоящее время любитель-исследователь. "Господи, что я несу", — параллельно разговору крутилось у него в голове, — "сейчас меня пошлют куда подальше".

— Хм…, - послышалось в трубке, — во-вторых, у меня много статей и на разные темы.

— Да, конечно, по квантовой хромодинамике, но мне ближе о паранормальных психических явлениях.

— Вы знаете, я уже не занимаюсь ни тем, ни другим. В настоящий момент я просто преподаватель, ведь многие статьи и особенно выводы в них спорны и недоказуемы, поэтому принесли мне достаточно неприятностей. Я не представляю, чем могу вам быть полезным.

— Алексей Борисович, вы единственный земляк-корифей в этих вопросах, ну не ехать же мне в Москву или Новосибирск. Прошу вас выделите часок вашего времени.

— Ну, хорошо, сделаю скидку на ваше пролетарское происхождение, но только в конце месяца, сейчас сессия, перегружен основательно. Перезвоните числа так двадцать пятого — двадцать седьмого, договоримся о конкретной дате.

— Спасибо, я обязательно позвоню. До свидания.

— Всего хорошего.

— "Какая сессия? Сейчас ноябрь. Ладно, перезвоним", — с облегчением подумал Андрей.

Созвонившись в конце месяца с Рогалёвым, он всё-таки получил возможность встретиться. И вот на следующий день после звонка в условленное время, измеряя периметр университетского городка шагами, он остановился у массивного трёхэтажного здания постройки первой половины прошлого века с надписью из лепнины на фризе "Физический факультет". Постояв немного перед входной лестницей с парапетом и со стёртыми ступенями из мрамора, решительно преодолел портал.

Здание внутри было таким же основательным, как и снаружи, ощущалось, что строилось на века из качественного и недешёвого материала, по-видимому, зодчие знали заранее, что на капитальный ремонт у потомков всегда не будет хватать денег.

Отыскав дверь с нужным номером, попытался тихонько приоткрыть её, но не тут-то было, крашеный дуб и размеры, высота около трёх метров, придали двери массивность, и она не поддавалась. Взявшись обеими руками за ручку, Андрей с усилием дёрнул и не рассчитал, дверь с шумом открылась, человек худощавого телосложения в очках с золотой оправой, сидящий за коричневым столом, моментально повернул голову в сторону двери и вопросительным взглядом окинул его.

— Извините, — сконфужено, как студент-первокурсник, начал Хрусталёв, — вы не подскажете, как мне отыскать Рогалёва Алексея Борисовича.

— Подскажу, это я.

— Здравствуйте, я Хрусталёв, мы условились о встрече вчера по телефону.

— А, военный уфолог, здравствуйте, проходите.

— Почему уфолог? — протискиваясь через дверной проём в аудиторию, спросил Андрей.

— Ну а кто же вы? — вопросом на вопрос ответил его новый знакомый, — если вас привлекла статья о паранормальных явлениях. Или вы пришли обсудить последовательность теории элементарных частиц?

— Можно последовательность теории, но её как бы ещё не создали, а вот меня больше интересует ваше высказывание о материальности мысли.

— Похвально для обывателя, иметь понятие о кирпичиках мироздания. Ну, а что касается мыслеформ — это больше философский вопрос, так сказать, метафизический.

— Ну почему философский? Ведь человек, обладающий шестью видами чувств, при помощи соответствующих органов способен материальные предметы или действия преобразовывать в мыслительный процесс и наоборот.

— Что значит наоборот?

— Произнесённая буква — это уже звук.

— И вы сделали вывод, что при существовании в сознании материальных вещей в форме мыслительных образов мысль тоже материальна?

— Не только поэтому. Ведь иногда мысли людей совпадают, хотя — это не плагиат, и не телепатия, т. к. совершенно разные люди живут в разных странах и городах, не знают друг друга и говорят на разных языках, а мысли и идеи рождаются у них одинаковые.

— Ну, это говорит об относительности мышления.

— Соглашусь, если бы речь велась о культурно-бытовом уровне. А когда происходят изобретения, научные открытия? Ведь бывает так, что учёные всю жизнь бьются над какой-то проблемой, а результата нет. А какому-то обывателю неожиданно пришла откуда-то мысль, и он решил эту проблему в одночасье.

— Случаются и парадоксы. Однако должен вас огорчить, по этому поводу русский физиолог Сеченов писал: "…мысли создаются из элементов, зарегистрированных в памяти человека, даже так называемые новые мысли, лежащие в основе научных открытий, не составляют исключение из этого правила".

— А что если предположить, что идеи в прямом смысле витают в воздухе, ну не в воздухе, в эфире, пространстве в виде энергии, ведь энергия тоже материальна, как вибрации определённой частоты, длины, соразмерности. Человеческий мозг

улавливает эти вибрации, сканируя пространство, и получает эту энергию, а энергия побуждает определённую мысль. Таким же образом производит и выпускает обратно в пространство. Ведь если мысль не записать, не застолбить, если хотите, то её можно потерять, и кто-то другой найдёт. С таким понятием можно объяснить неуловимость снежного человека, он получает энергию мысли охотников за ним.

— Так вот как вы всё перевернули. Я в своей статье имел в виду энергию, пронизывающую всё пространство, даже космический вакуум, так называемую "монаду" божественного происхождения. Мысль, в принципе, — энергия, но она условно материальна, — после паузы он добавил, — всё равно этот вопрос больше философский, просто вы его не так классифицируете, а идея о снежном человеке интересна. Ну, я надеюсь, что ко мне вы пожаловали действительно с вопросами по физической тематике.

— Конечно. В вашей статье даны описания категорий паранормальных явлений, я поневоле стал обладать некоторыми способностями из этой области.

— Что означает поневоле?

— Некая вещица, как мне кажется, материально-виртуального действия заставляет мой мозг работать на таком уровне или, может быть, помогает восстановить утраченное свойство в эволюционном процессе.

— Что и у вас браслет? — с удивлением, но уж как-то обречено вопросил Алексей Борисович.

— Так мы что, коллеги по несчастью? — черёд изумиться настал и у Андрея.

— Не обманывайтесь понапрасну, у меня нет браслета, но я знаю человека, у которого он был некоторое время назад.

Собеседник Хрусталёва встал и вышел из-за стола на свободное пространство, словно что-то вывело его из равновесия покоя, и, собираясь погасить излишнюю энергию, начал цикличное движение от двери к окну и обратно.

Андрей, отслеживая поворотом головы перемещения, рассматривал его. На вид, по возрасту, он был чуть младше его, приблизительно лет тридцати семи — сорока. Казался высоким из-за худобы, волосы на голове цвета прошлогодней соломы, пепельно-серые, но чёрная аккуратная бородка. Одет скромно, но со вкусом, серый костюм, джемпер с глубоким вырезом, полосатая рубашка, однотонный галстук с преимуществом красно-коричневых оттенков, новые чёрные ботинки хорошо вычищены.

Не останавливаясь, в движении два раза посмотрел на часы прямоугольной формы со стальным браслетом. Весь этот антураж,

особенно кожаный портфель-кейс чёрного цвета с длинным ремнём, прислонённый к боковине стола, придавал ему образ художника или архитектора, хотя если всё основательно проанализировать, то получится только учёный-преподаватель и никто иной.

Неожиданно он резко остановился около Андрея и произнёс:

— А зачем вам всё это нужно?

— Я хочу понять, до каких пределов можно развить паранормальные способности.

— А это зачем?

— Пока не знаю, тянет, просто интересно.

— Так вы уже на игле.

— Можно сказать так.

— Не понятно, ради чего проводить эксперименты над собой. Я могу предсказать, чем всё это для вас закончится.

— Ну, и…?

— Вы разовьёте свои способности, дальше вам всё надоест, но возврата к прежней жизни уже не будет. В лучшем случае — попадёте под влияние криминала, в худшем — окажетесь или в психиатрической лечебнице или в Жидкуре.

— Про последний не спрашиваю, не информирован, а почему в психушке?

— Жидкур — российский аналог американского Розуэлла, там занимаются изучением всего непонятного. Ну а в "психушке", как вы изволили выразиться, все ваши деяния и рассуждения запросто сойдут за диагностические выкладки из учебников по психиатрии, а с наукой не поспоришь. Вот поэтому я такими вопросами больше не занимаюсь. Скажите, браслет у вас с собой?

— Нет. Я не умею одновременно обрабатывать поток чужих мыслей и речь, ещё не освоился, это мешает привычному порядку общения. У меня есть рисунок, вот посмотрите, — он достал из внутреннего кармана вчетверо сложенный тетрадный листок и передал Рогалёву.

Тот безапелляционно взял, развернул, быстро просмотрел и вернул обратно со словами:

— Да, такой же.

— Такой, да не такой, если вы видели предыдущий, то этот увидеть посторонним нет возможности.

— Да есть, через зеркало, двухмерное изображение трехмерной реальности, — произнёс Алексей Борисович и в тот же миг смутился, видно было, что он не хотел делиться даже такими малыми знаниями о браслете, в этот момент Андрей пожалел о невозможности узнать его мысли.

— Так что, мой вам совет, выкиньте всё из головы и живите

спокойно, никому не показывайте и не рассказывайте. А браслет — пусть будет. Как обращаться в быту с такими вещами, вас лучше меня проконсультирует "потомственная гадалка" Мария, — при этом выражение "потомственная гадалка" произнесено было с намеренной иронией, — вы ей позвоните по обычному телефону. Номера я не помню, найти его не трудно по рекламе, в городе много потомственных гадалок, но Мария одна, скажите, что от меня.

Хрусталёв поднялся со стула, держа в руках рисунок, был немного растерян от внезапного поворота диалога в сторону его окончания. Видя его удивление, Рогалёв извинился:

— К сожалению, больше времени вам уделить не могу. Возникнут вопросы по хромодинамике, милости прошу, а в остальном, увы, я вам не консультант. Рад был пообщаться.

Он пожал ему руку и молча начал собирать портфель. Андрею ничего не оставалось, как попрощаться и выйти.

"Что же мы теперь имеем, — стоя в университетском дворе, размышлял он, — с одной стороны, со мной поговорили на интересующие меня темы, с другой, дали понять, что больше таких разговоров не будет. К гадалке послали, бред какой-то. Да ладно, сходим к гадалке, может наука старается избегать эзотерической темы не по своей воле".

Телефон Марии действительно отыскал быстро, но вот установить контакт пришлось намного позже, каскад событий, произошедших потом, несколько отодвинул встречу.

Глава 3

Российские областные центры или, как сейчас принято называть, губернские, в своём возрасте немолодые и нестарые. Что для России триста-четыреста лет — этап истории, а вот для Америки в двести лет укладывается весь цикл развития государства.

В девятнадцатом веке города наши отстраивались как купеческие: повозки, пролётки. Невдомёк тогда было, что за океаном, улицы шире размечая, заглядывают в будущее, оставляют места для "фордов", "крайслеров" и "шевроле". Только сейчас мы почувствовали, как тесно в российских исторических центрах, и не время меняет облик городов, а собственный эгоизм жителей в них живущих, их любовь к комфорту.

Количество автомобилей перешло рубеж чрезмерности, потому паркуют их прямо на проезжей части у тротуаров, не обращая внимания на запрещающие знаки, всех не накажут, да и не наказывают, по всей вероятности, понимают и осознают, что не вина это, а беда. Скорей всего, петушок не дожарен или ещё клюет не больно, или не в то место, потому что двуглавый?

"Рено меган" опять хамил, да ещё как! Въезд во двор был перекрыт им единолично, он стоял по центру проезда и не оставлял никакой возможности проникнуть в глубь двора. "Сколько раз просили, ну прижмись влево или вправо, дай дорогу и другим, нет, как говорят в народе, хоть кол на голове чеши, от вожделённого снобизма не отступлюсь".

В соответствии с развивающейся ситуацией переулок, что перед двором, естественно запружен транспортом. Пришлось возвращаться и искать место где-то на улице, оставлять средство передвижения без присмотра. Свободное место нашлось почти за квартал.

Пообедав наскоро, время потеряно на парковку, выходя из подъезда, Андрей увидел, как невоспитанный "рено меган" покидает гостеприимный двор. Кто его должен воспитывать и исправлять, когда он успел испортиться или был таким, но скрывал свою сущность до прихода ваучера, и в какое место нужно было вкладывать или вставлять свой ваучер простому человеку, чтобы к нему проявлялась пусть не уважение, но терпимость.

Пройдя улицу к месту стоянки авто, Хрусталёв его там не обнаружил. Первая успокоительная мысль, ошибся, потом, более внимательно осмотрев уличное пространство, понял — угнали. На том месте, напротив входа в продуктовый магазин стояла

"Ока". Значит, угнали давно, а место запарковали другие. Что делать? Звонок по 02.

Дежурная внимательно выслушала, заставила продиктовать данные техпаспорта машины Андрея, сказала: "Ждите опергруппу". Через двадцать минут милицейский уазик "Буханка" остановился на проезжей части улицы у входа в магазин. В форме только двое, сержант-водитель и лейтенант из группы, впоследствии оказался участковым этого района, остальные двое — в гражданке.

Хрусталёв подошел к ним представился как потерпевший.

— Следователь Широков, — отрекомендовался старший и добавил, — расскажите всё подробно, введён план перехвата "Вулкан-2", поэтому любые мелочи и наблюдения могут оказать существенное влияние на поиск и обнаружение.

Единственное, что отложилось в памяти Андрея, это стоящая рядом справа "шестнадцатая" потому, что у неё все стёкла были затонированы черной пленкой, даже лобовое. Её сейчас нет на прежнем месте, номера естественно не помнит. Опрос возможных свидетелей был недолгим, некого опрашивать. Широков предложил проехать в отдел для оформления заявления об угоне уже там.

В отделе следователь с потерпевшим провел обстоятельную беседу, выявляя возможность завладения ключами от угнанного авто посторонними. Пока он заполнял протокол допроса, Андрей впервые осмотрелся. Кабинет, где они находились, был похож на все те кабинеты, которые показывают в телесериалах, всё такое же расположение служебной мебели и сейф за спиной следователя, только площадь помещения меньше. Теснота давит на посетителей, работать, конечно, можно, но вот съёмки проводить здесь уже затруднительно.

Вошел лейтенант-участковый. Сел за стол напротив Широкова у Хрусталёва за спиной. Андрей повернулся в пол-оборота к лейтенанту и посмотрел прямо в лицо.

— Не повезло вам, — с сочувствием и первым заговорил участковый, приняв поворот в его сторону как приглашение к диалогу.

— Шансов мало, что найдут? — как-то нескладно и без оптимизма спросил Андрей.

— Если в течение первой недели не найдётся, или никто не позвонит, то поиски могут растянуться до бесконечности.

— Что прямо никакой надежды?

— Надежда всегда есть, только результат не всегда бывает, — витиеватость проскользнула не только в словах молодого лейтенанта, но и в интонации.

В этот момент Широков закончил читать своё сочинение и протянул его потерпевшему со словами:

— Ознакомьтесь и распишитесь в конце, если что не так, поправим.

— Всё правильно, — ответил Андрей после прочтения.

— Вот вам мой телефон, если вспомните что-то, или у вас возникнут подозрения, кто это мог сделать, звоните.

Хрусталёв догадался, что его уже больше ничто не держит здесь, встал со стула и вопросительно взглянул на лейтенанта. Тот с пониманием кивнул и вышел вместе с ним.

— Скажите, а как можно ускорить процесс поиска, — начал Андрей с места в карьер.

— Это вам нужно к гаишникам, у вас есть там знакомые?

— Да вот не обзавёлся, а вы не поможете мне?

— Из поисковой бригады никого не знаю, да и дорого это стоит. Если есть деньги, то советую вам выйти на похитителей и попробовать выкупить машину, пока её ещё не загнали.

— Как это выйти? — недоумённо переспросил Хрусталёв.

— Дать объявление в газете, там таких полно, обратиться к местным авторитетам, если вы таковых знаете.

— А вы мне не посодействуйте в этой области.

— Можно, конечно, к смотрящему вас подвести, но только договариваться сами будете. Вы вообще-то имеете представление, кто такой смотрящий?

— Ну, так само звание говорит.

— Вот-вот, но не сегодня, я на дежурстве. Приходите послезавтра днём в участок, я там почти всегда на месте. Надеюсь, свой участковый пункт милиции вы знаете, где находится.

— Это вход в арку за кинотеатром на проспекте?

— Рад, что не забывают граждане очаг правопорядка. Приходите, может быть, что-то и выйдет из этой затеи, — ободряюще и уже более настойчиво зазывал его к себе в пикет лейтенант.

Выйдя из отдела милиции, Андрей только тогда хладнокровно и зряче всё понял и рассудил, что с ним произошло, до этого всё что было, это было как бы ни с ним.

На улице начало декабря, погода сошла с ума. Синоптики, отчаявшись в ожиданиях, начали с экранов телевизоров декламировать пятую главу "Евгения Онегина": " В тот год, осенняя погода, стояла долго на дворе, зимы ждала, ждала природа. Снег выпал только в январе на третье в ночь". Народ изучал классику наглядно, ведь снега не было, температура низко не опускалась, лёгкие морозцы сменялись слишком теплой и

продолжительной оттепелью. Дискуссии велись о глобальном потеплении, аномалиях, классик был уместен.

"Новый год придется встречать не в радостном настроении", — размышляя, таким образом, Хрусталёв позвонил шефу на работу, а затем жене, успокоил, называется. Подгоняемый пыльной метелью поплёлся домой. Не осень и не зима, и настроение в унисон.

Ожидаемое послезавтра своим наступлением плеснуло немного оптимизма. На этой волне и в кармане с браслетом Хрусталёв пошёл на встречу.

Участковый отдел был открыт, поразил его чистотой и просторностью, из мебели в двух комнатах присутствовали стол, стул и компьютер, сейфа почему-то не было. На стуле сидела опрятная старушка и что-то негромким голосом рассказывала стоящему перед ней лейтенанту. По-всему, жаловалась на соседей, обрывки фраз, расслышанных Хрусталёвым, гласили: "… музыка, одиннадцать часов, голова раскалывается". Увидев Андрея, лейтенант заулыбался, признав в нём своего спасителя.

— Алевтина Фёдоровна, я непременно поговорю с ними, но это, боюсь, не поможет, нет сейчас у милиции рычагов воздействия. А сейчас, вы уж меня простите бога ради, я должен идти по службе. Вот за мной сотрудник зашёл, — добавил он и протянул Хрусталёву руку для приветствия.

Они без слов обменялись рукопожатиями, Андрей озадачено, участковый радостно. Бабуля, увидев постороннего, заторопилась к выходу, на ходу повторяя фразу дважды:

— Вы уж, Иван Сергеевич, поговорите, приструните. Поговорите, приструните, Иван Сергеевич.

На пороге она остановилась, повернулась к ним лицом и вежливо попрощалась.

— У вас тут действительно очаг, хочется сказать, культуры. Интеллигентная бабушка, бывшая учительница, по-видимому, вы, Иван Сергеевич, почти Тургенев, — выплеснул Хрусталёв с лёгкой иронией.

— Не только учительница, но и бывший директор школы. А вот с фамилией разочарую вас, Гарёв, — поддержал игривость участковый.

Они вышли из помещения, Гарёв начал закрывать дверь. Из узкого арочного прохода виднелся проспект, люди, идущие в противоположные стороны, наша бабуля, медленно двигающаяся на встречу с потоком. Вдруг в проёме показался молодой человек, он посторонился, пропустил на выход бабулю и энергично направился к ним.

— Вано, ты куда уходишь? — поздоровавшись с ними за руки,

он обратился к Ивану Сергеевичу, — а как же мой вопрос, мы же собирались его порешить.

— Игорёк, потом "порешим", хочешь, пошли с нами, а нет — в шесть как обычно. У человека несчастье, помочь нужно, — и повернувшись к Андрею, добавил, — ну что идёмте, не передумали ещё?

— Да нет вроде. Это у вас срочные дела.

— Да какие дела, второй месяц длится турнир по шахматам, мы с Игорьком в нём участвуем, он хочет взять реванш.

— Представительный турнир?

— Да. Я и Игорёк.

Они двинулись по проспекту, Иван с Игорьком впереди, Хрусталёв за ними. Шёл, рука в кармане крутила браслет, а его грызли сомнения, правильно ли он поступает. "Весь этот напущенный игривый тон в офисе у Вано, маскировал мою нерешительность, но её заметили, подыграли, спрашивается зачем? Зачем участковый возится со мной, в альтруизм современной милиции верится с трудом. Но очень хочется верить, что это от чистого сердца, а я собираюсь профильтровать его мысли, и, если они нечисты, плохо будет только мне. Можно сказать и по-другому: " Из-за каких-то подонков я сам потихоньку превращаюсь в подонка".

"Нужно отвлечься, чтобы не перегореть до встречи с неизвестным. Вон, какой чудесный проспект, пешеходная улица, как в Москве старый Арбат, в местной прессе так и называют — наш Арбат".

Вся улица, её бывшая проезжая часть уложена цветной тротуарной плиткой, не везде ровно потому, что в некоторых местах грунт дал осадок, но всё же красиво. Мусор только заметней, чем на асфальте. Фасады двух, трёх и пятиэтажных домов, построек прошлого и позапрошлого веков, отремонтированы и окрашены в сочные цвета. Идёшь мимо, словно в музее под открытым небом. Только современные витрины дорогих провинциальных магазинов, казино и игровых клубов портят этнографию.

"Скоро "одноруких бандитов" закроют, правильно сделают, лично я одобряю".

Бродить по музею интересно, жить неудобно. Не один проспект, а весь город — творение "древних зодчих", даже в самом центре можно встретить частный деревянный сектор.

"Деревня, глушь, курей со свиньями не хватает. Не ровнялись бы на Москву, снесли бы всю эту рухлядь и, может быть, зажили жизнью современного города. Кстати, в Москву въезжаешь, нет частных домиков, а про наши окраины лучше помолчать.

Исторический центр, исторический центр, в чём его изюминка, всегда быть провинцией? Никакого творчества, никакой инициативы, всё как в столице".

Они пересекли улицу, "Арбат" продолжался дальше, но это уже другой участок. Иван, словно читал мысли Андрея, повернулся и произнес:

— Сначала к "книжке".

В ответ тот кивнул, кто в этом городе не знает книжный магазин у ТЮЗа. Его рука в кармане продолжала крутить браслет.

Плотный людской поток сам себя регулировал, выбираешь направление, подстраиваешься, и он несёт тебя, куда нужно. Выныривают отдельные образы и вновь пропадают, калейдоскоп лиц. Надоест мелькание, подними глаза, любуйся архитектурой или обозревай однотипные витрины, сейчас зима, нет уличных кафе, каштаны без одежды, фасады зданий доступны глазу.

Много приезжих, праздношатающейся молодёжи, любящей на ходу пить пиво, даже сейчас в декабре встречаются такие. А летом, почти у каждого молодого человека или девушки всегда руки заняты, бутылки и банки несут напоказ, в этом особый шик протеста, до вступления закона "О распитии спиртных напитков в общественных местах" было меньше, хотят надышаться воздухом мнимой свободы.

Стали попадаться переносные палатки-лотки с новогодней мишурой, сувенирами, игрушками, по большей части китайского производства, подходим к "книжке", там они всегда стоят плотной стеной.

"Сейчас", — пронеслось в голове Андрея. Он вытаскивает руку из кармана, перехватывает другой, и браслет на запястье, легкая вибрация и всё. Ожидаемой лавины чужих мыслей не последовало, рядом с гомоном улицы неразборчивый шепот. Оказывается, размышлять на большую дорогу не ходят.

Ещё один перекресток, и вот он "книжка". Четырёхэтажное здание двадцатого века, несколько оригинальное. Сам магазин всегда занимал первый этаж с парадным угловым входом, обозначенным колонной. Теперь расширился, переместившись и на второй этаж.

Иван отделился от Игоря, приблизился к продавцу аксессуаров для мобильных телефонов и перебросился парой фраз с ним, и тот махнул рукой в сторону "Детского мира".

По кивку участкового они последовали за ним. Вектор движения указывал на Макдоналдс. Это уже наше новейшее изобретение: совмещать мир детства с быстрым питанием, так сказать, "хау-ноу", звучит как "г…но" таковым в действительности и является, хотя от обратного и правильного "ноу-хау". Универмаг

"Детский мир" поделился торговыми площадями с закусочной американского типа. Приблизившись к торцу этого кубического строения с отростком для ресторана, лейтенант остановился и, дождавшись нас, сказал:

— Вы здесь немного постойте, я быстро, на разведку.

Он вошел в карман, образовавшийся от сноса ветхого здания, строить что-то новое на данной площадке власти не решались вот уже много лет, по всей видимости, кто-то из чиновников уже прикупил участочек до нужных времён, хотя возможно и другое, из-за соседства с ФСБ. Тыльная сторона областного управления просматривалась в глубине кармана.

На этой территории первое время размещался детский развлекательный аттракцион "Луна парк", потом не помнится что, а теперь стояли торговые павильоны, в простонародье, ларьки, вид у них, конечно, цивильный, но торговали тут, чем попало: старыми сотовыми телефонами, всевозможными сувенирами и безделушками.

Участковый открыл дверь последнего павильона в правом ряду и проскользнул внутрь. Андрей с Игорем остались ждать, обозревая окрестности. Мысли Игоря о какой-то ерунде отвлекали Хрусталёва, мешали сосредоточиться на предстоящей аудиенции. Томиться пришлось недолго, минуты две-три, дверь распахнулась, вышел Иван и поманил их. Они подошли, он, прикрыв дверь, начал краткий инструктаж:

— На месте, зовут Варев, то ли кличка, то ли фамилия, сам не знаю, поговорить обещал, за результат не отвечаю, так что вперёд, на мины.

Открыв перед Хрусталёвым дверь из стеклопакета, показал на проём. Андрей, шагнув внутрь, поймал его беззвучные пожелания: "Удачи, мытарь".

Помещение три на четыре метра перегорожено витринами из стекла и белого пластика. Одна витрина выше человеческого роста, вторая — в виде прилавка, между ними узкий проход в завитринное пространство. За стеклом на полках — бэушные телефоны, чехлы и сменные корпуса для них. За прилавком сидел почти лысый человек в допотопных очках с роговой оправой, такие очки только для работы, и действительно, в руках у него был какой-то технический справочник.

— Добрый день, я…

— Здравствуйте, я в курсе, кто вы и зачем, Иван Сергеевич проинструктировал вкратце и меня, — отозвался он, закрыв книгу, и продолжил, — прошу, — указал на круглый барный табурет с чёрным кожаным сиденьем, стоящий на стороне посетителей у прилавка.

Усаживаясь, Андрей увидел за витриной молодого человека, чтобы рассмотреть, чем он там занят сидя на корточках, ему пришлось слегка вытянуть шею и наклонить голову. Его движение было замечено, пригласившим сесть. Варев повернул голову в ту же сторону и окликнул парнишку:

— Григорий, пора проветриться.

Григорий встал в полный рост и, уже было собрался сказать: " Когда ж я работать буду?", но не успел, его опередили.

— Я присмотрю и за твоим хозяйством, не привыкать, — явно скаламбурил смотрящий.

— Я у Лешего, — произнёс послушный Гриша и вышел.

Не зная с чего начать, Хрусталёв просто рассматривал своего собеседника, ну и старался прочесть то, о чём он думает. Однако в зоне видимости находилось только верхняя половина туловища, так что кроме шеи и головы рассматривать было нечего.

Голова, состоящая из лысого, блестящего черепа, похожего на тупую сторону куриного яйца, с седым обрамлением коротко стриженых волос, начинающих расти только от уровня ушей, не излучала никаких мыслей, что было уже странно. Лицо выглядело свежим и моложавым, хотя по глубине морщин на лбу и шее можно предположить, что возрастом он старше Андрея как минимум лет на десять, значит сейчас ему более пятидесяти пяти лет. Глазницы глубоко впалые, а нижняя оправа от очков не давала возможности увидеть, есть ли морщины под глазами. Нос, а что нос, как и у всех. Подбородок чисто выбрит, но ни синевы, ни черноты нет, волосяной покров и на лице то же слаб.

— Извините, что прерываю ваш мыслительный процесс, но уж раз пришли пообщаться, так общайтесь, как говорится, ищите и найдёте, стучите, и откроют вам, — открылся рот со вставными зубами из обыкновенного металла.

— Меня мучают два вопроса, кто это сделал, и сколько будет стоить? — начал Андрей сразу о главном.

— Так вам что важнее, вернуть машину или отомстить, наказав угонщиков? — задавая вопрос, он поменял очки, новые в золотой оправы придали ему иной, более респектабельный вид.

— Простите, не так выразился, конечно, машина — главная цель, — сконфужено оправдался Хрусталёв.

— Ну что ж, это уже лучше. Кстати меня зовут Глеб, — неожиданно, представился он.

— Андрей Викторович, — как-то не вникнув в ситуацию, отозвался Андрей.

— Тогда Глеб Викторович, — поправился тот и добавил, — а вообще-то, не люблю поминать родителей всуе.

Снова образовалась пауза, во время которой Хрусталёв

силился прочесть его мысли, а тот просто внимательно рассматривал Андрея. И снова Андрей не обнаружил никаких мыслей, что показалось уже странным, не то что их не было, а то, как Варев умело их прятал где-то. Хрусталёв понял, что этот человек искушённый и научен бороться с промыванием мозгов.

— Что, значительную роль в вашей жизни играет машина? — опять первым разорвал паузу Глеб.

— Да нет, доход получаю из других источников. Просто не привык отдавать своё просто так, без боя, — не зная почему, но искренне ответил Андрей.

— Похвально, чувствуется военная хватка, — в голосе прозвучал сарказм.

— А вы сами-то на такой должности, а вот в ларьке просиживаете, как новые русские в казино, — не выдержав издевательства, раздражённо уколол его Хрусталёв.

— Должность — для денег, о вот торговля для души, — уже мягко и бесконфликтно ответил смотрящий.

— Вы, наверное, душевный человек, — продолжал язвить уже Андрей, — а по жизни стремитесь стать хорошим.

— Сам по себе человек не может стать хорошим, это его господь бог делает таким. А вот плохим — это уж прямая его заслуга. Не делайте гадостей, и всё будет хорошо.

Тут Хрусталёв впервые понял, что его "разводят", и заодно смысл выражения усвоил на практике. Варев просто играл с ним, ему было интересно наблюдать, как он управляет эмоциями Андрея.

— Где машина, я не знаю. Угнать могли только залётные или, — последовала краткая пауза, во время которой Андрей впервые почувствовал мысль смотрящего, — "менты", — но тот произнёс другое, — это невероятное стечение обстоятельств.

— На чём основана ваша уверенность, ведь угоны случаются сплошь и рядом и у нас в городе и по стране, — возразил Хрусталёв, успокаиваясь.

— Но только не в этом районе, здесь конгломерат интересов властей, бизнеса и иных структур. Казино, дорогие магазины, деньги текут рекой. А вы слышали народную мудрость: "Деньги любят тишину".

— Что, теперь все ищут машину, — сорвалось само с языка у Андрея.

— Нет, тех, кто осмелился нарушить негласный договор. До вас никому нет дела.

— Выходит: "Дело утопающих — дело рук самих утопающих", — подытожил грустно себе Андрей.

— Вот именно, — тут Хрусталёв впервые услышал целый

монолог из его мыслей, — "Как ему объяснить, про беспредельщиков-ментов. Антимир — вот неплохая идея".

— Вы знаете, Андрей Викторович, — впервые Варев назвал его по имени и отчеству, — в сознании многих людей произошла трансформация мировоззрения от восприятия только "цветного мира" к понятию "антимир".

— А мне казалось, что приставка "анти" перспективна лишь в научных гипотезах: антикварки, антиматерия, антиэнергия, — Хрусталёв не понял сути, и потому нехотя поддержал переход разговора в иную плоскость.

— Развивая, как вы сказали, гипотезу "анти", можете продолжить: вор… — предложил ему игру слов смотрящий.

— Антивор, т. е. честный человек, — не задумываясь, быстро произнёс Андрей, словно выстрелил не целясь.

— Прямолинейно и в философском стиле. Вы продвинуты, но в другую сторону. Вор — охранник, сторож. "Охранник правопорядка, блин, мусор. За дверью стоит, привёл тебя сюда". Самые первые воры — это сторожа с охранниками, уж вы мне поверьте, честный сторож дорогого стоит. Только честный сторож объединяет и философское и практическое понятие антивора.

— "Думай, родной, думай. Читай мои мысли. Всего сказать не могу".

Хрусталёв действительно думал и не обращал внимания на подсказки в чужой голове, его занимал вопрос противоположностей и, увлёкшись просчётом комбинаций, он неожиданно выдал:

— По вашей теории получается: вор — антивор — сторож; сторож — антисторож — вор, тогда между вором и сторожем две прослойки, две личности антивор и антисторож, это уже нонсенс или, если хотите по моде, сингулярность.

— А вы представьте, что антивор и антисторож — это двуличный человек, обладающий полным набором противоположностей, вот тогда у вас всё и сложится.

— Вы, видимо, любитель составлять ребусы, а не разгадывать, — поняв, что ему здесь больше ничто не светит, Хрусталёв поднялся с табурета и протянул корпоративную визитку со словами, — я оставлю вам телефон на всякий случай, вдруг что-нибудь узнаете.

— Информация всегда платна, а цена может оказаться слишком высокой.

— Сторгуемся, у нас же рынок.

— Что ж поживем, увидим. Рад был помочь. "Жаль, большего не дозволено", — искренне пожал ему руку Варев.

— Спасибо. А может, подскажите направление поисков, —

настаивал Андрей.

— "Отослать его к гадалке". А вы сходите к гадалкам, дешевле, и результат немедленно, — полушутя, полусерьёзно произнес на прощание визави Хрусталёва.

Андрей, выйдя из помещения, и несколько озадаченный приёмом, столкнулся с лейтенантом.

— Как результат? — всматриваясь ему в глаза, первым делом спросил тот.

— Перевариваю, а в принципе теперь я знаю, кто не угонял.

— О, на нашем ментовском жаргоне — это уже половина дела, — в шутливом тоне поддержал тот Хрусталёва.

— Ну а серьёзно, что собираетесь делать, — переспросил участковый.

— Дам объявление в газету, схожу к гадалкам, чтобы нервы успокоить, и буду ждать, может, повезёт, — ответил Андрей.

— Ну, успехов вам, если что, обращайтесь.

— Спасибо за помощь, — пожимая руки, Хрусталёв попрощался с ними.

Удручённый, двигаясь по проспекту обратно к дому, он перестал обращать внимание на то, что не слышит чужих мыслей, словно воздвиг стену и отгородился. А зря, это состояние необходимо было запомнить, контроль над собой важен всегда, когда обучаешься.

Глава 4

Общение по телефону с секретарём гадалки затянулось. Инна, так она представилась, явно выуживала любую дополнительную информацию из клиента, стараясь максимально изучить не только вопрос, с которым тот обратился, но и его самого. Наконец, поняв, что большего не взять, и вняв просьбе Хрусталёва о неотложности дела, назначила приём на утро следующего дня. Не раздумывая, тот согласился, на работе оформлена неделька за свой счет, важнее дел нет.

Дом номер двенадцать на набережной оказался девятиэтажным. Первый подъезд. Как и подобает этому району, домофон на входной двери. Андрея ждут, ответили и впустили сразу.

На лестнице непривычно чисто, ступеньки похоже вымыты с вечера, на подоконниках цветочки в горшочках. Краской не пахнет, значит, ремонт делали давно, а розовые стены призывают потрогать себя, вдруг колер пачкает. Рука прикоснулась пальцами и, протерев поверхность, не окрасилась, но иллюзия свежести и новизны осталась.

По квартире сопровождала Инна, симпатичная девушка лет двадцати, Андрею почему-то подумалось, родственница Марии.

Квартира трёхкомнатная, стандартной улучшенной планировки, комнаты все раздельные. Не проходя далеко вглубь прихожей, повернули налево в большую комнату. Большая, потому что входная дверь двухстворчатая.

Ожидание не оправдалось. Комната казалась огромной из-за отсутствия мебельных нагромождений. Голые стены покрыты лишь шелкографией тёмных тонов. Задёрнутые шторы от потолка до пола составляли пару с абажуром над круглым столом. Другая пара — скатерть на столе и обивка двух кривоногих мягких стульев. На столе ноутбук. В углу раскладное и, видимо, надувное кресло.

"И это всё?" — удивление едва не вырвалось у Хрусталёва вслух. Ну, на полу ворсистый ковролин серого цвета, и мягкое ровное освещение вокруг. А где же таинственность: свечи в старинных подсвечниках, различные эзотерические принадлежности, такие как аромолампы, карты таро и многое другое, чем нас пичкают телевидение и кино. Вот только абажур не подкачал, он всё-таки из той области.

Ему предложили место за столом спиной к двери, лицом к окну. Усаживаясь, Андрей ощутил обстановку, располагающую к доверительному разговору, но без намёков на интим. Оставшись

один, он привычным движением одел браслет. Сканирование эфира длилось недолго. Справа из-за спины энергично переместилась женская фигура в длинном просторном парчовом платье. Эфир молчал. Женщина, подойдя ко второму стулу, повернулась, и, прежде чем усесться за столом напротив Хрусталёва, произнесла:

— Здравствуйте, Андрей Викторович, я — Мария.

— Добрый день. "Но почему не чувствую её мыслей".

— Не старайтесь, — садясь за стол и открывая крышку ноутбука, заговорила она деловито, — всё заблокировано, я, как вы, наверное, догадались по общению с секретарём, основательно готовлюсь к встречам.

— "Что означает всё?", — сглотнув ниоткуда взявшийся сгусток слюны, подумал Андрей.

Тем временем события разворачивались ещё необычней. После открытия крышки компьютера в светильнике над столом начала разгораться галогенная лампа. Синеватая дымка дневного света усиливалась, очерчивая огромный круг на столе, меняя голубой цвет скатерти на синий.

— "Да, здесь не так просто! У Копперфилда учились", — пронеслось в голове Хрусталёва.

Складывалось впечатление, что ему не давали возможности сосредоточиться на чём-то одном, всё время отвлекали. В световом круге появились её ухоженные руки. Длинные пальцы с короткими, хорошо обработанными, но некрашеными ногтями. На левом безымянном пальце перстень, хотя Андрей в камнях не разбирался, но это точно не бриллиант. После перстня он подумал о серьгах, поднял глаза и увидел привлекательное лицо женщины чуть старше тридцати лет.

— "Она даже ничего, наверное, и тело красивое".

— Спасибо. Но дальнейшее развитие обречено на провал. Не мыльтесь, бриться не придётся. Вы не в моём вкусе, да и пришли не за этим.

— "Вот те раз, а серёжек-то нет вообще".

— Алло. Андрей Викторович. Вы где? Попрошу вас выйти из нирваны.

— Да здесь я. Как вам это удаётся. Вы уже совсем меня ошарашили. С клиентами так нельзя.

— Я повторю. Подготовка. К тому же я потомственная гадалка.

— Я про чтение мыслей.

— Обычно никто не догадывается.

— Ну, мне-то вы чуть ли не сами говорите об этом.

— Вам можно. Вы ко мне давно собираетесь и не с пустыми

руками.

— Это вы о чём сейчас, — изумился он, — "неужто о браслете, тьфу, опять прокол".

— Отвечать не стану, давайте не будем терять времени и перейдём к главному вопросу.

— Интересно, который теперь главный, — потихоньку Хрусталёв начал приходить в себя.

— Напоминаю, вы собирались отыскать угнанную машину.

— Спасибо. Давайте приступим, — согласился он.

— Для начала пересядьте в кресло и спрячьте браслет в карман. Успокойтесь, об этом поговорим позже. Рогалёв проинформировал меня о вашем визите, — предопределила она его изумление.

Кресло действительно оказалось надувным, наверное, приобретено в центре уникальных товаров. Вспомнилась телевизионная реклама.

— Как мне лучше к вам обращаться? — уже обыденно спросил Андрей.

— Мария. Это моё настоящее имя, — ответила она и нажала поочерёдно две клавиши на клавиатуре.

Тип освещения начал плавно меняться. Лампа под абажуром гасла, круг на столе исчезал, но комната наполнялась светом, как аквариум водой, он, так и не поняв, как это происходит, переспросил:

— А вот это всё обязательно?

— Желательно.

Появилась Инна и протянула ему микрофон с наушниками, блютуз. Надевая гарнитуру на голову, он отметил, что женщины похожи.

— Племянница, — пояснила Мария, — а теперь расслабьтесь, закройте глаза и постарайтесь вспомнить то место, где оставили свою машину перед угоном.

В наушниках заиграла спокойная музыка, Андрей откинулся на спинку, закрыл глаза. Начал мысленно воспроизводить, как подъезжает к свободному месту для парковки. Включает правый указатель поворота, поворачивает и втискивает машину между фонарным столбом, окрашенным серебрянкой, и бежевой ладой шестнадцатой модели. Стёкла у неё чёрные, сквозь них не просматривается салон. Дёргает ручник, выключает поворотник, выключает зажигание. Через тротуар — вход в магазин. Над входом на зелёном фоне надпись "Продукты". Выходит, жмёт брелок сигнализации, сигнализация квакает, и моргают огни габаритов. Осматривается, переходит проезжую часть. На тротуаре оборачивается, взгляд останавливается на серебристой

двенадцатой модели ВАЗ, вроде бы нормально запаркована. Всё, идёт тротуаром вдоль по улице.

— Хорошо, — послышался издалека голос Марии, — а теперь немного посидите молча.

Он открыл глаза. Мария сидела на стуле спиной к нему, голова немного откинута назад. Шелковистые каштановые волосы накрывали шею. Неподвижной она оставалась недолго, затем опустила голову и после короткой паузы повернулась к Хрусталёву.

— Серебристая двенадцатая модель, номер Н962ЖП стоит в беседке, увитой виноградной лозой. Номер участка 181. Напротив, через узкий проезд, открытые зелёные ворота, за ними куча реек, собачья будка, чёрный здоровый пёс на цепи и двухэтажное кирпичное здание, похоже помещение охраны. Под огромным окном второго этажа длинная табличка с надписью "Садовое товарищество "Волжанин", председатель Линьков В. С. Телефон". Надпись не сильно выцвела, делали недавно, — на одном дыхании изложила Мария.

У Андрея, выражаясь словами Крылова, в зобу дыханье спёрло. Не знал, что делать, верить — не верить. Если верить — мистика. Не верить — шарлатанство, лохотрон, но как всё красиво исполнено. И в результате, не найдя ничего умного, ляпнул:

— Сколько всё это будет стоить?

— "Членам профсоюза — скидка". Вступайте, и ваши карманы не облегчатся, — шутливо процитировала классиков ясновидящая, потом сделала паузу и добавила, — вы ещё реально не вернули свою потерю, а уже торгуетесь о вознаграждении.

— В одном месте мне сказали, что такие услуги сопоставимы со стоимостью автомобиля.

— Уверяю вас, это другое место. Отблагодарите по факту и столько, сколько считаете нужным, сколько не жалко.

— Хорошо. Мы вернёмся к этому позже. А сейчас что мне делать? Ехать и забирать свою машину? Куда?

— Не советую, пусть этим займутся те, кому положено. А куда ехать — сейчас посмотрим, — и, произнеся, повернулась к ноутбуку.

Он встал и подошел к столу, остановившись за спиной Марии. На дисплее компьютера высвечивалась карта районов города. Сам город с улицами и кварталами, окрестности с дорогами и населёнными пунктами, река Волга с островками и мостами.

В режиме поиска Мария набрала "Садовое товарищество "Волжанин", щелчок по "Enter", и с небольшим замедлением экран

обновился. Теперь в центре оказался зелёный массив на противоположном от города берегу реки за мостом. Участок мерцал, меняя подсветку с яркой на тёмную. Виден путь проезда к нему: от города по мосту, затем через населённый пункт, короче всё ясно, он бывал в тех местах.

— Это что за программа? — опять невпопад спросил Андрей.

— Коммерческая тайна, только членам организации разрешается знать, — опять отшутилась гадалка.

Неожиданно Мария резко повернулась и посмотрела ему прямо в глаза снизу вверх. Её карие зрачки искрились и излучали любопытство. За всё время их сегодняшнего общения он впервые так близко рассматривал её лицо. Оно было молодым и действительно красивым. Из украшений только жёлтая атласная лента, которая использовалась как ободок для волос. Поразительно, из косметики — ничего, по крайней мере, он не увидел.

— Андрей Викторович, да вы просто монстр, — прервала его наблюдения она, вставая с места, — зачем вы пришли сюда, шпионить или решать свои проблемы?

— Вы мои мысли читаете быстрей, чем я ими успеваю пользоваться. Вот сами себе и ответьте, — настала очередь пошутить и ему.

В тот же миг Андрея осенила догадка: ей нравится удивлять людей, потому она и занимается этим ремеслом. Визави не позволила ему дальше развивать логическую цепочку и, надо отдать ей должное, ситуацию контролировала жёстко.

— У меня идея. Позвоните в "Волжанин" и попытайтесь узнать про автомобиль на 181 участке, интересно, что они ответят, — и, повернувшись с наклоном к клавиатуре, нажала на F1, затем добавила, выпрямившись, — потом позвоните в следственный отдел.

"Помощь". На дисплее ничего не изменилось, но в комнату вошла Инна и, подойдя к нему, протянула трубку радиотелефона. Хрусталёв снял с головы гарнитуру, вернул секретарше и забрал у неё телефон. Та, повернувшись, вышла. Набрать озвученный номер до конца не успел.

— Стойте, — разбавив электронный зуммер набора цифр, воскликнула Мария, — нажмите сброс. Мы модернизируем идею. Садитесь в кресло, доставайте браслет. Вы соединитесь с абонентом по телефону, а я через вас выйду на объект. Мысленно буду давать вам картинку и советы. Вы только слушайте свой внутренний голос.

Перестав чему-то удивляться, усевшись в кресло, он начал без сомнений выполнять её план. Набирая номер, не думал, что будет

говорить, а искал в себе телепатический контакт. Не найдя, прислонил трубку к уху, услышал длинные гудки вызова. Ответили не сразу и нестандартно.

— Да, — послышался мужской голос с хрипотцой, и почудился запах табака и перегара.

— Это "Волжанин", — вступил в диалог Хрусталёв.

— Это "Клинский", — сострили на другом конце и самодовольно слегка хрюкнули, потом как бы извиняясь, переключились на более официальный тон, представились, — сторож слушает.

"Стоит у стола с красной телефонной трубкой. Небрит, курит, щурит один глаз, дым мешает. Светло, обзор в окна обширный. На столе: пепельница-банка из-под "клинского", хлебные крошки, телефонный аппарат с наборным диском, зажигалка, сигареты, большая общая тетрадь, раскрытая книга".

— Скажите, а как мне услышать председателя.

— Валентина Сергеевича?

— Да, Валентина Сергеевича.

— А кто его спрашивает?

— "Дед Пихто", — захотелось скаламбурить ему в ответ, но Андрею подсунули другую фразу, и он произнёс, — вас беспокоит транспортный отдел ФСБ.

"Озадачен и удивлён. Нервно затолкал сигарету в пепельницу. Придвинул табурет и сел за стол. Трубку перебросил слева направо".

— Его, это, нет здесь, т. е. зимой он не часто бывает тут, — замямлили на другом конце.

— Простите, а с кем я сейчас веду беседу.

— Сторож Федотчев.

— Так вот, сторож Федотчев, по нашим техническим и агентурным данным у вас на участке за номером 181 вот уже который день стоит легковой автомобиль ВАЗ 2112 серебристого цвета. Что вы можете сказать по данному факту?

— А ничего не могу сказать. Лично я не видел, — в голосе почувствовалась нагловатость, видно первоначальный испуг прошёл, и пришло осознание того, что это только телефонный разговор.

— Врать нехорошо даже по телефону, товарищ Федотчев. Ведь враньё иногда меняет статус товарища и господина на статус гражданина. Вы меня, надеюсь, поняли?

— "Достал несвежий измятый платочек. Вытирает испарину со лба".

— Я действительно ничего не видел и не знаю, — тон изменился, стал более испуганным.

— Так встать, и подойти к окну, — приказал Хрусталёв по-военному чётко.

— "Привстал за столом. Перебросил трубку справа налево. Ступор в действиях, не знает, что делать".

— Нечего стоять за столом, подходи к окну.

— "Встал. Подошёл к окну. Телефон протащился по столу, повис в воздухе. Шнур от трубки натянулся. Он этого не замечает".

— Перед тобой участок номер 181. В беседке, под виноградной лозой, частично накрыт брезентом автомобиль. Наблюдаешь?

В трубке только шорох и дыхание. "Крутит головой влево, вправо, вверх".

— Прямо смотри, нечего по сторонам оглядываться. Спутник в космосе всё равно не увидишь. Ну, жду ответа?

— Так это с разрешения председателя и хозяина дачи. Приехали милиционеры в гражданке, показали удостоверение, сказали, пусть постоит, так надо. Предупредили, чтоб никому не говорили, — выпалил как на духу и с облегчением сторож.

— Так вот, товарищ Федотчев, берёте ручку и записываете, — уже более миролюбиво, но по-прежнему твёрдо потребовал Андрей. Сам тем временем достал бумажник и извлёк нужную визитку.

— "Подошел к столу. Выдернул из тетради ручку. Раскрыл последние страницы. Готов".

— Пишите, — продиктовал номер телефона с визитки и добавил, — позвоните по этому номеру следователю Широкову и скажите, что следственный эксперимент закончился, автомобиль пора забирать. Всё поняли?

— Да, — ответили ему в трубке.

— Так выполняйте немедленно, — произнес Хрусталёв и отключил телефон.

Затем впервые посмотрел на Марию. Она опять на стуле за столом, но уже в позе кучера. Мешать не стал, чувствовал себя опустошенным и уставшим, поэтому сидел тихо и ждал. Приблизительно через пару минут она подняла голову и, не поворачиваясь к нему, произнесла:

— Позвонил вашему Широкову, потом председателю, сейчас снимает стресс самогоном.

Андрей звонит Широкову сам. Тот обнадеживающим голосом сообщает, что поиски идут успешно, появились некоторые результаты, он сегодня собирается их проверять. Хрусталёв подстраховался, сказав, что ему звонили и назвали место, где стоит машина. Широков не удивился и пообещал поставить его в

известность немедленно, как только факты подтвердятся.

Голова начала слегка побаливать. Казалось, что её набили ватой, и мысли терялись и вязли в белом хлопке. Видя его состояние, гадалка посоветовала снять браслет, прекратить сеанс и отправиться домой для отдыха.

— Об остальном поговорим следующий раз, — уверено на прощание пообещала она.

Андрей, не возражая и, кажется, не простившись, покинул этот вертеп. Дома, лишь коснувшись головой подушки, сразу заснул.

Разбудил его звонок домашнего телефона. Звонил Широков с сообщением, что действительно машина нашлась, только вот требует некоторого ремонта. Желательно, чтобы Андрей Викторович указал станцию технического обслуживания, где могут заменить замок зажигания. Сотрудники его отдела, минуя арест-площадку, перегонят автомобиль на указанную им станцию при условии, что он их там встретит. Хрусталёв пообещал перезвонить.

Посмотрел на время. Отдыхал чуть более часа, хотя спать днём привычки не имел. Чувствовал себя превосходно, сон пошёл на пользу. Сейчас половина второго, обеденные перерывы заканчиваются, нужно отыскать номер телефона знакомого автослесаря.

Перелистав записную книжку, остановился на Романе Кулибабе. Кроме шин и диагностики двигателя по другим техническим вопросам своего автомобиля почти всегда в плановом порядке обращался к нему. Хохол. Он так сам про себя говорит. Однажды спросил Андрея:

— Знаешь, чем отличается хохол от украинца?

Тот, пожав плечами, ответил, что принципиальной разницы не видит.

— Ошибаетесь. Украинец живет на Украине, а хохол где лучше. Вот поэтому, сегодня я в России пока и живу, — просветил его Роман.

Хотя, вероятней всего, проживал он в этом городе из-за своей супруги, уроженки здешних мест.

Андрей не слышал, как общается он на украинском, хотя по-русски говорил быстро без акцента и намёка на "хохляцкий говор", но слова в предложениях синтаксически строил так, что иной раз приходилось повторять услышанное, чтобы понять смысл.

Звонит на станцию. Роман обещает помочь, если клиент обеспечит его запчастями. Андрей перезванивает Широкову, называет адрес ремонтной мастерской. Сам мчится в автомагазин

за замком зажигания. Чувствуется, кризис миновал, настроение на подъёме.

Глава 5

На бетонной стене — плакат середины прошлого века.

"Изучай комбайн и трактор,

Будешь профиля широкого механизатор".

На фоне вышеперечисленных механических средств, ниже стихотворного текста, располагался улыбающийся мужчина в клетчатой рубашке и чёрном комбинезоне с большим карманом на груди, из которого высовывался приличных размеров рожковый ключ. В поднятой правой руке — молоток, левая опущена. Лицо широкое, скуластое и немного "простоватое". Наверное, художник хотел подчеркнуть, что у плаката сельская направленность.

Странно, но в образе чувствовалось что-то знакомое, и это задержало взгляд на лице, заставив вспоминать, где Хрусталёв видел этот типаж. Наконец до него дошло: если убрать картуз и кудряшки под козырьком, получится хозяин "рено меган", а сделать улыбочку чуть-чуть язвительной, будет точная копия. Вот ты у нас теперь кто — механизатор широкого профиля. Обратившись к Кулибабе, спросил в его же стиле:

— Роман, откуда древность на стене?

— Ездил летом домой на Украину, — не переставая копаться в его машине, пояснял Роман, — батька там у меня сторожем работает в МТС бывшей, теперь это станция техобслуживания. Во дворе у мусорной кучи лежал. Мне он сразу глянулся, и у нас в тему как бы. Шеф не против.

Ещё бы против. Из наглядной агитации только пустые коробки из-под запчастей. Вид этой частной станции был супер аскетический. Экономия начиналась с пространства, где на площади приблизительно в тридцать квадратных метров разместились три автомобильных подъёмника. Но на качестве ремонта и сроках исполнения это не отражалось, плюс невысокая стоимость оказываемых услуг, заставляли случайных клиентов превращаться в постоянных.

Роман работал быстро, со стороны казалось — суетливо. Это ощущение поддерживалось вечным поиском нужного инструмента, который в беспорядке лежал по всей мастерской. Когда ему требовался определённый ключ, он начинал энергично ходить по кругу, осматривая полки и стеллажи, коробки и банки, при этом приговаривал: "Куда его задевал, ведь только что видел, вчера же им работал". После двух-трёх кругов он резко останавливался и точно подходил к тому месту, где и находилось искомое.

В этот раз Хрусталёву не удалось понаблюдать знаменитые Ромкины круги. Устранив неисправность, он поинтересовался, догадывается ли тот, кто "бортанул тачку". Андрей ответил:

— Есть предположение — менты.

— Да, — поддержал он Андрея, — вот и в народе говорят, что у нас работает бригада гаишников. Пастухи в волков превратились. Вообще крышу посносило, мало того, что обирают на дорогах, так теперь и за это взялись. А хотите, вам эффективную противоугонку поставлю?

— Роман, давай позже. Я ещё за возврат не расплатился, ремонт вот. Не всё сразу.

— Надумаете, звоните.

Садясь за руль, Андрей не ощутил особой радости, всё как обычно. Только вот знакомых прибавилось, пойди, разбери теперь нужные они или бесполезные, а возможно, даже и вредные.

На следующий день пошёл их навещать — новых знакомых. Сначала в следственный отдел к Широкову, чтобы оформить документы по возврату автотехники. Под дверью кабинета столкнулся с седоватым мужчиной. Они посмотрели друг другу в глаза, и Хрусталёв понял, что это уже повтор. Войдя в кабинет, продолжал вспоминать, где видел эту личность, с таким вопросом и обратился к Широкову.

— Председатель "Волжанина" Линьков Валентин Сергеевич, кстати, проживает рядом с вами на одной улице, — представил ему персону следователь.

Тут Андрея осенило — в парикмахерской. Развивая тему, уточнил:

— Не пособник ли угонщикам?

— Да нет, у него алиби. Машину на хранение поставили якобы без его ведома, предъявив сторожам удостоверение сотрудников органов внутренних дел. А вчера позвонили одному из них, по его утверждению, из ФСБ, назвали мой телефон и велели поставить меня же в известность.

— Странно это, — вывел определение Хрусталёв, перелистывая страницы протоколов и других, мало интересных для него документов, оставляя свой автограф в местах, помеченных галочкой.

— Разберёмся, — ответил следователь, подписывая ему пропуск, а сам думал, — "странно — не то слово, от руководства вместо благодарности — копать осторожней. Когда бы вообще ничего не нашлось, реакция была бы привычней, а так опять получается: чем лучше, тем хуже".

— "Кому как, — взяв пропуск и попрощавшись, Андрей покинул помещение, — действительно получается, чтобы хуже не

стало, с вами лучше не встречаться".

Так первую пару новых знакомых Хрусталёв, можно сказать, пока зачислил в пассив. По бухгалтерской аналогии должен существовать и актив, ему не хотелось, чтобы он был нулевым. Для полной ясности картины обо всех знакомствах Андрей решил отправиться к гадалке, но с заходом в банк, чтобы снять деньги для вознаграждения.

— Вот зачем вам машина? — так вместо поздравления начала Мария диалог с Хрусталёвым на кухне за чаем.

— Привычка. А вы зачем помогали мне?

— Бизнес. А вы вообще догадываетесь, почему с вами это произошло?

— Нет. Наверное, дело случая.

— Вы имеете представление о той вещице, которая сейчас у вас в кармане?

— Я весь внимания.

Тут появилась Инна и прервала их беседу. Мария, извинившись, достала из папки отпечатанный лист формата "А4" и передала ему со словами:

— Вы ознакомьтесь пока с содержанием, а я займусь посетителем. Обсудим позже.

Что ж почитаем. "Что потеряли инопланетяне на Земле?" — гласил заголовок. Интересно, что же они потеряли? И он начал читать текст:

"В последнее время всё больше и больше появляется статей журналистов и просто любителей-исследователей о массовых свидетельствах не только наблюдений НЛО, но контактов с представителями других цивилизаций. Кроме так называемой "Жёлтой прессы" такие публикации имеются и в солидных изданиях. В Интернете открываются целые сайты, посвящённые этой теме, некоторые настолько специализированы, что у читателя может создаться впечатление, уж не сами ли инопланетяне их открывают. Как говорится в народе: "Дыма без огня не бывает". На чём основывается всплеск? Это действительно активность гуманоидов или просто конкурентная борьба за читательский интерес к изданиям, а может быть и то и другое.

Мы постараемся обобщить всё то, что обрушилось на читателей о НЛО, и поделиться своими фактами и наблюдениями.

Кроме описания различных обликов пришельцев и летающих тарелок, как правило, обсуждаются три обширных вопроса: что изучают инопланетяне на Земле, с какой целью похищают людей, откуда приходят инопланетные корабли?

Начнём с последнего. Он наиболее не доказуем и в основном пестрит ссылками на древние индийские Веды и Пураны. В статьях даются краткие представления о нашей вселенной и технически продвинутых планетах такого же уровня, как и Земля. Эти планеты из параллельного мира. Обитатели планет очень развиты интеллектуально. Их технический прогресс достиг сверх высокого уровня, и они имеют возможность посещать иные миры, проникать в другие измерения. Но в процессе эволюции с техническим уклоном они потеряли способность чувствовать и сопереживать. В их отношениях отсутствует понятие любви, как к детям, так и к противоположному полу. Выражаясь простым земным языком, их популяция на грани естественного вымирания. Чтобы не произошло катастрофы в масштабе цивилизации, им фактически приходится клонировать потомство. Клоны производят клонов. И у клонов чего-то недостаёт.

Следовательно, эти утверждения подвигают нас ко второму вопросу. Цель похищения людей — изучение их физиологии, возможность вести селекцию и отбор для укрепления своей репродуктивной системы за счёт земной. По большей части огромное количество людей пропадает бесследно, возвращаются десятки, но в основном со стёртой памятью, и не могут пояснить, что с ними произошло. Лишь единицы дают показания о сути похищений.

Мы плавно подошли к третьему вопросу. Что же они изучают? А изучают они не только людей, но саму Землю, флору и фауну, то, что наполняет землян чувствами, одушевляет земную цивилизацию, даёт возможность любить.

Если инопланетяне зачастили на землю, и круг их исследований расширяется, то напрашивается вполне закономерный вывод: нужных данных не получено. Всё же это версии, реальных осязаемых фактов не было.

И вот они (факты) обнаружились. Неземные исследователи перешли на новые методы изучения "гомо сапиенса". Они стали нас окольцовывать, как мы птиц. Вместо колец — браслет на запястье. Снять и избавиться от него, конечно, можно. Но велико искушение воспользоваться теми возможностями, которые получает человек, обладающий им. Возможности — развитие паранормальных психических способностей, таких как ясновидение, телепатия, психокинез и других видов подобного рода. Появились данные, что таким образом они изучают человеческую душу, т. е. накопление негатива кармы человека в его материальной жизнедеятельности. Получается, что у нас есть душа, а кто-то так технически продвинулся, что способен изучать такой феномен. Если продолжить логическую дорожку далее,

можно предположить, что они ставят себя на уровень бога. Они бросили вызов Всевышнему, космическому разуму.

Всё это кажется мистикой, а учёные называют это на церковный манер — мракобесием. Но браслет существует, и мы готовы предоставить его на обозрение читающей публики. Наше признание — своего рода защита от ортодоксальных учёных, спецслужб и государства. Мы надеемся, что широкие слои общественности не дадут вышеперечисленным структурам возможности замолчать данный факт или скрыть процесс ознакомления с иными формами жизни.

Публикуем фотографию браслета и телефоны тех, у кого он находится.

Алексей Рогалёв. 20 июня 1996 года".

Занимательная статья, только совсем не похожа на стиль Рогалёва. Андрей в Интернете с ней не встречался, судя по дате её место где-то в архивах, хотя по содержанию она актуальна и сегодня. Вопросов стало ещё больше. Размышляя, он не заметил, как достал браслет, нацепил на запястье, снял. Проделывал это несколько раз, пока расхаживал по кухне. Мысли при этом просто роились вокруг, но не одна мыслеформа не продвигалась дальше первоначального образа и не выстраивалась с другими в последовательную цепочку. За таким сумбурным тренингом его и застала Мария.

— Ваш мыслительный процесс заставляет менять планы, — возвращая Андрея к реальности, произнесла она.

— Какие планы? — изумился тот.

— Планы о сотрудничестве.

— Сотрудничество? Кого с кем?

— Вас со мной.

— На поприще обмана населения? Как у Ильфа и Петрова хочется спросить: "Почем опиум для народа?" — съязвил Хрусталёв.

— Вот поэтому планы меняются, — спокойно отреагировала на грубоватый тон предсказательница.

Она собрала со стола чашки, вымола их в раковине, расставила заново, насыпав в этот раз растворимого кофе. Включила электрический чайник и после этого уселась за столом. Он последовал её примеру и сел напротив. И тут Хрусталёв почувствовал её мысли. Ему открылся доступ к их восприятию.

— "Сначала о статье. О планах потом. Как статья?"

— "Это что меня спрашивают?"

— "Вас. Учитесь обмениваться мыслями. Первая тренировка".

— "Статья? Рогалёв?" — они в мыслях общались тезисами, обмен информацией происходил намного быстрей.

— "С ними училась в университете. Браслет мой, он и Витя Черников изучали".

— "А почему нет в Интернете?"

— "Это мой черновик для Рогалёва. Закончить должен был он. Ситуация изменилась. Браслет утрачен. Черников в больнице".

— "Мой браслет?"

— "Нет. Ваш — это ваш".

— "Душа, инопланетяне?"

— "Всё так. Вопрос метафизический. Доказательства индивидуальны. У вас будут свои".

— "Возможности?"

— "Человек утратил многое. Помогает восстановить. Предоставляет новые".

— А можно подробней о данном моменте? — не выдержав такого общения, Хрусталёв свалился на речь.

— "Много слов. Мысли нет".

— "Как пользоваться?"

— "Вы сейчас пользуетесь. Не всё сразу".

— "Это уже освоил".

— "Посмотрим", — она резко встала и прошла ему за спину к выходу из кухни. Он потерял её из виду, и ментальное восприятие нарушилось тут же. Повернувшись к ней лицом, Андрей снова ощутил контакт.

— "Зрение восстановило ментальное восприятие. Нужно мысленно следовать за сигналом. Попробуем", — она прошла к своему прежнему месту вглубь кухни. Хрусталёв мысленно следовал, но и видел её зрительно.

— "Поняла. Сядьте прямо", — вернулась к выходу, остановилась за его спиной.

Андрей, продолжая сидеть прямо, прикрыл глаза. Не обращая внимания на звуки, искал контакт. Вот при ментальном повороте в сторону двери почудился шепот, пошёл на него.

— "Есть!"

— "Хорошо. Следуйте за мной мысленно", — послышались удаляющиеся шаги, но он не обращал на это внимания. Чужая ментальная энергия была впереди перед ним.

— "Откройте глаза".

Он открыл. Сидит один за столом спиной к выходу. Контакт ослабевает, зрение создает значительные помехи.

— "Держите".

— "Стараюсь. Да, вот лучше", — он уцепился за ниточку, при этом глаза расширились, и казалось, что широко раскрытыми глазами он не видит картинки, а ощущает только контуры.

— "Это пройдет".

— "Вот это не было мыслью".

— "Было. Вы не успели свои ощущения отстроить и перевести в привычную для человека мыслительную операцию. Пока так, потом разберетесь".

— "Ладно".

— "Красивое слово. Теперь повернитесь к двери".

Он выполнил команду. Слегка прищурил глаза. Перед ним никого не было. Контакт слабее, но есть.

— "Вы где?"

— "В комнате".

— "От расстояния зависит?"

— "Конечно, сигнал слабеет. Браслет — усилитель".

— "Насколько хватает?"

— "При натренированности и взаимном контакте — на всю планету".

— "А невзаимном?"

— "Индивидуально для каждого".

— "А если снять?"

— "Снимите".

Он снял браслет и спрятал в карман. Ничего не изменилось.

— "Браслет индивидуален под вас. Пока развиваетесь — на руке. Потом лишь в одном измерении".

— "Поможете с развитием?"

— "Это уже сотрудничество".

— "Взамен обучению? Ясно. В чём заключается?"

— "Оказываем услуги банкам по экономической безопасности. Вы выполняете поручения. Оклад плюс проценты от гонораров".

— "Как объяснить дома?"

— "Контракт с агентством по контролю платежеспособности клиентов. Что-то в этом роде".

— "Большие гонорары?"

— "Существуют предложения по такому сотрудничеству. Пока не воспользовалась".

— "Будут вопросы".

— "С клиентами по эзотерии продолжаю одна. Для всех в теме говорю: "Прикрытие". Для себя — привыкла, стабильный заработок".

— "Обман — нехорошо".

— "Обмана нет. Не будет меня, уйдут к другим. Другие — хуже".

— "Чем?"

— "Я только предоставляю информацию и даю направление. Оплата по факту и желанию".

— "Так в чем же бизнес?"

— "Ваши десять тысяч".

— "Ах, да. Наверное, не все платят?"

— "Почти все".

— "А предсказания?"

— "Я их стараюсь не делать".

— "Потомственная гадалка?"

— "Рекламный слоган".

— "Ведь кто-то всё равно требует".

— "Отфильтровываем на ранней стадии. Если нет, тогда пятьдесят на пятьдесят в обтекаемой форме, есть такое понятие — вероятное прогнозирование".

— "А как же…"

— "Всё! Хватит об этом. Нашпионили достаточно".

Предохранитель щелкнул, как выстрелил, и отключил от сети закипевший чайник. Думать и воспринимать не хотелось. Мозг устал и самоизолировался. Андрей снял с подставки чайник и разлил кипяток по чашкам. Вошла и села напротив Мария. Посмотрела внимательно ему в глаза. Наверное в них пустота, а в голове — чистый формат "А4".

— На сегодня тренировок достаточно, — уже голосом сообщила она, — отдыхайте, пейте кофе, но всё ж выслушайте мой краткий инструктаж. Первое — ни с кем не делитесь о способностях и браслете. Второе — когда расхаживаете с ним по городу даже в кармане, помните, что вы — энергетический магнит. Генерируемая вами энергия притягивает к вам чужую энергию аналогичного свойства, т. е. добрую — к доброй, злую — когда злитесь. Третье — научитесь думать, прежде чем говорить. Когда научитесь, станете говорить правильно, ваша речь будет совпадать с вашими мыслями. Если не хотите говорить, молчите и не выдумывайте ложь и полуправду, не засоряйте мозг. Всё это даст вам возможность грамотно управлять мыслительным процессом во время диалогов и ставить блокаду проникновению в вашу голову. Делая попытку прочесть мои мысли при встрече, вы удивились, что их нет. Сделайте выводы, как это выгодно. И последнее, теперь мы с вами на расстоянии можем обмениваться мыслями, вот только "накоротке".

Уходя, он обещал подумать о сотрудничестве после совещаний в семье о новой работе, в общем, взял тайм-аут до нового года.

На следующий день Андрей, прервав свой краткосрочный отпуск, вышел на работу. Там все поздравляли с благополучным исходом дела и при этом добавляли: "Это в наше время просто чудо, невероятный случай". В какой-то мере коллеги правы. День

складывался до обеда как обычно.

В обед снова поехал домой, там тоже всё "по-старому". Во дворе при въезде так же стоял автомобиль Механизатора. Помня пункт номер два из инструктажа, спокойно поставил машину в проезде рядом с двором. Но сам процесс приёма пищи превратился в ускоренный автоматизм. Чувствуя себя не в своей "тарелке", Хрусталёв уже через пятнадцать минут покинул квартиру. Проходя мимо "рено мегана", он ещё сдерживал свой гнев, но, усевшись в салон, не вытерпел и решил выполнить обещанное, отправить кого-то в "шиномонтаж".

Обзор был прекрасным, раздражитель стоял почти рядом, в трёх метрах. Напрягся, поставив взгляд на шины иномарки. Правое переднее зашипело первым, заднее — вторым. Воздух с лёгким свистом выходил из ровных боковых разрезов шириной около двух сантиметров. По мере сжатия шин приходило удовлетворение и к нему. Свидетелей триумфа не было, завёл двигатель и покинул "поле битвы".

Двигаясь в потоке по "Пролетарке", увидел впереди две "канареечные" ветровки и машину с синим номером на обочине. Лёгкий холодок обжег внутри. Ремнём пристёгнут, скорость — в норме, номера — чистые. Смело вперёд. Подъезжает. Не тут-то было, предчувствие не обмануло. Жезлом ему показывают место остановки.

Областное управление, прапорщик, фамилия неразборчиво. Андрей предъявляет документы, его просят открыть капот и выйти из машины. Повинуется. Прапорщик изучает документы. Возвращает страховой полис. Сверяет номера техпаспорта и таблички, что справа под капотом. Осматривает внешне, заглядывает в салон, просит открыть багажник, предъявить аптечку, огнетушитель, аварийный знак. Интересуется маршрутом следования. Хрусталёв объясняет, откуда и куда. Затем гаишник, наконец, спрашивает:

— Вы знаете, что ваш автомобиль числится в угоне?

— Числился. Мне два дня назад его вернули следователи.

— Оставайтесь на месте, мы всё-таки сделаем запрос для порядка, — и с этими словами, держа его документы в руке, он пошёл к служебной машине, стоявшей сзади метрах в пяти.

"Вот работают органы, до сих пор в угоне", — подумалось с иронией Андрею и захотелось послушать диалог разборки с управлением. Нацепил браслет в тот момент, когда прапорщик подошел к открытому окну служебной "пятёрки", из которого выглядывал локоть напарника. Смотря в их сторону и концентрируясь, Хрусталёв начал слышать их беседу:

— Всё чисто, руль только не заводской комплектации.

— Я на это ещё тогда обратил. Ты не спрашивал: знает ли, кто угонял?

— Ещё нет. Может, отпустим, "хрен" с ним.

— Сейчас-то, конечно, ни свидетелей, ни аппаратуры.

— Я вообще говорю. Зачем нам лишние проблемы?

— Может ты и прав. Ладно, иди, верни документы и попробуй узнать, что знает.

Шаг за шагом документы приближались к Андрею. Услышанное поразило его настолько, что, не осознавая зачем, он снимает браслет и торопливо, как школьник шпаргалку, прячет его в карман.

— Извините, нас просто не успели проинформировать, всё в порядке.

— Бывает, — промычал Хрусталёв, укладывая документы в бумажник.

— Скажите, — снова обратился к нему прапорщик, — угонщиков задержали?

— Да нет, даже и не знают, кто сделал. Машину нашли за Волгой в дачном посёлке.

— Вам повезло, обычно сейчас угоны возвратами не заканчиваются.

— Я тоже так думаю, — поддержал его Андрей, а затем спросил, — так я могу ехать?

— Да, конечно. Мой вам совет: поставьте заводской руль, иначе однажды могут отправить на штрафную стоянку до устранения.

— Спасибо, я так и сделаю.

Удаляясь, посматривал в зеркало заднего вида. Ярко жёлтая фигурка скрылась в машине, а та, покинув обочину, развернулась и поехала в противоположную сторону.

"Получается, что ждали только меня. А тот второй говорил, что ему знаком руль моей машины. Откуда? Перегонял её? Тогда зачем маскарад с вопросами об угоне? Неужели сами…"

"Про руль понятно. На дороге не устранишь. Откупиться. Привлекают за взятку. Необходимо обсудить ситуацию с Марией".

Последняя мысль ему не понравилась. Может быть, она правильна и логична, но явно не его и попирала мужское самолюбие. Хрусталёва осенило:

— "Это и есть обмен мыслями накоротке?"

— "Да", — ответили ему.

И тут его прорвало на внутренний диалог:

— "С чем связана инициативность обмена? С вашим именем или с образом?"

— "Какой образ? Ну не знаю, может быть, гадалки".

— "Не нравится слово. Привыкайте. Я уволился более десяти лет назад, а меня до сих пор иногда называют военный, хотя мне это не нравилось ни тогда, когда служил, ни теперь".

— "Что хотел обсудить?".

— "Сложившуюся ситуацию".

— "Что же за последнее время стало проблемой в моей жизни? Автомобиль или браслет?"

— "Я сам создаю для себя проблемы? Это явный перебор, напоминает анекдот про армянский комсомол".

— "Идеи по преодолению трудностей? Ну, если избавиться от одного из них? Продать машину, например".

— "Выгода? Подружусь с Механизатором и буду, как и раньше, ездить в общественном транспорте".

— "Кто такой Механизатор? Да один новый русский, достал меня совсем".

— "Какая выгода от езды в общественном транспорте? Экономия в денежных средствах".

— "Согласен. Проигрыш во времени и комфорте. Общение с людьми в транспорте — плюс и минус одновременно".

— "Что общественный транспорт? Сейчас он частный".

— "Хотя говорят, что контролируют его госчиновники, в том числе и из МВД. Да, реклама в телевизоре цинично права: "Всё прекрасное на земле создано ради любви — любви к себе!"

— "Вот я, любимый, тем самым убиваю себя изнутри и снаружи?"

— "Вы знали, что от первой идеи откажусь? Правильно, поэтому достану с антресоли заводской руль, неудобный и неэстетичный, поставлю его взамен спортивного и продолжу езду то же на частном, но личном транспорте".

— "А от браслета лишь одно средство — гильотина? Но это во Франции, а у меня, ни загранпаспорта, ни визы, ни денег — нет. Это хорошо".

— "Хорошо" — относится к наличию у вас чувства юмора, а не к отсутствию у меня денег".

— "Деньги на новогодние подарки".

— "Зарплата — на прожитьё, военная пенсия — на чёрный день. Кстати, вчера два "чёрных дня" отдал вам. Среднестатистическому россиянину праздники не по карману".

— "Народ так говорит, который по Куршавелям не ездит, а народ наш мудрый, потому и бедный".

— "Вы не бываете во Франции, но готовы вернуть деньги в качестве аванса?"

— "Заманчиво. Но вы похожи на новых русских, те всё покупают и вы тоже. Нехорошо".

— "Не усложнять? Это как?"

— "Тупо на всё махнуть рукой и повернуть проблемы на сто восемьдесят градусов: пойти на службу к Марии, т. е. к вам".

— "А если на триста шестьдесят градусов?"

— "Попытаться самостоятельно с помощью браслета раздобыть дензнаков".

— "Я такие предупреждения уже слышал от нашего общего знакомого Рогалёва".

— "Может и в чём-то прав, но не во всём".

— "Что имел ввиду? Психушку".

— "Черников тоже не хотел, но попал? Ну, дела. Хотелось бы подробностей".

— "Как всегда, что-то остренькое и интересное, уходите от прямого ответа".

— "Действительно расскажите при следующей встрече? Сейчас клиенты пожаловали".

— "Чуть не протрубил "ловлю на слове".

— "В данном случае имел в виду "ловлю на мысли"?"

— "Мне тоже пора, сижу в машине у офиса".

Вот так закончился для Андрея первый необычный сеанс обмена мыслями с Марией вне видимости друг друга, первый сеанс телепатии на расстоянии. Отключился от внутреннего разговора, словно положил телефонную трубку. От собственных мыслей не отмахнешься так легко:

— "Ей не нравится, как её называют — гадалка. А как бы она хотела?"

Называть её магом, прорицательницей, ясновидящей не поворачивался язык. Где-то глубоко в подсознании сидело деревенское воспитание, неся в себе ярко выраженное предубеждение, что такое занятие нехорошее, сродни колдунам и ведьмам. А может и не деревенское, а советское с атеистическим мировоззрением. Возможно она с ним одного поля ягодка, потому сама и выбрала нелюбимый, но всё ж такой вот бренд.

Ситуация схожа с церковными служащими. В коммунистические времена их без разбора, всех подряд называли попами, но не "батюшками" и не священниками, а про саны и положения вообще можно и не заморачиваться. Спасибо телевидению сейчас в обиход вошли священнослужители, архимандриты и патриархи, звучит красиво и отношение к ним соответствующее.

— "Священнослужащий — военнослужащий, но не военный, — продолжал рассуждать Хрусталёв, — военный легко и матерно рифмуется". Затем он неожиданно перескочил на сам процесс телепатии:

— "Я так и не понял, как это начинается. Нужно обязательно встретиться и переговорить, как и подобает здравым людям. Иначе крыша может поплыть. Интересно, у Черникова как это произошло?"

С Черниковым он ошибался, с ним произошло совершенно по-другому.

Глава 6

Как получается, что, выбирая свой путь, мы выбираем не тот, который выбирали. А когда начинаем поступательное движение, то понимаем, что не туда идём, но продолжаем идти то ли по инерции, то ли оттого, что нельзя стоять на месте.

Маша была прилежной ученицей и почти отличницей. В соответствии с возрастом, как и все девчонки, играла в куклы, перебирала наряды, видела себя врачом в белом халате. На селе только у врача белый халат идеально гармонировал с профессией, у остальных, или не было соответствия, или цвет чистоты не мог подолгу облагораживать униформу.

Иногда хотелось быть учительницей, но недолго. В пятом классе с появлением нового предмета ботаники — ботаником, изучать пестики и тычинки, но потом, когда тему прошли, страницу перевернули, снова — врачом.

И вот в седьмом классе по деревенским меркам произошло чудо, у девчонки на первом месте физика. Точнее сказать, молодой преподаватель Сергей Александрович, фамилия уже не помнится, открыл для неё новую науку о свойствах и строении материи. В школе он появился неожиданно, почти перед самым новым годом, после окончания педагогического института что-то не сложилось со службой в армии. В сельских школах почти всегда проблемы с вакансиями преподавателей физики, время от времени и математики, а вот с преподавателями русского языка и литературы нет.

С его приходом урок физики преобразился, мало того, что сам он был красавцем, все девчонки влюблялись в него, умел ещё и увлекать за собой в дебри неизвестного. Всё вдруг становилось доступно и интересно, и однажды, играя на уроке в исследователей, определяли всем классом, каким образом можно замерить температуру ручки двери, Маша поняла, что о профессии врача можно позабыть. По весне Сергей Александрович всё же ушёл служить, а вместо него из города приехала молодая физичка-истеричка, но твёрдость решения стать физиком у Марии не поколебалась до самого окончания школы.

Физиком так физиком, родители не противились, а школьные учителя, лишь пожимая плечами, добавляли с надеждой, вот и появится в школе свой преподаватель, и не будет этой чехарды.

В областной университет поступила с первой попытки, училась легко, времени хватало и на многое другое. На втором курсе подружилась с Витькой Черниковым и под его влиянием в

летние каникулы махнула с группой студентов и преподавателей на Урал на реку Чусовую попробовать таёжной романтики. Всё было ново и потому изумительно, дружба от привязанности и взаимного доверия продвигалась к иным, более близким отношениям через общность интереса к любопытной вещице.

Обладательницей браслета она стала почти так же, как и Хрусталёв, только не днём, а ночью, и не в городе, а на берегу реки у костра. Отчего-то не спалось, наблюдая звёздное небо, увидела шар — посвети, и он посветил.

Жажда исследования и первенства удерживала от возможности открыться всем, но потребность поделиться заставила продемонстрировать свои новые возможности сначала Виктору, а затем, опять по его настоятельной просьбе и старшему группы, аспиранту Рогалёву.

Образовавшаяся матрёшка, исследовательская группа в группе отдыхающих, по возвращению в университет не распалась в своей малой части, но и не приобрела новых членов. Метафизический характер исследований не оставлял возможности перехода на более открытый формат. Так они и просуществовали до четвёртого курса. Рогалёв копил авторитет парапсихолога, формулируя свои взгляды на паранормальные явления в околонаучных статьях. Витька всё больше сживался с браслетом, и казалось, что это Маша при браслете, а не наоборот.

Мария могла обходиться и без браслета, способности развились очень быстро, несомненно, они дремали в ней до этой поры, поэтому необходимость использовать катализатор стала минимальной, и она надолго отдавала его Виктору. Тот даже на каникулы ездил домой вместе с ним, но достичь таких успехов как она не мог. Такое положение раззадоривало его ещё больше, уже исследования не были исследованиями в классическом варианте, а что-то такое наподобие спортивных соревнований.

И вот однажды, нарушив договорённость о последовательности освоения объекта, так называемой пошаговой цепочки, Виктор форсировал события. Он совместил треугольную метку внутреннего кольца браслета с кнопкой ромбовидной формы внешнего и нажал её.

По истечении нескольких секунд после нажатия кнопки и окончания легкой вибрации браслета произошла метаморфоза окружающей обстановки, в последующем охарактеризованной Виктором, как перемещение в другое измерение. Никакому описанию или ассоциационному сравнению это не поддавалось. Была реальность действительно настоящей или воображаемой, а может быть, и хуже того, галлюцинаторной, однозначного ответа он дать не мог из-за краткости пребывания в данном состоянии.

Увиденное шокировало и испугало, но не помешало адекватности действий, выстроенных сознанием Виктора, а именно, совмещение треугольной метки с треугольной кнопкой и нажатием на неё. Выход из состояния был быстрее, чем вход.

В физическом плане ничего существенного не произошло, но изменилось его отношение к окружающим. Он перестал соревноваться, казалось, слегка охладел к браслету, к нему подходила банальная фраза из кино: "Кто понял жизнь, тот не спешит".

На расспросы, как там, отвечал, что и сам ничего не понял. Это могло бы насторожить Марию, но Виктор стал более внимательно относиться к ней, снова ухаживал, как и на втором курсе. Анархия закончилась, руководство проектом возвратилось к Рогалёву. Отношения с Виктором перешли в новую фазу, они стали жить вместе и мечтали после окончания университета пожениться.

Всё шло хорошо, но она стала замечать, что он скрывает свои мысли от неё, блокирует ей доступ. Ночью ему стали сниться кошмары. Он кричал во сне. На расспросы, что же его так беспокоит и мучит, сначала отнекивался, говоря, что это от учебных перегрузок, потом сознался, что тянет туда, в неизвестность. Предложил новый вариант исследования. Он даже название придумал: "Репортаж из "кротовой норы". Помнится, Рогалёв идею подхватил, но название предложил своё: "Попытка проникновения в гравитационную сингулярность".

Суть эксперимента заключалось в том, что Виктор, постоянно имея телепатическую связь с Марией, при помощи браслета отправляется в другое измерение, т. е. посылает туда свои глаза и ум, при этом его тело остаётся на месте. Она на словах передает Рогалёву то, что получает по телепатии, тот фиксирует принятое, ставит новые вопросы и через Марию задаёт их Виктору, при этом физическое состояние контролируется биометрическими приборами.

Как и следовало ожидать, первый блин вышел комом. Получалось, как в сказке "пойди туда, не зная куда, принеси то, не зная что". Не хватало дерзости в фантазиях и опытности в реалиях. Но совсем неудачным процесс назвать нельзя. Виктор чувствовал холод, наблюдал туманность и постоянно натыкался на невидимые преграды, словно прозрачные стеклянные стены, рассмотреть которые во мгле не было возможности, не пускали его в само здание иного измерения, а заставляли толкаться в тесной прихожей пограничного перехода.

Физически он оставался на кушетке в комнате, правая рука с браслетом в руке Марии. Само перемещение не осуществилось,

т. к. через три минуты после начала резко упала температура тела до тридцати двух градусов, а пульс до сорока. По команде Рогалёва Мария, используя браслет, вернула Виктора назад.

Впоследствии Рогалёв начал подвергать сомнению само существование другого измерения, этим самым оказывал давление на Виктора, тот нервничал, нервозность передавалась Марии, в общих чертах — все были на взводе. Маша предложила себя в роли телепортируемого объекта на том основании, что браслет изначально принадлежит ей, и способности у неё развиты качественней, но тогда уже она испытала гнёт со стороны Виктора, который возражал и требовал, чтобы к нему, к автору идеи, относились с уважением. Получалось как в басне Крылова про лебедя, рака и щуку. Нет согласия — нет и дела.

Взяли паузу на осмысление. Впервые в отношениях с Виктором наступил ледниковый период. Он обещал, что потепление придёт: "Вот только решим околонаучную проблему, и всё будет как прежде". Ко всему прочему у него начались проблемы с учёбой, Рогалёв иногда помогал со сдачей экзаменов, но все трое понимали, выглядит некрасиво.

Остановка экспериментов пользы не приносила, это было видно невооружённым глазом, следовательно, так продолжаться больше не должно. Триумвират под давлением обстоятельств достиг компромисса, но согласие походило на русский авось, т. е. пусть будет, что будет. Впереди последний курс, если удача, это — дипломный проект, а если нет — хотя бы ясность в планах на заключительный год обучения.

Перед "последним" броском — лёгкая тренировка на квартире и без руководителя. Снова туманность и охлаждение тела, но Виктор просит её не торопиться, он что-то понял. Пять минут. Новой информации нет. Пульс — сорок, дыхание — восемь вдохов в минуту, и начинается дрожь всего тела, словно Виктора охватил сильный озноб.

Только прикоснулась к браслету, дрожь закончилась, посыл от Виктора: "Всё нормально, вижу яркий свет". Нерешительность, несколько секунд паузы. Тело распадается на мелкие чёрные фрагменты, которые сначала выдерживают её форму, а затем уменьшают свой размер до точек, теряют и растворяются в пространстве. Мария делает замах, чтобы перехватить руку с браслетом, но поздно, кисть лишь рассекает пустоту. Виктор исчез, её охватывает шок. Такое можно увидеть только в кино. Кино? Зафиксировала ли камера переход? Нужно сосредоточиться на Викторе, чтобы не потерять связь — это главное, остальное потом.

Поймала контакт: "… мысли создают и ломают преграды,

контроль над мыслительным процессом. Не только вожделения, но и желания исполняются мгновенно. Возможно — галлюцинации, но есть вероятность, что и голограммы. Точно, меня контролируют и навязывают образ мышления. Всё сильней и сильней, фактически не принадлежу себе, сама читай…, они знают…"

Слабый энергетический маячок сохранял надежду, что контакт не будет потерян, но рядом с ним сильное поле внушало тревогу и понижало шкалу оптимизма. Трансперсональный информационный обмен нарушился. Он стал односторонним. Теперь Мария отслеживала лишь биоэнергетику Виктора, обратной связи не было.

Поначалу она считывала только чувства и эмоции. Испуг, тревога, страх; удивление, радость, восторг; задумчивость, стопор, изумление. Всё вторично и направлялось не в её сторону и не ей предназначалось. По всей видимости, информационное взаимодействие осуществлялось рядом, но с кем-то другим.

Подстроившись как детектор к модуляционным особенностям электромагнитного излучения, она моментально испытала воздействие чужеродной энергии в виде подавления инициативы и торможения мыслительного процесса у себя в голове. Захотелось соскользнуть в сторону, уйти от давления. Как только желание сформировалось, атака на мозг уменьшилась, и создалось впечатление, что её тоже контролируют, но в мягкой форме. "Мы знаем о вас всё, допускаем обозревать контакт в качестве только стороннего наблюдателя, слушателя. Для вас это урок". После этого Мария поняла, ей позволили пассивно присутствовать при информационном обмене.

— "… вы нарушили наши законы, позволили себе завладение энергетическим усилителем, не предназначенным для вас, и проникли в межпространственный коридор без нашего позволения", — без эмоций двигалась внутренняя речь космического объекта.

— "Мы только исследователи…" — оправдывался мозг Виктора.

— "Исследователи — мы. Вы — объекты исследований. За нарушения законов будете осуждены и наказаны".

— "Как это? Меня будут судить? Кто?"

— "Решение из блока Непреложного Высшего Виртуального Суда уже поступило. Наказание — самое строгое".

— "Меня посадят в инопланетную тюрьму?"

— "У нас нет тюрем, нет таких жестоких наказаний как у вас. Мотив много важнее поступка, поэтому для исправления преступников их лишают памяти".

— "Меня лишат памяти?"

— "Решение: исключить из памяти объекта следы прежнего преступного опыта и все логические и ассоциационные цепочки, связанные с ним, на случай возможной ремиссии".

— "Мне оставят воспоминания о контакте и коридоре?"

— "Да. Частично".

— "Как это понимать, частично…, что это?"

Опять только чувства и эмоции. Испуг и боль. Затем ниточку обрезали. Пустота и боль уже в её голове. В глазах темнеет, чёрные точки, пятна. Виктор снова на кушетке? Это — галлюцинации. Доигрались. Прекратить немедленно. Хватает кисть руки, чтобы снять браслет, но его там нет. Правая рука? Да. На левой тоже нет. Снял сам. Молодец.

Виктор поднимает голову, смотрит вокруг. Встаёт и садится, опираясь на спинку кушетки.

— Где я? — произносит он медленно и с заторможенной мимикой, — Что это было?

— Ты дома со мной, — отвечает Маша ласково и радостно.

— А вы кто? — изумлённо продолжает опрос Виктор, рассматривая в упор своего визави.

Лёгкий холодок ужаса пополз сначала по спине, а затем перебрался в область головы Марии. Волосы не встали дыбом и не зашевелились, она не почувствовала ничего такого, просто вся тыльная сторона головы онемела.

Перед ней сидел любимый и родной человек, не хотелось верить, но возможно теперь чуждый для неё. Стало быть всё, что произошло не галлюцинации, и они действительно "доигрались".

"Витька, Витька, ну почему это произошло с нами? Что же я могу сказать про тебя: "Вышел ростом и лицом, спасибо матери с отцом". Но ведь не это заставило меня обратить внимание на симпатичного второкурсника, а твоя могучая жажда исследований и путешествий, которой ты заражал всех вокруг, увлекала и меня. Для деревенской девчонки человек, способный раздвинуть окружающие горизонты, всегда интересен. Что же теперь будет с нами?"

Сам по себе Виктор действительно был видным парнем. Чуть выше среднего роста, стройный, если бы немного не узковатые плечи, можно было бы сказать статный. Чистое лицо с чертами мужественности: широкая нижняя челюсть и раздвоенный, с небольшой впадиной подбородок образовывали нижнюю трапецию. При плоских, с едва видимыми ямочками щеках и заметными височными провалами ровные скулы не выделялись, как и прямой с острой пипочкой нос. Мужественность слегка

портили пухленькие губы с приподнятыми кончиками, словно их обладатель вот-вот должен одарить вас улыбкой, но девчонки о таких губах говорили: "Они созданы для поцелуев". Чёрнобровый брюнет с карими глазами и длинными ресницами не мог не иметь успеха у противоположного пола.

Она помнила его улыбку, его поцелуи, помнила всё. Минули уже более десяти лет, а время её не излечило. По-иному взглянуть на ситуацию заставила фраза, произнесённая ветераном войны на открытии памятника"… боль проходит, а память остаётся".

Её боль не проходит, а ведь лекарство где-то рядом. Витька — живой памятник её юности, её надеждам, её любви, и незаживающая рана в душе, боль в сердце. Ведь Витька — не памятник, не гранит, хотя он ещё есть, и его как бы нет. Он антивиртуальный: существующий, но невозможный. Но как сделать его реально живым, если врачи не смогли не только исцелить недуг, но и поставить точный диагноз. Рекуррентная шизофрения с депрессивно-параноидными приступами, с характерным бредом метафизического содержания, приведшая к частичному расстройству памяти на текущие события, предшествующие заболеванию. Они сами-то понимали, что писали? Сомневаясь в том, что привело к частичной потери памяти, спорная шизофрения, а может всё наоборот, потеря памяти привело к шизофрении.

Мария точно знала, в чём причина, Рогалёв сделал вид, что поверил её рассказу и записи на видеокамере, которая затем исчезла в неизвестном направлении. Черников отрицал знакомство и с Марией и с Рогалёвым. Их предупредили, чтобы они прекратили поддерживать бред больного человека, иначе проблемы возникнут и у них.

Рогалёв испугался за свою семью и карьеру и взамен на то, что руководство вуза оставит данный инцидент без последствий, позволил уговорить себя, а затем и Марию не предавать данный случай огласке, не бросать тень на университет и забыть всё то, что и привело к такому непредсказуемому результату.

Мария окончила университет, работать по специальности не захотела, у неё не было ни желания, ни возможности. Вечный поиск средств на хороших врачей для Виктора, привёл в совершенно необычный, но доходный бизнес. Родственники Черникова финансово поддержать её идеи не могли, а свои просто не понимали, зачем ей молодой и красивой держаться за какого-то шизофреника, не являющегося ей даже мужем.

Каждый раз, вспоминая свою малую родину, она жалела своих стареющих родителей и школьных учителей, чувствовала

свою вину, что не оправдала их надежд. Но ничего поделать с собой не могла. Эти воспоминания и размышления всегда приводили её к Виктору. Казалось, какая здесь связь?

Распалась соседская деревня Хоминное, разъехалось село Почтовое, и велика вероятность, что такая же участь ожидает и твоё место рождения. Кому это интересно? Лишь у того, кто помнит, защемит сердце, подкатит ком к горлу, сомкнутся челюсти, и зашумит в ушах. Воспоминания о прошлом всегда будоражат душу. Почему? Может быть, снова хочется стать молодой? Да нет. Но вот есть ведь какое-то чувство, кроме ностальгии. Наверное, жалость к самой себе, что всё меньше надежд и меньше оптимизма, и свет в конце туннеля лишь несёт испуг. Есенинские стихи дергают за струны. Но душа не поёт, а сжимается. Видимо отпело своё раньше. Когда?

Солнце, свет, горизонт. Вот кажется там всё интересное и новое. Я всё равно туда попаду рано или поздно. И вот там, да вот там, будет то, чего я ещё не знаю, и то, что не могу себе даже вообразить.

И вот ты перешагнула горизонт. А здесь нет ничего неизвестного, только уже и нет того видимого горизонта. Он слился с туманом, и ты уже слегка представляешь, что там может быть, и не хочешь об этом думать, уж лучше обратно, ведь там можно было жить надеждой. Ты лишилась главного, того, что усиливает любопытство ожидания, того, что приносит радость, и это главное — мечта о будущем. А сейчас тебе остаётся лишь суровое настоящее и воспоминание о прошлом.

Если человек лишается памяти, то разрушается его эмоциональная насыщенность. Душевные качества обедняются, он фактически становится машиной. Душа засыпает, хуже того — консервируется.

Месяц назад звонок от Рогалёва позвал её назад в будущее. Она и сама понимала, что деньги не вернут её любовь, врачи были бессильны восстановить память Виктору. Клин вышибают клином, кто лишил, тот и вернёт. Новый браслет — новые надежды. Хрусталёв или спаситель, или могильщик. Лучше первое, чем второе, и от неё много зависит.

Как уберечь Хрусталёва от ошибок Черникова? Да, жаль, согласно теории Рогалёва я не обладаю гипнозом, внушением или воздействием на сознание других лиц. Они не дали такой возможности, значит, чего-то опасаются. Хотя трудно поверить, что они чего-то боятся. Идут на конфликт с Космосом, считают себя "Великим Разумом", т. е. богом по-нашему. Но, достигнув таких вершин в техническом и научном прогрессе, изучают нас и сторонятся одновременно. Парадокс.

Хотя Хрусталёва, как и Виктора, тянет к исследованиям, но есть особенность и в этом отличие. У него нет жажды истинного учёного, сделать что-то чисто для науки, но есть способность истинного обывателя любые новые знания и умения адаптировать в свою реальную жизнь. Воспитывает какого-то Механизатора, защищается от несправедливости гаишников, старается заработать денег. С моральной точки зрения пока всё в норме, но кто знает, что будет дальше. Есть странность в мелочной борьбе с Механизатором, постоянных стычек с милицией. Попахивает анархией или пугачёвщиной. Нет достаточного воспитания? Но откуда моральные принципы?

Деньги? Да это быт, и от него никуда не уйти. Биоэнергетика требует калорий, калории — денег. Дикое сочетание, но правдивое и естественное. Может быть он просто естественный? Необходимо удержать его от добычи финансовых средств любыми способами. Но как? Позволить ему самому себе наставить шишек и затем помочь их лечить. Как его использовать в своих интересах и при этом найти в сотрудничестве пользу и для него? Думать и надеяться, что космос поможет, подскажет единственно правильный выход, направит поток мыслей в нужном направлении, туда, где такое решение ожидает того, кто наконец-то им воспользуется.

Что же такое нас объединяет, почему браслеты одевают нам? В этом должно быть что-то общее? Если это лежит в плоскости науки, тогда возможно мы никогда не узнаем ответа при жизни, в настоящий момент мы слишком просты, как неандертальцы.

Если в области религии, то узнаем, но после смерти, что фактически равноценно с первым вариантом. А если варианты пересекаются, если они части одного целого. Душа? Родственные души? В чём родство? В чём родство совершенно разных людей?

Понять то, что они ищут в нас, понять их. Тогда сумею найти общий язык с ними, уговорить их на возврат памяти. Но прежде чем понять их, я должна понять Хрусталёва, я должна понять сама себя. Но это очень сложно. По той статье всё очень просто. Сложность в простоте, мудрость в простоте, гениальность в простоте. В чём суть правды, в истине. Истина проста и одинока. Так что же такое простота?

Необходимо прекратить лицемерие не только в общениях, но и даже в помыслах по отношению к Андрею Викторовичу. Я же сама его учила говорить то, что думаешь, а думать правильно, без двойных стандартов. Что же такое двойной стандарт? Кто воздвигает стандарты, кто потом делает их двойными. Лицемеры? Если стандарт двойной — это уже не стандарт, а скорее антистандарт. Всё, что произошло со мной и Черниковым в связи

с браслетом, я должна честно и без утайки рассказать Андрею Викторовичу, пусть он самостоятельно и без принуждения примет своё решение. Я надеюсь, что оно будет толерантно по отношению ко мне.

Глава 7

Говорят, что соседей и родственников не выбирают. Кто говорит? Соседи, когда отношения у них не добрососедские. В подъезде Хрусталёва народное утверждение кажется несостоятельным, не ругаются, правда и в гости друг к другу не ходят. Визит бабы Веры в квартиру Андрея — это не просто так, это событие местного масштаба. К тому же Вера Васильевна Ухваткина — мать Механизатора.

— Здравствуйте! — громко с порога поприветствовала баба Вера, — можно к вам в гости?

— Проходите, проходите, — так же громко ответила Ленка, забыв от неожиданности ответить на приветствие.

— Здравствуйте, баб Вер! — произнёс Андрей из глубины комнаты, хотя бабушкой по отношению к его возрасту она и не была, но так уж повелось у них во дворе и не ему, самому младшему из старожил, это менять.

— Вот решилась посмотреть, как соседи живут, а то помру, и знать не буду, — вроде как, извиняясь, оправдывала своё появление у них Вера Васильевна.

— Ну, что-то не то вы говорите, Вера Васильевна, помирать вам рановато, — отреагировала на последние слова супруга Хрусталёва.

— Э, милая, не нам судить, кому рано или поздно, на то воля божья, — в церковном стиле парировала гостья.

Она прошла из прихожей мимо кухни в комнату, подтверждая свои намерения на просмотр. Конечно, планировкой хрущёвки удивить в настоящий момент возможно только российских детей состоятельных родителей, сами состоятельные родители или когда-то жили в таких трущобах, или их родственники, знакомые и просто друзья детства провели экскурсии по малопригодному жилью на тему: "Так жить нельзя". Поэтому обозреть Вера Васильевна могла только ремонт, мебель, её расстановку, что в малогабаритных квартирах зависело от дизайнерского таланта жильцов, и чистоту, порядок, цветочную флору, что уже относилось напрямую к компетенции хозяек. В преддверии Нового года у окна за диваном стояла наряженная ёлка. Разноцветные огоньки китайского производства циклично перемещались снизу вверх и обратно. Выглядело это празднично и завораживающе. Неудивительно, что баба Вера остановила свой взор на ёлке.

— Как у нас ёлка? — перехватив взгляд, спросила Лена, — нравится?

— Красавица, — щурясь, как бы рассматривая, проговорила Вера Васильевна, — вот теперь вижу, что скоро Новый год с Рождеством, а то на улице всё осень и осень, никак не сзимеет.

В домашней обстановке Хрусталёв старался не пользоваться своими навыками, иначе обычная жизнь может превратиться в ад, но в настоящий момент просто интуитивно почувствовал, что баба Вера пришла именно к нему.

— Андрюш, — обратилась она к Андрею, — я вот что хотела спросить. Слышала, у тебя машину в прошлом хулиганы портили, чем же всё закончилось?

— Да ничем. Начали на ночь ставить на стоянку, и всё прекратилось.

— Ударом по семейному бюджету это закончилось, — иронически поправила его Елена.

Пару лет назад, почти сразу после приобретения их семьёй автомобиля, по центру города прокатилась волна варварских погромов легковых авто. В этот период в центре открылось несколько автостоянок с довольно дорогой платой за оказываемые услуги по охране. Все они принадлежали, можно сказать, одному холдингу — родственникам чиновников из местной районной администрации. Народ прореагировал бойкотом. Но когда, как вот, например, у их "Лады", в течение одного месяца отрывают и выбрасывают в мусорные баки боковое зеркало, крадут пульт от магнитолы, разбивают заднее тонированное стекло, то затраты по восстановлению уже превышают плату за услуги стоянки, и так у многих знакомых. Погромы прекратились не заботами милиции, а плотностью наполнения стоянок. В настоящий момент они переполнены, машины на ночь оставляют во дворах, на улицах, милиция не изменяет себе, а погромов нет. Так — просто совпадение.

— А зачем вы спрашиваете? — теперь уже задал вопрос Хрусталёв.

— Да вот машину моего Лёшки, как не приедет ко мне, хулиганы портят, — жаловалась баба Вера, — он решил уже и машину поменять, говорит, что она плохая стала. Я ему — не в том дело, насолил кому-то у нас, вот тебе и мстят.

— Кому-то — это всему двору, — решился Андрей на встречную жалобу, — ставит поперёк заезда во двор, и я с ним ругался, и другие, но он не воспринимает нас дворовых никак.

— И я ему про это, веди себя с людьми по-людски, а он же помощник депутата, власть почти, да ёще и бизнесмен, как ни как, — продолжала она, — говорит, что ему положено так себя вести на своей земле. Поменяю на джип, чтобы с видеокамерами был, вот тогда и поймаю хулиганов. Смотри, говорю ему, как бы

тебя не поймали.

— А вы к нему переезжайте жить, так и проблема решится, — шуткой предложил Андрей.

— Нет милок, я из этой квартиры перееду только в последний приют, как и все мои бывшие подружки — с цветами на асфальте, — трагично возразила баба Вера.

— Теть Вер, может чаю? — спросила Лена.

— Да нет, Лен, спасибо, пойду, — отказалась она, — посмотрела и хватит. Ладно живёте, дай бог вам всех благ.

После её ухода Андрей переглянулся с супругой, и она, как бы прочла его мысли, сказала, глядя ему прямо в лицо:

— Прямо фатализм какой-то, что-то Вера Васильевна в не себя.

— За сына беспокоится, наверное, и её достал тоже, — поддержал тему он.

— Чего теперь за него волноваться, материальное положение высокое, при власти, развёлся вот только, так женится заново, на такие перспективы много желающих найдётся, — нехотя продолжила она.

— Откуда такие подробности? — удивился он.

— А ты про сарафанное радио слышал? Так выйди к старушкам во двор хоть на пять минут, много чего интересного услышишь.

— А что там про помощника, про власть говорят? Чей он помощник?

— Ну, ты прямо на луне живёшь. Кто к нам последние годы во двор всё агитировать приходит?

— Мэр что ли? Так он помощник Помпеева. Вот даёт Механизатор.

— Кто механизатор? — удивилась Елена.

— Да это так, новое слово-паразит, — спохватившись, ответил Андрей.

А сам про себя подумал: "Ведь Вера Васильевна предупредить приходила, не хочет скандала во дворе. Что мы без них, без проницательных пенсионеров, делать будем".

И вот накануне Нового года, точнее двадцать шестого декабря, Механизатор сделал свой запланированный ход. Во дворе стоял новенький "лексус", светло-бежевый металлик с тонированными стёклами. Располагался демонстративно по центру въезда во двор, по данному признаку Хрусталёв и догадался, что машина Механизатора. Проходя мимо, он сквозь тёмные стёкла рассмотрел на переднем пассажирском сиденье ноутбук в рабочем состоянии, крышка дисплея поднята. "Интересно посмотреть мышеловку изнутри, сейчас из квартиры и

заглянем в салон".

Расположившись удобно на диване и закрыв глаза, Андрей сконцентрировался, и мысленно переместился во двор к "лексусу". Вот он всё ближе и ближе, правая передняя дверь, салон, на сиденье ноутбук. Экран дисплея тёмный, клавиатура, длинная клавиша "пробел" потонула и всплыла. Ожил экран, заставка — картина Брюллова "Последний день Помпеи", помимо нескольких ярлыков, лозунг-надпись "Не бывать этому никогда", посредине контекстное меню с запросом пароля. Да, Механизатор — эстет-декадент. От компьютера два тонких кабеля к салонному зеркалу, где на специальной пластмассовой струбцине под углом девяносто градусов друг к другу закреплены четыре миниатюрные камеры. На заднем сиденье сумка для компьютера, из кармашка выглядывают два футляра для дисков. Андрей пожалел, что не умеет взламывать пароли, и не научен перемещать предметы. Вдруг водительская дверь открывается, и на сиденье усаживается чёрная кожаная куртка, волосатая рука с печаткой поворачивает ноутбук к… Механизатору, палец последовательно нажимает клавиши "х", "в", "а", "т". Пароль — "хват", от фамилии Ухваткин. Прокручивает файлы записей от видеокамер, ничего интересного, захлопывает крышку. Ну что же, пока до встречи.

Андрей открывает глаза и довольный своими успехами, заламывает руки за голову. "Значит, пароль — "хват". Приятель наш рождён быть хватом… Слуга и друг электората. Игра в кошки мышки всё увлекательней. Но каков Механизатор, уважаю, хотя при таких деньгах — это просто развлечение. Поиграем. Мария научит, и я эту технику обойду. Значит — сотрудничество, а почему бы и нет?"

"Я очень рада, что вы согласились на сотрудничество, но меня настораживает тот факт, что катализатором выступает некий Механизатор, — так при встрече на следующий день после его шпионских похождений начала беседу Мария.

С каждым приходом Хрусталёв знакомился всё ближе с офисными помещениями Марии. Прошлыми посещениями были освоены клиентский зал и кухня, в этот раз гостевая комната сразу за кухней по коридору. Комната выглядела жилой и по своему назначению подходила как для отдыха и развлечений, так и непринуждённых разговоров. Её размер казался больше, чем на самом деле из-за свободного центра, который был занят лишь большим паласом с высоким ворсом и красивым, но не броским рисунком. Справа от входа два мягких кресла с тёмной бархатной обивкой, между ними плетёный столик для газет и журналов, с

встроенным торшером. Вдоль длинной стены располагалась высокая и функционально насыщенная стенка. Она состояла из трёх корпусных элементов, большого центрального и двух приставных поменьше. Боковые шкафы могли быть предназначены как для верхней одежды, так и просто для любых нужных и ненужных вещей, которые всегда сопутствуют людям по жизни, не имея особого значения, но без них никак нельзя обойтись. Центральная часть состояла из нескольких компонентов. Основой служил двухъярусный комод, на нём с обеих сторон два книжных шкафа, по центру ниша с телевизором, над нишей небольшая полка с DVD-проигрывателем. Над полкой сервант с фужерами и вазами для цветов, кофейным и чайным сервизами. Дверки серванта и книжных шкафов были сделаны из коричневого стекла и имели изогнутую оригинальную форму, такую же, как и деревянные дверца гардеробных шкафов. У окна, закрывая батарею центрального отопления, диван, с точно такой же обивкой, как и у кресел. Между ним и противоположной стеной, узкий, но достаточный проход на балкон. Люстра деревянная, цвет тёмный бук, как и у стенки, стёкла трёх фонарей коричневатые, сквозь них видны энергосберегающие лампы. Обои на стенах двухкомпонентные. Низ на одну треть высоты тёмно-красного цвета, с фактурой под мокрые обои. Верх — светло-бежевый, с такой же фактурой, но с рисунком в виде веточек эвкалипта или травы тимофеевки. Шторы за диваном гармонировали с верхней частью обоев и тоном и рисунком. Хозяйка комнаты не собиралась подстраиваться под новомодные дизайны, а сделала всё для души, или от души, в общем, для себя.

Выбрав кресло и расположившись в нём, Андрей ощутил комфорт. Современная мягкая мебель устроена так, что все члены туловища сидящего на нём отдыхают одновременно. Это достигается их полным расслаблением, т. к. соединение сиденья и спинки составляют угол более девяноста градусов, а обивка и её наполнители настолько мягки и приятны на ощупь, что проваливаются при лёгком нажиме на них, и обволакивают опрокинутый объект посадки фактически с трёх сторон. Площадь соприкосновения возрастает многократно, и сила земного тяготения на человека уменьшается в несколько раз, распределившись по всей площадной опоре. В таком состоянии хочется ни о чём не размышлять, а просто наслаждаться отдыхом.

Поэтому он, сидя в таком кресле, улыбался во весь рот, молчал, не пытался прятать своих мыслей, наоборот, лениво старался прочесть или хотя бы зацепить чужие. Иногда это удавалось, но особого смысла они не имели, так как сама суть суждений собеседницы уже лежала на ожидаемой поверхности, а

не таилась где-то в глубине.

Мария устроилась напротив на диванчике из одного гарнитура с креслами. Свою мебель она знала, и не хотела быть расслабленной, к тому же женщине в юбке сиденье в таких условиях доставляет беспокойство, вызываемое скромностью и приличием. Поэтому она лишь слегка касалась дивана, не опираясь на его спинку, боясь опрокидывания назад. Стройные ноги в чёрных ажурных чулках и тёмных остроносых туфлях на высоком каблуке, называемом шпилькой, были плотно сведены между собой и, как единое целое, прижаты влево к верхнему обрезу дивана, а из-за небольшого сгиба в округлых коленях задниками туфель упирались в его низ.

Мария в этот раз удивила Хрусталёва своим нарядом. Нет, косметику и бижутерию она не любила по-прежнему, здесь и обсуждать нечего, а вот костюм деловой женщины был ей к лицу. Скорей всего он менее ожидаем для Андрея по причине рода её занятий, а может быть они ещё недостаточно знакомы, он её просто не знает.

Чёрная обтягивающая бёдра юбка была по длине чуть выше колен. Такого же цвета двубортный пиджак с низким вырезом и со светлой узкой полосой, обрамляющей лацканы и отложной воротник, с двумя белыми пуговицами был хорошо подогнан и подчёркивал её филигранную фигуру с узкой талией, не пышной, но отчётливо видимой высокой грудью и прямыми плечами. Белая блузка с расстегнутой верхней пуговицей, с кружевным воротником и такими же манжетами, выглядывающими из рукавов пиджака, образовала складку ниже груди между пуговицами по форме овала, размером с куриное яйцо и тем самым обнажила малый кусочек нижнего белья и кожи живота. Волосы как всегда поддерживала светлая широкая лента. Лицо и шея женщины с обложки журнала, казались просто нереальными.

"Да, Черникову повезло с женщиной, она строго красива", — не стесняясь, подумал Андрей. В этот момент щёки её слегка покраснели, но она не стала одёргивать его как в прошлый раз, наверное, ей всё ж приятны такие комплименты, а вот складку на блузке поправила пальцами левой руки, вернув потом её на прежнее место, т. е. на правое бедро, поверх другой руки. Кроме того, он подумал, что дистанция между нами, во всю длину комнаты, выбрана неслучайно. Они ещё не партнёры, и если станут таковыми, то должны понимать, кто начальник, а кто подчинённый. Дистанция — это субординация, а субординация должна соблюдаться, и он уже готов принять такие условия.

С приподнятой головой и взором, направленным поверх Хрусталёва, она последовательно и искренне разъясняла свою

выгоду. Много неожиданных и интересных вещей посчастливилось ему услышать, некоторые вопросы, которые он надеялся поставить перед ней, решились сами собой. Но чем меньше мы знаем, тем пассивней наше стремление знать больше и, наоборот, чем больше узнаем, тем гуще массив вопросов. Свои плюсы он находил в появлении свободного времени, которое собирался тратить на новое хобби — браслет. Материальная сторона сотрудничества тоже его устраивала полностью, семья будет рада такому положению вещей. Счастливые люди в работе — это те, которые всё свободное и рабочее время занимаются любимым делом, и за это им ещё дают деньги. Хрусталёву знакомо такое состояние, в прошлом он лётчик, жаль, что оно так рано закончилось, и он не путает его с толстовскими праздностью и полезностью, приписанных классиком к военному сословию. После праздника наступает спад или похмелье, как гласит поговорка, а после труда в радость приходит удовлетворение от проделанного.

Само повествование злоключений тройственного союза по изучению браслета со стороны уж не так выглядели трагично, но, поймав взгляд рассказчицы, он понял насколько всё это серьёзно и важно для неё. Излагая процесс лечения Виктора, она мельком всё же посмотрела ему в глаза, и он почувствовал её скорбь и надежду одновременно. Но было и что-то ещё в том мимолётном взгляде, наверное, твёрдость и решительный настрой на борьбу за свою любовь, что в свою очередь наводило на мысль, случись снова неудача, она её всё равно не сломит. И после этого лицо её слегка просветлело, в этот день его мысли оказались трансплантантны для её сознания.

— Так какие новые вопросы у вас возникли? — спросила Мария Андрея после окончания своего, так сказать, отчёта.

— Так опять разные, шёл сюда, были одни, теперь они перестроились в другие, — осторожно начал составлять ответ Хрусталёв.

— Начнём с тех, которые наиболее вас беспокоят. Например?

— Я не понимаю сути оказываемых услуг банкам, — искренне признался Андрей, — почему они не используют детектор "лжи", ведь сейчас таких игрушек чуть ли не на каждом рынке можно купить.

— Как вы себе представляете ими пользоваться, каждого клиента пропускать через детектор — это не серьёзно, — возразила Мария, — проверка честности через агентурные и иные средства затягивает время, а вот это уже упущенная выгода. Один банкир мне сказал, что речь здесь не идёт о проверке

кредитоспособности клиентов. Они хотят знать наверняка истинные намерения клиентов, а в роли клиентов выступают власть, партнёры и конкуренты, чтобы иметь полную и объективную картину угроз и подводных камней в том или ином проекте, куда банки собираются инвестировать свои средства. Есть у них аналитические отделы, но наша информация послужит дополнением, а иногда и в качестве оценки или главного мерила работы таких отделов.

— Но как это будет выглядеть технически, — продолжал упорствовать Хрусталёв, — мы, что будем следить за интересующими субъектами, прослушивать их разговоры?

— Кстати, такой вопрос возникал и у меня, — призналась Мария, — мне объяснили иной способ. Сами заказчики будут передавать интересующим субъектам тестовые документы, при чтении которых, обязательно возникнут комментарии к текстовке в мыслях для себя. Вот эти комментарии мы должны отсканировать и, запротоколировав, выложить заказчикам.

— Так это нужно присутствовать при объекте в момент чтения, — разочарованно произнёс Андрей.

— Необязательно. Нужно только знать сканы объекта и период, когда он будет читать текст, — возразила Маша.

— Простите, что нужно знать? — изумился Хрусталёв.

— Ах да, терминология вам не знакома, — спохватилась Маша, — эти формулировки мы разработали совместно с Черниковым. Я постараюсь всё объяснить сейчас. Предположим, что существует энергия мысли, в виде мыслеформ в голове (сознании) индивидуума, и в виде энергетических сгустков в пространстве, те же мыслеформы, только выпущенные в эфир — сканы. Сканы бывают разных величин и свойств. Большие, тяжёлые — "кваны", медленные и тягучие. Маленькие, лёгкие — "сквози", быстрые и неуловимые. Для распознавания сканов нужен усилитель и детектор, т. к. они настолько маломощны, что фактически их нет. В роли такого прибора выступает браслет.

— С названием сканов есть ясность, наверняка от слова сканировать, — оживился Андрей, — а вот другие формулировки?

— Название даны от их свойств. "Сквози" — от слова сквозняк, быстро просквозили и исчезли. А вот "кваны" от слова кланы, только в созвучии со сканами должны быть "сванами", но сваны — это этническая группа грузин, пришлось остановиться на кванах.

— Я дискутировал с Рогалёвым о материальности мысли, он меня не поддержал, — прояснил своё первоначальное оживление Хрусталёв.

— Нашу с Витькой теорию он не поддержал также, более

того, считал её просто бредом, — дополнила Мария, а затем, помедлив, произнесла слова в защиту Рогалёва, — хотя откуда ему про это знать, опробовать на себе браслет он категорически не хотел, говоря при этом, что тогда он будет необъективен в суждениях.

— А что банкиры знают о браслете и его возможностях? — спросил Андрей, возвращая разговор к начальной теме.

— Нет, конечно, — ответила гадалка, — просто они верят в мои способности экстрасенса. У них была возможность убедиться в них.

— Мы рискуем нажить врагов в среде и так достаточно для нас чуждой, — сделал вывод Хрусталёв.

— За риск нам будут достаточно платить, — энергично возразила Мария, — к тому же таких поручений будет не более двух, трёх в месяц, всё остальное время мы посвятим браслету.

— Что две, три выполненные услуги в месяц создадут для нашей финансовой независимости благоприятный фон? — удивлённо переспросил Андрей.

— Я думаю, что в денежном плане будет достаточно и одного выполненного задания, — поправила его Мария, — на такие вещи банкиры не скупятся, тем более мы можем и льготно кредитоваться в их учреждениях.

— Ну, хорошо убедили, — согласился Хрусталёва, — начнём, а там, как говорится, война план покажет.

— Как я поняла, один вопрос закрыли? — спросила Мария и продолжила, — жду второго.

— Второй тоже не совсем вопрос, и в нём так же не ясна суть, — дипломатично затрагивал новую тему Андрей, — судя по вам, вы ожидаете этого больше всего, ведь это — главное для вас.

Мария встала в полный рост, видно было, что эмоции переполняют её. Она не старалась скрывать своего волнения, то, что хотел обсудить Хрусталёв, действительно очень важно для них. Она, опустив голову и придерживая подбородок пальцами правой руки, вышла на середину комнаты. Остановилась, повернулась правым боком к Андрею, её левая рука поддержала локоть правой, всё ещё держащей подбородок. Затем, подняв голову, осмотрела своё отражение в стёклах книжного шкафа. Хрусталёв ни о чём не думал, и не старался ни прочесть и ни предугадать её мысли, он смотрел на неё и ждал. Мария, оставаясь на месте, опустила обе руки, и, повернув голову в сторону Андрея, устремила взгляд на него через правое плечо. Она, конечно, знала, что сказать своему гостю, но никак не решалась, с чего и как начать. В затянувшейся паузе их взгляды встретились, и они несколько секунд смотрели друг другу в глаза.

Сознание Андрея словно отлучилось от действительности и пребывало в лёгком трансе. Мария подняла левую руку, проделала ей вращательное движение, по-видимому, собиралась что-то сказать, но промолчала, и тем самым вывела Хрусталёва из забытья. Он, стряхнув оцепенение, заговорил первым:

— У вас есть уверенность, что нам удастся избежать участи Черникова?

— У меня только надежда, что правильно разработанный и чётко выполняемый наш совместный план не позволит повторить таких ошибок, — быстро ответила Маша.

— План уже разработан?

— Нет. Я же сказала"… наш совместный план". Есть контуры, есть прошлые наработки — всё это позволит нам выработать его.

— Нам двоим?

— Да. Рогалёва привлекать нет смысла. Он может и не согласиться, — разъяснила Мария и добавила, — а других кандидатур просто нет.

— Опять пошли повторы, я уже недавно слышал о шахматном турнире на две персоны, — Андрей вспомнил о Гарёве его приятеле, но развивать воспоминания далее не стал, а спросил лишь, — когда приступим?

— Мы уже приступили, — пошутила она, — обсудив кандидатуры исполнителей.

— Понятно. Следующим шагом, надо полагать, будет обсуждение концепции, — поддержав её настрой, произнёс Хрусталёв и тут же добавил, — кстати, коллега, а каково ваше ФИО?

— Антонова Мария Анатольевна, — впервые представилась она.

— "АМА", — изрёк Андрей, — а моё — "ХАВ". Проект, значит, назовём "Амахав" или "Хавама" — не звучит, однако.

— Гадалка и военный, устраивает, — включилась в игру Мария Анатольевна.

— А что, оригинально, преодоление трудностей начнём совместно и с простых антипатий к словам, — неожиданно для самого себя согласился Андрей Викторович.

— Вы что, серьёзно, — встрепенулась она, — зачем нам вообще какие-то названия?

— Ладно. Я просто пошутил.

— С планом поступим так, я набросаю черновик на бумаге и передам на осмысление вам. Затем вы выскажите свои соображения. Идёт?

— Это, смотря, что вы под планами имеете в виду. Если план проекта, то больше двух пунктов я здесь не наблюдаю: первый

пункт — обучение, второй — само исполнение. А вот если учебный план, тогда можно в письменном или электронном виде и более развёрнуто.

— Вы уже самостоятельно отвечаете на свои же вопросы, и как вы недавно выразились "опять пошли повторы", что свидетельствует о неэффективности нашей беседы, — произнеся это, Мария подошла к правому книжному шкафу и открыла стеклянную дверку.

— "Пора заканчивать", — поймал скан Андрей и встал с кресла.

Откуда-то сверху из глубины пространства между стоящими книгами и полкой над ними хозяйка извлекла конверт. Закрыв дверцу, послышался щелчок магнитных держателей, она повернулась к Хрусталёву и, протянув правую руку с конвертом, произнесла: "Аванс". Хрусталёву пришлось сделать пару шагов, чтобы очутиться рядом с ней. Боковым зрением он увидел две фигуры в стёклах шкафа, но внимание было сосредоточено на предмете в её руке.

Андрей узнал конверт и был уверен, что знает и сумму денег, скрываемых за белой непрозрачной бумагой, поэтому, не открывая его, взял и положил во внутренний карман пиджака, поблагодарив при этом Марию. "План по электронке получите", — ответила она на благодарность, и впервые обратила внимание на то, как он был одет. Сочетание пиджака с джинсами, ей не понравилось.

Андрей почувствовал её недовольный взгляд, и, повернувшись к стёклам, стал демонстративно себя рассматривать. Отражение в стекле — это не отражение в зеркале, оно не даёт полной реалистичной картины, а лишь чёткие заретушированные контуры. Но иной раз, сподобивший прищурившемуся художнику, стоит осматривать свой силуэт в полутонах, тогда не замечая мелких деталей, видишь фигуру в целом. В данный момент Андрей наблюдал своё отражение, похожее на не до конца развёрнутое эскимо. Огромный бесформенный пиджак свисал мятыми и неровными краями над палками ног, обтянутых джинсовой тканью. Длинные полы скрывали ягодицы, и это смотрелось, мягко говоря, несуразно. Переведя взгляд выше, он увидел лицо сорокапятилетнего мужчины без вредных привычек, неизмученного ни чрезмерным употреблением "нарзана", ни курением на ночь для лучшего сна. Оно не постарело раньше времени, не отяжелели веки и мешки под глазами, глубокие морщины не прорезали лоб, но всё равно, от многолетнего бритья оно потеряло лоск, и молодо уже не выглядело. "Да — вот это поважнее пиджака будет", — пронеслось

в голове, и, постеснявшись своих же мыслей, он поискал глазами Марию. Удивился, когда обнаружил её у двери, стоящей в ожидании. Молча, не поднимая глаз, он торопливо проследовал к выходу из комнаты.

Глава 8

Лес. Солнечный день. Много зелени, трава высока и не позволяет рассмотреть кроны деревьев. Он пытается поднять голову, но не может, только травинки и мощные стволы в ракурсе его обзора. Вдруг появляется чувство, надо что-то делать, и тогда она снова посмотрит на него сверху вниз своими лучистыми глазами, и ему станет легко-легко, как в детстве, и он поднимется над травой и деревьями и полетит. Да, вот в траве земляника, она любит землянику. Он собирает землянику в пластиковый стакан, сделанный из пэт-бутылки, спешит, ползает на коленях. Надо успеть, пока она не ушла. Горстями ссыпает ягоду уже в глубокую фарфоровую чашку, и она всё не наполняется и не наполняется. И тут, заглянув внутрь чашки, он обнаруживает, что та полна, и ягоды лежат горочкой, а некоторые, не удержавшись, скатываются и падают куда-то вниз. "Пора, пора", — гонит его мысль, и он поднимается с колен и бежит. Неожиданно проваливается в яму и падает, земляника рассыпается по траве, он спешно собирает её обратно в чашку. Но там, вдруг, оказывается вместо ягод лесной мусор: жёлтые травинки и чёрно-коричневые, похожие на торфяник, комья земли. Всё — не успел. Заныло, затянуло в левой части груди, ниже сердца, выше живота. Закружилось всё в сером туманном вихре и исчезло.

Алексей заметался по подушке и проснулся, провёл рукой там, где сердце. Оно испугано колотилось, но уже начинало затихать. Вытирая простынёй холодный пот с лица и шеи, он поднялся на согнутой в локтевом суставе правой руке над подушкой и подумал: "Что это было?" Сознание быстро возвращалось к реальности, и до него дошло — сон. Алексей старался вспомнить и пережить то, что с ним происходило во сне, но сновидения всё ускользали и ускользали куда-то, и он не мог их зацепить и воспроизвести. В конце концов, осталось лишь одно ощущение, что он куда-то не успел, и оно было неприятным. "Опять кинут, — подумал он, растолковывая сон, — с землёй на "Сакковакки" надо поторопиться".

Опершись на правую руку, он сел на краю софы, откинул от себя махровую простынь и поставил босые ноги на палас. Приятный освежающий поток воздуха стелился понизу и обволакивал ступни. Повернув голову вправо в сторону окна, он обнаружил отрытую форточку. "Что за зима, спишь с открытой форточкой и под простынёй, — раздражённо мыслил он, глядя уже на деревянные оконные переплёты, — и правильно, что не стал ставить пластиковые окна, сейчас бы пришлось всё окно

открывать, а спать зимой с открытым окном — это уже, извините, для наших краёв нонсенс".

Два года назад, после развода, он приобрёл эту двухкомнатную городскую квартиру, старую, если так можно назвать четырёхкомнатную в двух уровнях, оставил жене с дочкой. У него был ещё коттедж за городом, но там он обитал в основном только летом. Так вот, делая ремонт в этой квартире, строители уговорили не ставить пластиковых окон, а заказать деревянные стеклопакеты, он согласился, но потребовал, чтобы тогда у окон были форточки, и, по крайней мере, внешне они выглядели бы как обычные, не раздражая окружающих соседей. Строители исполнили его прихоть, хотя пожимали плечами: "Зачем форточки, когда у вас Сплит-система?"

Оставив в покое воспоминания, он встал во весь рост и повернулся влево к зеркальным сдвижным дверям шкафа-купе. В огромном зеркале от пола и до потолка отражался сорокалетний мужчина в одних плавках, вздутых в интересном месте, с мощными шеей, руками и ногами, и солидным торсом, в плоти которого были не только крепкие мышцы, но и жирок в области талии и живота. Взяв правой рукой за небритый подбородок, он повернул своё широкое и скуластое лицо в пол-оборота сначала влево, затем вправо и, вернув ему первоначальный фас, отпустил. Пальцами обеих рук прочесал и взлохматил чёрный и негрубый волос по всей голове и снова всмотрелся в своё отражение. Нет, на него по-прежнему смотрел мужчина хоть куда, и этот по-прежнему нравившийся ему мужчина был, не кто иной, как он — Ухваткин Алексей Иванович.

Налюбовавшись собой, зевая и почёсывая волосатую грудь, он босиком вышел из спальни и по коридору проследовал до двери туалета. Взявшись уже за ручку, он передумал открывать, а прошёл боковым коридором на кухню, вылил старую воду из никелированного чайника со свистком в раковину, наполнил его заново фильтрованной водой из-под маленького специального крана, затем поставил на газовую плиту, повернув ручку, зажёг горелку. Синенькие огонёчки вспыхнули по кольцу горелки с лёгким хлопком, как будто выдохнув воздух ожидания, и загорелись почти бесшумно ровным пламенем. Понаблюдав немного за огоньком, он открыл холодильник, достал из упаковки четыре сосиски, а с полки двери два яйца, положил их вместе в маленькую кастрюлю и, залив водой, поставил на другую горелку, включив и её. Только после этого отправился в туалет.

Живя третий год холостяком, Алексей уже привык экономить время и обслуживать самого себя. Лишь не терпел он уборок по дому, поэтому и нанял для таких дел женщину, которая

приезжала из пригорода, там, где у него коттедж, и два раза в неделю наводила чистоту и порядок. Татьяна Ивановна и её пенсионер супруг следили за его коттеджем, убирались на участке и в самом доме вот уже несколько лет. Так что когда встал вопрос о горничной для городской квартиры, Ухваткин первым делом обратился к ним, и Татьяна Ивановна, не раздумывая, согласилась, естественно за дополнительную плату.

Выйдя из туалета, он заглянул на кухню, перевёл горелку, над которой в кастрюле закипала вода, на самый малый расход газа и отправился принимать водные процедуры, при этом оставив дверь ванной открытой, чтобы не пропустить момент, когда закипит чайник. Через несколько минут, услышав протяжный и нарастающий свист, он быстро вернулся с бритвой в руке и лицом наполовину выскобленным, а наполовину в белой пене, и выключил обе горелки.

Завтракал он уже одетым. На столе кроме сосисок с горчицей присутствовали сливочное масло, красная икра и нарезной батон. Бутерброды для себя он всегда любил делать сам, мазал ломтик белого хлеба маслом, разрезал пополам варёное яйцо, доставал оттуда желток и раскрашивал его, вдавливая в масло, солил сверху, а в опустевшие половинки белка заталкивал красную икру. Рецепт с желтком он подсмотрел в офицерской столовой в Тоцком у вертолётчиков. Ухваткин проходил там военные сборы после окончания института механизации сельского хозяйства. В отличие от этих курощупов (Помпея с командой), он был настоящий офицер запаса, потому и считал свой альма-матер порядочным заведением и всегда им гордился.

Откусывая бутерброд, он вспомнил свою бывшую жену, она не любила его стряпню и называла извращением. "Что ей не хватало, — с сожалением подумал он, — ведь любил же её и сейчас, наверное, люблю. Вот и сон, по-видимому, про неё, хотя нет — там куда-то не успел". Неожиданно вернувшись в мыслях назад к своему утреннему пробуждению, он стал опять истолковывать свой сон. "А ведь с четверга на пятницу — вещий, — продолжало крутиться в голове, — куда же я могу опоздать?" Запивая кофе со сливками, он продолжал рассуждения, поглощая еду уже в автоматическом режиме, не наслаждаясь ни вкусом, ни ароматом. "Нужно поторопить Помпея с оформлением земельного участка под домом, где матушка проживает, что-то засуетились москвичи или неладное почувствовали, или форсируют события. Деньги не любят ждать, а их у тех, похоже, не меряно".

Позавтракав, так и не придя в своих внутренних дебатах ни к чему конкретному, он убрал со стола, вымыл посуду и, посмотрев

на часы, стал энергично собираться на работу. Спешить ему, конечно, было необязательно, ведь он один из учредителей и директор ООО "Симстрой", нештатный помощник депутата Помпеева, но многолетняя привычка не позволяла ему расслабляться и опаздывать просто так без причины.

Привычка своими корнями уходила в начало девяностых, когда развалился Союз, а в новых государственных образованиях царили разруха, дефицит и непрогнозируемая инфляция. Деловым людям приходилось быстро ориентироваться в ежедневно меняющейся обстановке, в народе бытовала фраза: "Кто не успел — тот опоздал". Ухваткин ещё тогда понял: "Опаздывать нельзя никуда — ни в прямом, ни в фигуральном понятии". Потому и зарегистрировал своё ЧП (частное предприятие), ещё даже не зная, чем оно будет заниматься, занеся в устав все возможные виды деятельности.

На первых порах действительно занимался всем, что могло принести любой доход, невзирая на его размер, затем стал браться только за высокорентабельные проекты, а потом нашёл золотую середину, меньше сверхприбыли, но и меньше риска. Утилизация металлолома на обанкротившихся государственных промышленных предприятиях приносила его ЧП неплохие деньги, хватало на нормальную зарплату персоналу, на развитие фирмы и ему на достойное по тем временам существование. Но глубокой перспективы в таком бизнесе Алексей не видел, поэтому нагуляв жирок и чувствуя в спину дыхание криминала, он продал бизнес на корню одному чиновнику, за протекцию на приобретение огромного цехового здания по остаточной стоимости.

Создал новое предприятие, отремонтировал здание и опять занялся металлом, только теперь его оптовой реализацией, связи с металлургическими предприятиями Урала и Украины остались ведь при нём. Фортуна благоволила ему, дела шли в гору, параллельно с коммерцией, развивались приятельские отношения с клиентами из строительной сферы, продолжала крепчать дружба с административным ресурсом. Вырисовывалось новое поле деятельности — земельные участки под строительство. И снова Ухваткин продаёт свой доходный бизнес и снова за протекцию.

Новенькое ООО "Симстрой" уже занимается подготовкой стройплощадок непосредственно для строительных организаций. Подготовка заключается не только в поиске и расчистке участков, но главное в оформлении прав на них в администрации. Один из сегодняшних проектов с хорошими дивидендами в недалёком будущем — это хлебокомбинат "Жаткино" с прилегающими двумя пятиэтажками, за которыми старинные двухэтажные строения с

жилыми подвалами, и частные деревянные домики с гаражами и сараями, и всё это в самом центре города. Ухваткин приобрёл этот муниципальный комбинат на грани банкротства за мизерную сумму, два года исправно выпускал продукцию и закрыл как будто на капремонт, а затем и совсем как нерентабельный. Снёс корпуса и хозяйские постройки, образовалась огромная площадка для перспективного строительства. В настоящий момент он был занят расширением её границ.

В личных стратегических планах Андрея значится стать как минимум акционером того коммерческого предприятия, которое затевали москвичи совместно с крупной иностранной компанией. Из достоверных источников имелись сведения о твёрдых намерениях компании выстроить в его городе пятизвёздочный отель мирового класса. Миллионный областной центр очень нуждается в таких заведениях, а гостиницы столь высокого уровня вообще не имел.

Фирма "Симстрой", в учредителях которой кроме Ухваткина значился и мэр города Помпеев, естественно через подставных лиц, имела договор с городом о передаче стройплощадки инвестору за выкупную стоимость. Но сам по себе проект уникален и требует дополнительных площадей, вот этим вопросом и занимался сейчас Алексей. Его замысел заключается в том, чтобы землю под жилыми домами, зачислив на баланс фирмы, переоформить затем лично на себя. Он собирается оставить пост директора и выйти из учредителей ООО, а в качестве отступных забрать права на участки земли под жилыми домами. Имея устные договорённости с одним из московских представителей о возможности вхождения в проект, он начал поступательное осуществление своих планов.

Неожиданное противодействие поначалу ему оказал Помпеев, но Алексей быстро убедил его, имея на руках неоспоримые аргументы. Эти аргументы он собирал всеми правдами и неправдами на протяжении всей своей деятельности.

Довольствуясь лишь крохами, в виде металлолома, при растаскивании директорами и чиновниками госимущества, он накапливал компромат на всех участников приватизационных процессов, отслеживал кому, как и куда затем уходили данные объекты и имущество. Доставал копии, а иногда и подлинники, договоров и свидетельств по таким сделкам, распоряжения и приказы, расписки и постановления, вообще всё то, что могло при оглашении нанести не только моральный вред былым фигурантам коррупционных дел, но иногда и прихлопнуть их карьеру чиновника или депутата, или даже довести до скамьи подсудимых.

Дело в том, что в провинции местная когорта представителей исполнительной и законодательной власти варилась в собственном соку, их рокировка носила лишь внутренний и показной характер. Выход из такого административного круга был возможен лишь в исключительных случаях: в Москву на повышение, на пенсию из-за слишком почтительного возраста, внезапная и трагическая смерть. Поэтому Ухваткин фактически всех знал и на многих имел двойное досье: электронную базу с описанием бизнеса каждого и документальную, с компроматом.

Когда у него возникали затруднения при проведении своих операций, а их разрешение зависело от несговорчивого или слишком жадного чиновника, он находил при помощи своих данных ахиллесовы места у таких оппонентов и оказывал скрытое и эффективное давление на них, добиваясь, таким образом, нужных результатов. Действовал он очень осторожно и изобретательно, никогда не засвечивался сам, лишь изредка выступал в роли посредника, оказавшись как бы случайно рядом, и только по настоятельной просьбе оказывал услугу, взамен получая ожидаемую протекцию.

Вот и с Помпеевым так вышло, когда весной этого года Ухваткин за рюмочкой коньяка завёл разговор о своём плане. Помпей (так за глаза называло его же окружение) поначалу даже протрезвел и прекратил выпивать, начал с негодованием выспрашивать, не вникая в суть ответов:

— Так, что получается, ты меня бросаешь или как там более точно говорится — кидаешь?

— Ничего себе "кидаешь", весь бизнес, и половина последней сделки остаётся за ним и это называется "кидаешь", — старался сглаживать возникающую остроту Алексей.

— А как это понимать? Я обеспечиваю права на участок, а моего присутствия в дальнейшей комбинации не наблюдается.

— Ты же прекрасно знаешь, пока ты мэр напрямую в проект войти невозможно, и через аффилированное лицо нельзя, всё на виду, и никто не хочет скандала. Я надеюсь, ты на радость врагам не оставишь свой пост и депутатство, чтобы погнаться за эфемерным благополучием.

— Ага, а ты значит погонишься. Что-то на тебя не похоже, чтобы ты брался за пустышку, — сопротивлялся Помпей, — ведь наверняка уже переговорил с кем надо, ведь так?

— Вот сейчас "с кем надо" и говорю, — разливая коньяк по рюмкам, льстил честолюбивому самомнению мэра Ухваткин.

— Это ты умеешь пустить пыль в глаза, — понизил тональность в разговоре Помпей, — только вот не знаю, сумею ли помочь.

— Вот тебе и раз. Только что цеплялся за проект, значит, были мыслишки, как всё провернуть, и вдруг выясняется, что он не может, — с мягкой иронией посетовал Ухваткин и добавил, — ты же с губернатором за такой подход к делу постоянно воюешь, а теперь сам как собака на сене: "Гам, и тебе не дам".

— Ладно, там посмотрим, — промычал слегка уязвлённый Помпеев своей же любимой поговоркой и опрокинул рюмку коньяка.

Для Ухваткина это означало, что мэр ничего делать не будет, недоставало мотивации. Мотивацию Алексей подыскал ему очень быстро. Зная слабость Помпеева к противоположному полу, он подсунул ему свою новою знакомую…

Как-то в марте, обеспечивая одну из основных обязанностей депутата Помпеева, его нештатный помощник Ухваткин совместно со штатными, вёл приём избирателей. На приёме к нему обратилась мать-одиночка, симпатичная женщина тридцати двух лет.

Суть таковых обращений почти всегда одинакова — это жалоба на ТСЖ, ЖСК, или районные ДЭЗы, на произвол или бюрократизм и чёрствость местных чиновников. Алексей сейчас уже и не помнит, что конкретно просила Наталья, так её звали, но вот стиль её обращения был вызывающим, нет, он не похож на то, как настоятельно требуют многоуважаемые ветераны и пенсионеры, или на то, как настойчиво и льстиво, с намёком на особую индивидуальную благодарность, взяточники. Стиль был полон томности и призывной женственности, словно она пришла на приём не решать свои бытовые и житейские проблемы, а найти себе понравившегося мужчину, чтобы затем, соблазнив его, закрутить с ним любовный роман.

Он с порога отметил её для себя как сексапильную женщину, хотя и была она лишь только в обтягивающих джинсах, а не в мини-юбочке, что характерно для такого определения. Алексей украдкой наблюдал, как она выбирала собеседника из четырёх помощников, и остановила свой выбор только на мужчине, симпатичном и не старом, уступая очередь другим просителям, пока не произошла нужная комбинация: свободное кресло за его столом и её очередь.

Заполнив карточку приёма избирателя и отложив её в сторону, он взглянул ей прямо в глаза, собираясь произнести стандартную в таком моменте фразу: "Меры будут приняты, мы пошлём депутатский запрос. Вы что-то ещё хотите сказать?" Но взгляд его потонул в бездонных карих глазах, их лучистость и лёгкая, мягкая ироничность зажгли в нём огонь мужского эгоизма и он, как говорят в таких случаях, залип на несколько секунд,

пытаясь показать свою силу, он лишь продемонстрировал слабость. Наталья перехватила инициативу и, не давая возможности ему опустить глаза, игриво произнесла: "А вы не желаете лично ознакомиться, как одиноко проживают ваши избиратели или вы настолько слабы и стеснительны, что боитесь последствий таких посещений?" "Нет, конечно, только какая в том необходимость", — смущаясь и опуская глаза, ответил он. "Работа с электоратом на местах принесёт не только общественную пользу, но приятные воспоминания и обогатит духовностью обе стороны", — приятно улыбаясь, продолжала насмешливо атаковать она.

И он завёлся, поддался юношескому максимализму, не пытаясь сковывать себя официозом, вместо логичного в таком случае ответа, со ссылкой на занятость, он произнёс игриво: "Что, приходите за полночь к сараю, не пожалеете". "Почему за полночь и к сараю, можно сегодня вечером и по названному адресу, а ещё лучше, как освободитесь, к встрече я подготовлюсь, вот мой номер мобильного, — и, протянув ему карточку, встала со словами, — буду ждать". Ухваткин, глядя на неё, как кролик на удава, взял карточку и произнёс: "Попытаюсь что-то выкроить, в плане сводного времени, раз вы так настойчивы". "Нечего пытаться и кроить, нужно быть просто орлом и не упускать таких возможностей", — опять с лёгкой усмешкой и томно, наклонив голову в бок и запрокинув слегка назад, выпустила она прощальную реплику и вышла. "Ну, красотка, ну развела, — восхищённо подумал Ухваткин, когда напротив него садился уже мужчина, очередной посетитель, — а что, вот возьму и приду, нечего дразнить холостого мужика".

Он исполнил своё нелепое желание в тот же вечер и не пожалел об этом не только как мужчина, и как эстет, к сторонникам изящного он сам себя и причислял, но как бизнесмен. Наталья была хороша как женщина, изумительна как любовница, но и умна, и стервозна, как мегера. Она в момент расслабления Алексея вырвала у него обещание познакомить её с мэром. На вопрос, для каких целей, ответила, что для решения её служебной карьеры в муниципальной стоматологической поликлинике.

Случай познакомить представился в начале мая, мэр решил покатать депутатов молодёжного городского форума на теплоходе, после его окончания и в честь открытия навигации на Волге. Ухваткин пригласил и Наталью и прямо на палубе теплохода представил её мэру. Тот бросился, как голодный лев на добычу, флиртовать и уже через полчаса уединился с ней в каюте, а минут через двадцать они вышли уже на палубу с сияющими и

довольными лицами. "Наверное, оба решили свои проблемы", — ехидно усмехнулся про себя Ухваткин, но какое же было его удивление, когда мэр, никого не стесняясь, предложил место в своём автомобиле новой знакомой и, закрыв за ней дверь, сам сел за руль и укатил в неизвестном направлении, оставив на причале в недоумении ещё одного человека — своего водителя.

Роман между ними продолжался весь май и всё лето, пока злейший враг Помпеева, склочный и скандальный по характеру, депутат Скородумов при встрече с Ухваткиным, проявляя благородство, не предупредил: "Пусть Помпеев прекращает вакханалию с дамочкой, предупреждаю по-хорошему, иначе больше молчать не буду".

Ухваткин тактично передал пожелания Скородумова Помпею, но видимо не вовремя, тот взорвался, послал его подальше, потом набрал номер телефона Скородумова и высказал всё, что он думает о нём, о его матери и его родне.

Несдержанность, высокомерие и барство — эти черты характера Помпеев раскрыл в себе за те последние годы, когда он был на вершине власти. Правилами двойного стандарта он пользовался умело, но иногда случались срывы как в этот раз, хотя Скородумов невелика шишка, но имел некоторые связи и, можно сказать, неконтролируемый выход на средства массовой информации.

Мэр, остыв и проанализировав создавшуюся ситуацию, попросил Ухваткина урегулировать конфликт мирным путём, но было уже поздно, Скородумов затаил обиду и не захотел идти на мировую.

В прессе начали появляться его интервью с грязными и откровенными намёками на аморальное поведение главы города. Всё бы ничего, Помпеев отнекивался, ссылаясь на издержки политической борьбы, но слухи дошли до его супруги, и скандал уже разгорался в тылу, что грозило уже серьёзными осложнениями. Он стал намного осторожней, избегал публичности, но пассию свою так и не бросил, посещая её уже на дому раз или два в неделю и только днём в обеденное время. Вот тогда он и почувствовал, как трудно в его городе живётся простому автомобилисту.

В доме, где проживала Наталья, развернули ремонт, наверное, по указке сверху, перекопали весь двор, и свой джип Помпееву приходилось парковать на проезжей части прямо перед домом. После одной такой неудачной парковки он вызвал к себе начальника ГИБДД и попросил того обеспечивать ему парковку в нужном месте и в нужное время, но чтобы деликатно и без помпы.

Первая же миссия двух откомандированных гаишников хотя и

закончилась успешно, но произошла с небольшим казусом. Зарезервировав место, они получили звонок от службы безопасности о движении объекта, но поспешили. В результате место заняла двенадцатая "Лада". Будучи в цейтноте и не придумав ничего умного, они решили отогнать её подальше и бросить, но найти место в центре в обеденный перерыв сложно и им не повезло. Выехав на окраину, получили сигнал об угоне, пришлось оставить её в районе дач на Волге.

Эту детективную историю с угоном Ухваткин услышал от службы безопасности. Мэр занервничал, обозвал гаишников тупицами и обещал пальцем не пошевелить, если их привлекут к ответственности. Но превентивные меры всё же принял. Он призвал на помощь Ухваткина, и вот тогда наступил звёздный час Алексея.

— Алексей, — начал он мягко и не глядя в глаза, просить, не умел и не хотел, — нужно закрыть Скородумова наглухо, чтобы и пикнуть не посмел. Сделай, прошу.

— Это не так просто, — стал набивать себе цену Ухваткин, почувствовав выгоду, — а что так вдруг?

— Да у него зять в гаи работает, начальником районного отдела, опасаюсь, как бы история с парковкой не получила огласки, — брезгливо и негромко излагал свои домыслы Помпей, — хоть существует в органах корпоративная солидарность, но вдруг…

— Я попробую что-то придумать, но не обещаю, — продолжал гнуть свою линию Алексей.

— Надо сделать, а не пробовать, — повысив тональность, начал заводиться мэр, — ты же знаешь, я в долгу не останусь.

— Ну да знаю, только по весне обещал помощь с землёй, а воз и ныне там, — приоткрыл карты Ухваткин.

— Да сделаю, сделаю, — ответил мэр и впервые посмотрел Алексею в глаза, — а ведь умеешь пользоваться моментом, добиваешься своего, недаром мои называют тебя Бульдозером.

Найти слабое звено у Скородумова оказалось не так-то просто, в картотеке он не значился. "Возможно, потому он такой скандальный и злобный, опоздал к дележу", — ехидно подумал Ухваткин. На его счастье нашёлся компромат на зятя депутата, служившего в органах.

Пьяный майор сбил бомжа, но это ничего, поправимо, не насмерть ведь. В момент аварии он ещё въехал в аптеку, вот здесь начинается интересное. Если бы это была простая аптека — отделался бы только компенсацией ущерба, но сейчас таковых уже нет, всё давно делено и переделено. Она была из сети аптек "Здравница", принадлежавших заму губернатора, храбрая и

бравая охрана сработала бесцеремонно и чётко, составили протокол, засвидетельствовали алкогольное опьянение, и его дальнейшая милицейская карьера уже стояла под вопросом. Скородумову потребовалось много усилий, чтобы замять это дело, но следы естественно остались.

Алексей нанял знакомого журналиста, тот восстановил событие в лицах и состряпал статью о пьяном майоре за рулём. Сам Ухваткин раздобыл ксерокопию медицинского освидетельствования милиционера и вместе со статьёй и комментариями отправил Скородумову по электронной почте. Тот в начале декабря позвонил Помпееву и запросил перемирия, пообещав больше не поднимать вопрос аморального поведения мэра.

Перед Новым годом наступило затишье, и Ухваткин напомнил Помпееву о своей просьбе. Мэр ответил, что дело движется и возможно скоро подойдёт к нужному результату. Ухваткин по опыту знал, что такие вещи нельзя оставлять без контроля, и вот сегодня, после странного сновидения, он решил, что пора ещё раз поторопить мэра.

Пробираясь в потоке машин, утро, ещё и нет восьми, а движение уже в разгаре, Ухваткин начал раздражаться всякой мелочи, вот его "лексус" нагло подрезала "девятка", вот, не пропустил "Москвич", хотя и поморгал ему фарами. "Встанешь не с той ноги, весь день насмарку, — пронеслось в мыслях, — а не поменять ли расклад, для начала завернув к матушке, возможно и сон-то про неё".

Он перестроился в нужный ряд для поворота направо, тем самым изменил маршрут движения, отказавшись от поездки в мэрию. Уходя на светофоре вправо, мысленно искал себе оправдание от перемены планов: "Всё равно у Помпея утром планёрки, разборки, трудновато будет оседлать наболевшую тему. А в моём офисе и без меня справятся, звякнуть только секретарше".

Алексей извлёк телефон, хотел отыскать номер офиса, но было неудобно, улица с односторонним движением была запружена стоячим транспортом, и джип, передвигаясь по самой середине, постоянно останавливался и маневрировал, объезжая или выжидая паркующиеся машины. Бросив телефон на пассажирское сиденье, он посигналил блондинке на "Оке", которая никак не могла принять решение, на какой стороне выбрать место остановки, сзади дружно подхватили, и получился разноголосый клаксонный хор.

Действие сигналов привело к ещё худшему результату, блондинка заторопилась, занервничала и поставила свою

маленькую коробчонку так, что и нарочно не придумаешь, по диагонали уткнувшись задним бампером в машину Ухваткина, а передним в новенькую "таёту", стоящую слева у бордюра. Алексей опустил стекло водительской двери и хотел уже что-то крикнуть обидное, но вдруг женщина за рулём открыла свою дверь и встала изящными каблучками сапожек на асфальт, повернувшись к нему лицом, она произнесла то, что и обескуражила его: "Будете на меня давить, вообще не тронусь с места". При этом она своеобразно жестикулировала, сложив руки крестом на груди, развела их в разные стороны, словно па из русско-народного танца.

"Хорошо красавица, успокойся, мы все подождём" — мягко и иронично ответил Алексей. Он включил задний ход и стал тихонько подавать назад, сзади с пониманием молчали, лишь, когда джип приблизился опасно близко, моргнули светом, чтобы он остановился. "Ока" проделала точно такой же манёвр и отлипла от "таёты", затем, вывернув руля до конца влево, скрылась в кармане.

Инцидент с блондинкой неожиданно благоприятно повлиял на Алексея, он успокоился, и раздражение, уже было нарастающее с самого пробуждения, куда-то исчезло. "А молодец девка, — уже с настроением подумал он, — с нами, козлами, наверное, по-другому и нельзя, кого хочешь, затопчем по такой жизни, и красоты не разглядим".

Он остановился у въезда во двор, машины после ночёвки разъезжались, кто куда, пришлось опять ждать, пока двор опустеет, но в этот раз он делал это терпеливо и спокойно, и ему даже показалось, что от этого всё происходило быстрей.

Его малая родина заметно сдала, не выдержав давление времени. Деревья стали большими и старыми, некоторые уже и спилили, палисадник обветшал и местами изрядно поредел, кое-где его деревянные рейки заменили подручными средствами, кусками труб, вбитых в землю, и прочим металлоломом и хламом, стараясь сохранить отмежевание открытого грунта от асфальта. "Зачем это делать, — подумалось Алексею, — ведь цветники и клумбы не разбивают как раньше, да и в тени ничего не будет расти, если даже попробовать что-то высадить. Значит прав я, пришла пора всё менять, а попросту снести и заново выстроить".

Оставив как обычно автомобиль, почти посредине двора, пусть не забывают бывшего жильца и знают будущего хозяина, он нажал кнопку домофона. Мать, Вера Васильевна, ответила сразу и впустила его в подъезд.

— Что в такую рань, на тебя не похоже, не случилось ли

чего? — спросила она с порога вместо приветствия.

— Мам, здравствуй, — не обращая внимание на её старческое ворчание, ответил Алексей, — у тебе всё нормально?

— У меня да, а вот у тебя видно не всё.

— Сон нехороший приснился, вот приехал посмотреть и проведать тебя.

— Сон? — удивлённо переспросила Вера Васильевна сына и иронично добавила, — что же денег не хватило на хороший сон или вовремя не проплатил?

— В банке номера счёта не знают, — подстраиваясь под её манеру, подыграл Алексей.

— С каких это пор ты снов стал бояться, — продолжала она расшатывать спокойствие сына.

— Да с тех самых, когда ты престала в свой коммунизм верить, а увлеклась библией, — беззлобно шутил сын.

— Человек без веры не может жить, — нравоучительно изрекла она и добавила, — в душе покоя не будет.

— По-твоему выходит, был коммунизм — был покой, пришло новое время, и всех охватило тревожное состояние, — как бы нехотя возразил Алексей.

— Беспокойство у разумных людей всегда было, но был стержень внутри, и это позволяло всё преодолевать, а теперь нет опоры ни старой, ни новой. Слабы люди, потому и ищут твердь не только под ногами, — философски рассуждала Вера Васильевна, — ты почитай сам библию, может, поймёшь что-то для себя, и проблемы твои растворятся как дым.

— Пока я буду читать, проблемы действительно исчезнут, только вместе с моим бизнесом, — серьёзно и твёрдо произнёс Алексей, — много сейчас народу пошло неграмотного, не читают, не пишут, а рвут и крадут, где плохо лежит.

— Дурак, — с горечью махнув рукой, ответила мать, — я ему про одно, а он про другое. Бизнес твой нехороший, покоя тебе не даёт и не даст, вспомнишь мои слова, да поздно будет.

— Ладно, мать, поеду я делами заниматься, вижу, что у тебя всё в порядке, — стараясь скрыть раздражение, произнёс Ухваткин.

— Завтракал? — неожиданно спросила она и добавила, — может чаю?

— Завтракал, и чаю не хочется, тебе к Новому году что-то нужно, — уже более миролюбиво заговорил он.

— Внучку привези, или ты редко сам видишься?

— По-всякому бывает. Деньги нужны, видимся, а так всё больше по телефону. Попробую уговорить, но обещать не буду.

— Ты давай не откладывай в долгий ящик, сегодня же

поговори.

— Хорошо. Я ещё и вечером к тебе заверну, возможно, и результат будет.

Поцеловав мать в щёку, Алексей вышел из квартиры и начал спускаться вниз по лестнице, всё быстрей и быстрей перебирая ступеньки, как в детстве, словно убегал от чего-то или опаздывал куда-то, с той лишь разницей, что тогда он знал от кого или куда, теперь нет. "В чём-то мать права, а вот в чём — не знаю…" — только и подумалось ему.

Глава 9

В стране, победившей социализм и утратившей веру в утопию, продолжают звучать лозунги прошлого периода: "битва за урожай", "борьба с бездорожьем", "все на выборы". Уже соцсоревнования превратились в конкурентную борьбу, но и в рекламном многоголосье иногда проскакивает что-то знакомое: "догоним и перегоним", "уменьшим инфляцию", "войдём в десятку".

На социальном горизонте замаячили богатые, не маскируя своего желания быть лидерами нации, но дух состязаний не только остался в их менталитете, но и производил новые метастазы. Теперь соперничали не только равные с равными, но и равные с неравными.

Частный работодатель отслеживает благосостояние своего работника, чтобы тот вдруг не вырвался вперёд в каком-то виде материальных благ, т. е. у него всё должно быть лучше и круче, а иначе, зачем он затевал своё дело, только для того, чтобы был достаток и независимость, несправедливо. Тот, кто работает на него, обязательно должен стоять на ступеньку ниже, в противном случае, чем же они будут отличаться, если у них одинаковое образование, одинаковое жильё, одинаковые машины и отдыхают они в одних и тех же местах. Поэтому любой частный работодатель мнит себя уже олигархом, а если он не может достичь желаемых высот в реальности, то выкопать низину глубже ему по силам, так сказать не гора к Магомеду, а он к ней.

"Все хозяева одинаковы", — говорила и говорит армия работников, поэтому Хрусталёв, дома просматривая конверт, сначала не поверил своим глазам. Аванс состоял из двойной суммы его же вознаграждения за поиски машины. Вот уж действительно права народная мудрость: "Не знаешь — где найдёшь, где потеряешь". Внезапное пополнение бюджета — сродни снегу на голову. Аргументы на семейном совете о смене места работы будут весомыми. Хотя какой совет, когда он уже всё решил, взяв эти деньги.

Посмотрев в окно, Андрей изумился ещё больше, на улице крупными хлопьями шёл снег. "Видно настало время перемен", — ироничный, но всё же пафосный сквозь вырвался из его головы на свободу. Действительно погода сжалилась над природой и разрешила той небольшое сезонное соответствие. Это по нынешней зиме — событие.

Зимой, конечно, всегда ждут снега и лёгкого морозца, ну а летом, естественно, солнышка. Человечество любит приятные

неожиданности, но и когда приходят ожидаемые события — тоже неплохо. Исчезает дискомфорт, поднимается настроение, строятся оптимистические планы, жизненные силы крепчают.

И сразу вдруг Хрусталёву припомнилось, что скоро новогодние праздники, а подарков нет. В их небольшой семье, когда-то состоявшей из четырёх человек, ёлка на Новый год была всегда, под ней, соответственно подарки. Хотя сейчас они остались вдвоём с супругой, традиции старались не нарушать.

Их дети — две девочки погодки, Наталья старшая и Татьяна помладше, выросли и разъехались в разные районы города. Получив образование и став взрослыми, они не спешили обзаводиться семьями, хотя и обе проживали в гражданских браках.

Наталья — врач, начинающий хирург, стремилась сделать карьеру. Её сокурсник, а теперь и так называемый гражданский муж Алексей, поддерживал в этом, хотя у матери он был один, а их четырёхкомнатная квартира давно жаждала прибавки в жильцах.

Младшая дочка Татьяна — экономист по образованию, только окончила университет, но уже стремилась к самостоятельности. Своей жилплощади они с бой-френдом, так она называла своего сожителя Вадима, не имели и поэтому снимали частную квартиру, что в современных условиях недёшево.

Супруги Хрусталёвы, по мере возможности, подпитывали материально молодые семьи, но вот полноценного общения с неофициальными зятьями ещё не достигли. Их поддержка заключалась в дарении нужных вещей по заказу. Вот и теперь пришло время раскошелиться, что будут дарить — наверняка знает Елена, лишь бы финансовые возможности не подкачали.

В ожидании её, Андрей решил проверить электронную почту. От момента встречи с Марией прошло не более трёх часов. Он не думал, что план подготовят настолько быстро, но всё же, сегодня ведь такой изумительный день.

Даже на исходе, удачный день не сдал своих позиций, план был готов, и он с жадностью начал заниматься им.

Название "Учебно-практический план по освоению функциональных возможностей энергетического усилителя (браслета)" Андрею ни о чём не говорило. Сам план короток и состоял из четырёх пунктов:

— Перечень функциональных возможностей и их ознакомительная демонстрация;

— Техника правильного мышления, методика создания когерентных энергетических сканов;

— Практические занятия с использованием функциональных

возможностей энергетического усилителя;

— Развитие и закрепление освоенных навыков по степени нужности и важности их применения в ожидаемой работе.

Против каждого пункта значилось время и количество занятий. Подпункты присутствовали только в первом пункте, и их было достаточно много, вот они и больше всего заинтересовали Хрусталёва.

В перечне функциональных возможностей числились: быстрый перевод вещества в иное состояние (твёрдое — газ, жидкость — плазма); изменение цветового спектра вещества, придание прозрачности объектам; перемещение объектов из одной области в другую при отсутствии прямого визуального контакта с ними; поглощение электромагнитных излучений и звуковых колебаний; получение голографических изображений; сканирование и распознавание сканов; создание энергий антигравитации и движения, и их совместное воздействие на объекты; ясновидение и яснослышание и др.

Андрей впервые увидел синтез знаний, схожих с научным обоснованием того, что он искал с самого начала обладания браслетом. Синтез, потому что неразрывная целостность некоторых частей просто невероятна. С одними определениями он познакомился в статье Рогалёва о паранормальных явлениях, другими свойствами уже обладал, но трактовал их по иному, а третьи — околонаучная фантастика.

То ли от повышенного возбуждения, то ли от предвкушения встречи с невероятным, но его ладони вспотели. Не отрывая взгляда от монитора, он вытер руки о себя, надел браслет и в этот момент расслышал призывный перезвон домофона. Возвращение к действительности произошло вовремя, иначе он затеял бы обмен мыслями накоротке с Марией.

Ленка, а это была она, тоже находилась в приподнятом настроении. Отряхивая в прихожей с шапки снег, прежде чем положить её на полку для головных уборов, она делилась своими впечатлениями о прошедшем дне с Андреем, даже не глядя в его сторону.

Он стоял на входе в комнату и слушал, не вникая в суть монолога жены. Изредка до его сознания доходили некоторые её фразы: о премии, о совместной встрече Нового года с её сестрой, о подарках, но он не воспринимал их адекватно, а лишь смотрел, размышляя о своём, и глупо улыбался.

"Ты чего лыбишься, как блаженный, — спросила она, когда закончила с шапкой и взглянула на него, — что, премию большую получил?" "Да нет, то есть да, — невпопад отвечал Андрей, — я перехожу на другую работу, уже подъёмные взял". "Какую работу,

какие подъёмные, — удивилась супруга, — а ну давай выкладывай и подробней".

Вместо того, чтобы объяснить ситуацию словами, он действительно выложил конверт с деньгами прямо в руки Елене. Заглянув в конверт и оценив содержимое, она спокойно и по-деловому повторила вопрос, — "Рассказывай".

Нехотя и с непонятной для него самого опаской, он изложил всю тематику, охарактеризовав тем самым свои новые трудовые обязанности. "Поживём — увидим, что это за место", — только и сказала она. Его волнения оказались напрасными, и в этот миг он осознал их природу. Он боялся, что Ленка начнёт его ревновать к Марии и придумает кучу всевозможных поводов, чтобы оставить на прежней работе. Но как она может ревновать, не видя воочию самой причины, да и не давал он поводов для таких страстей.

Обсудив новогодние подарки за ужином, супруги разбежались по комнатам для просмотра сериалов. Их вкусы, как в большинстве семей, не совпадали, ведь женщинам нравится кино о любви, хотя в телесериалах только видимость таковой, а мужчинам — суровая действительность, то есть новостные передачи, и некоторым — боевики и документальное кино. В настоящий момент Андрея интересовало иное, в прямом и переносном смысле.

Просматривая заново план, он в этот раз обратил внимание на календарные параметры. Сам учебный процесс начинался лишь пятнадцатого января и заканчивался в конце февраля. Выходит, что ожидая пятнадцатое число, он просто будет изнывать от нетерпения. Ну и что, что правительство устраивает такие длительные каникулы своим гражданам, может её членам есть куда и на какие средства ездить отдыхать, а вот граждане от таких каникул не знают, чем себя занять. Если только у гадалки "путинный сезон" откроется, тогда это уже совсем другое дело. Всё равно, поставим перед ней вопрос о переносе начала, например, на пятое. Для реализации своих намерений, Андрей тут же отстучал на клавиатуре возражение по срокам и отправил по электронной почте.

Ждать ответа пришлось относительно долго. Респондент или нечасто просматривал почту, или просто был чем-то занят. Ему казалось, что вечер приобретал всё более и более томительный характер, подпортив тем самым день. И он всё раскладывал и раскладывал карточные пасьянсы в компьютере, иногда переключая телевизор с одного новостного канала на другой, при этом лишь изредка бросая взгляд на экран, заинтересовавшись каким-нибудь сюжетом.

Его отвлёк длительный и продолжительный сигнал за окном.

Заинтересовавшись происходящим во дворе, он отдёрнул штору и посмотрел через стекло вниз. Вместо ожидаемой ночной темноты в глаза ударил белый сумрак. Деревья, земля, машины, пристроившиеся уже на ночлежку — всё было как в молоке. Пушистый снег толстым слоем накрыл всё в округе и продолжал терпеливо своё дело дальше.

Лишь в самом начале двора грязным пятном маячила "копейка", нарушая белую идиллию вечера. Следы протекторов говорили о том, что это она прибыла сюда совсем недавно и, по-видимому, стала возмутительницей спокойствия, перекрыв выезд большому джипу. Снег завалил того полностью, и лишь на капоте слегка подтаяв, образовалось тёмное бельмо причудливой формы. От этого и так мощный автомобиль казался огромным монстром, было забавно обозревать картину сверху, как маленький, общипанный жигулёнок-воробушек посмел держать в западне такую махину.

Дверь джипа открыта, снег под ней вытоптан, и на этом пятачке стоит хозяин машины и сигналит.

Вглядевшись в фигуру, Хрусталёв угадал в ней Механизатора. "Вот теперь ты побываешь в нашей шкуре, — ехидно подумал он, — это вам наукой будет".

В лицо словно плеснули кипятку, оно загорелось от неожиданного и сильного прилива крови. Ухваткин отдёрнул руку от руля автомобиля и, прекратив сигналить, прислонил ладони к щекам. Приятный холодок освежил кожу. "Видно многим мой концерт не нравится", — подумал он и закрыл дверь.

"День прошёл удачно. Не стоит злиться по мелочам", — успокаивал Алексей сам себя. Он вспомнил утреннюю барышню из "Оки" и улыбнулся. Всё задуманное в начале дня удалось воплотить в реальность. Помпей организовал встречу с нужными людьми, дело значительно продвинулось. Люди взяли задаток, а это уже серьёзно. На личном фронте, хотя небольшая, но победа. Бывшая жена задумала тур по Европе на Новый год — это деньги. Выкуп — дочь. Внучка погостит несколько дней у бабушки, Веры Васильевны. Такова жизнь.

Он поднял глаза и посмотрел в окна дома матери. На четвёртом этаже, в том подъезде, где её квартира, отдёрнута штора и в оконном проёме на него смотрит мужчина. "Жаль у матери окна на другую сторону, — пронеслось в голове, — а может и хорошо, что так, сейчас бы волноваться начала". Мужчина в окне резко отпрянул за штору, и в этот момент запищал домофон, заставив Ухваткина обернуться на звук. Открылась дверь среднего подъезда дома напротив, и вышел

молодой парнишка. По походке и направлению Ухваткин догадался — это тот, кто ему нужен. Бросив взгляд на четвёртый этаж — никого, Алексей уселся за руль и запустил мотор. Ощущение, что кто-то продолжает сверлить его взглядом, всё ещё присутствовало. "Смотреть что ли дома нечего, вообще-то окно — это театр вживую, или как сейчас модно выражаться "картинка on lain". Включив ближний свет и задний ход, он покинул двор.

Хрусталёву стало неуютно, когда на его скан обернулся Механизатор, будто бы почувствовав, откуда исходит неприязнь. Андрей дёрнулся и спрятался, словно от возможного ответного укора в свой адрес. Штора качнулась и заняла своё привычное место. Хрусталёв продолжал видеть картинку во дворе, только яркость слегка погасла. От неожиданности он опустил веки, тем самым стараясь сбросить наваждение, но видение продолжалось, лишь краски ещё чуточку побледнели.

Внизу вспыхнул свет фар, водитель обернулся и, проверив задний обзор, разрешил автомобилю движение. Андрей испуганно сдёрнул браслет с руки и бросил его на стол, видение исчезло, браслет бесшумно залип на мониторе. "Ничего себе!" — сквозь удивления вырвался чуть раньше чем возглас, и самому не было понятно к чему это отнести: то ли к видению, то ли к залипанию. Оторвав его от экрана, Хрусталёв бережно положил рядом с клавиатурой. "Вот и сходили за хлебом, — пошутил он сам с собой, — произнесла отрезанная голова, катясь вдоль трамвайного рельса".

Усевшись снова за компьютер, он продолжал находиться под впечатлением зрительной дуэли и не сразу определился, что же ему делать. Затем щёлкнул на ярлыке с пиктограммой паука, запустил игру. Ожидание потекло дальше.

В перерыве между фильмами в комнату зашла Елена поинтересоваться, чем он занят. "Как тебе не надоедает одно и то же", — то ли спросила, то ли просто бросила реплику она, и, не дождавшись пояснений, удалилась обратно. Андрей собрался съязвить по поводу её сериалов, но вдруг знакомый скан отвлёк его от сарказма.

— "Согласна на новую дату."

— "Кто согласна? А, да-да. А я жду по электронке".

— "Почему по электронке? Технический прогресс".

— "Обмен сканами прогрессивней? Вообще-то да".

— "Почему задаю повторные вопросы? Наверное, не привык к такому общению".

— "Сказывается неправильное мышление. Понял. В школах и институтах такого не преподают, вот и не научен".

— "Хорошо, что поправимо. Я ваших планов не нарушил?"

— "У меня возникали предположения, что в этот период, ваши услуги гадалки будут значительно востребованы".

— "Какие ещё вопросы? Ну, в процессе".

— "Не в процессе, а по плану? По плану нет".

— "У вас вопросы ко мне? Так задавайте".

— "Где браслет? На столе".

— "Взять? Зачем? Проверить свойства. Хорошо, взял".

— "Так, положил на ладонь, как сказали".

— "Теперь сжать как кистевой эспандер?"

Андрей с усилием сжал ладонь, браслет деформировался как резиновый, но при ослаблении давления пальцев, он начал возвращаться в своё исходное состояние. Хрусталёв проделал так несколько раз и, каждый раз происходило одно и то же.

— "Так он не металлический, — пронеслось у него в голове, и тут же ему ответ, — металлический, только сплав нам неизвестен".

— "Что же раньше не просветили меня? Не было повода? Какой повод сейчас?"

— "Убедиться, что у него аналогичные свойства. Ясно. Так убедились?"

— "Значит такие же. Не понял, что ещё?"

— "Предлагаете ежедневно до пятого числа проводить сеансы телепатии. Согласен".

— "Только вот"…

— "Не помеха. Даже помогает? А если совсем"…

— "Тогда нет. Понял. Всё должно быть в меру".

— "Сейчас торопитесь? До связи. Обязательно поздравлю вас после проводов старого года и встречи нового".

Зайдя в комнату к жене, Андрей увидел, что на экране только стартовала очередная серия. "Так, значит и Мария смотрит те же фильмы, что и все женщины", — сделал он вывод для себя, и ничего не сказав Елене, вернулся в свою комнату.

Исполнение плана по телепатическим тренировкам как-то не сложилось. Гости, спиртное, нескончаемые праздничные хлопоты заполнили всё свободное и личное время Хрусталёва и отвлекли его от браслета и от Марии.

Всё как обычно, даже слишком. Ведь искренняя радость с возрастом всё меньше и меньше посещает нас, а если приходит, то лишь с неизведанной стороны, а таковых становится тоже всё меньше. Такое положение по жизни можно охарактеризовать как возрастная радость, радость за успехи близких и родных.

Так куда она подевалась, где прячется, откуда приходит и в чём состоит её изюминка? В приятной неожиданности? В

ожидаемом успехе? В успешном преодолении трудностей, или прохождения кризов и кризисов? Как всегда, чем дальше в лес, тем толще партизаны, всё больше и больше вопросов.

Всё очень просто и сложно одновременно. В молодости, когда истинных радостей множество, кажется, что впереди их будет ещё больше. Проходит время, и вдруг обнаруживается, что знакомые радости тают, как снег на солнце весной, а оставшиеся приобретают иной оттенок. Уже нет радости и веселья как раньше, а если и случаются, то носят более традиционный характер. Скажите на милость, что это за праздник, и как радоваться своему Дню рождения в сорок лет, пятьдесят, шестьдесят, семьдесят… Сколько можно радоваться такому событию? Грусти нет, есть удивление, что окружающие это понимают, но не осознают, и потому не сочувствуют.

На основе радости с Хрусталёвым произошёл небольшой конфуз первого января, когда отмечавшие приход Нового года встают ближе к полудню, а некоторые и вовсе к вечеру. Кого вытащит из постели страшный голод похмелья, а кого и нестерпимая головная боль или неожиданные гости или ожидаемые, но в суматохе забытые.

В первом часу дня его разбудил настойчивый трезвон домофона и голос жены с кухни: "Андрей, поднимись, открой дверь, у меня руки заняты". Он поднялся, посмотрел на часы, до двух ещё было время, время ожидаемых гостей. На вопрос в трубку: "Кто?" Услышал писклявый голос племянницы: "Свои". Да, действительно — это свои, родная сестра Ирина с детьми, а свои, как известно, ходят без приглашений.

Впустив их в подъезд, он вошёл в ванну и начал приводить себя и свои чувства в порядок. Дальше больше, шумная толпа детворы вломилась в квартиру, и дом наполнился живой радостью и гомоном взрослых и детей. Детей то всего было двое, семилетний Антон и одиннадцатилетняя Ольга, но шума и гама, как на школьной перемене.

Они возвратились с новогоднего утренника, откуда конкретно, разобрать было сложно, так как рассказывали наперебой. Младший, что-то о ёлке, старшая о выигранном призе, настоящих коньках.

Чета Хрусталёвых достали свои, заготовленные подарки и оделили племянников, те выхватили красочные пакеты со сладостями и нарядные коробки и с визгом рванули в соседнюю комнату, чтобы без помех рассмотреть их содержимое.

Праздничное безумие воскресло и потекло дальше, сначала Андрея отправили за свежим хлебом, потом пришли прошлогодние гости, и мужчины слегка похмелились, прежде чем

вновь сесть за стол. Хрусталёв по-настоящему включился в общую канву разговора, когда уже столовые приборы издавали знакомые бряканья и постукиванья, а владеющие ими переговаривались всё громче и смелей.

Тут в комнату на коньках вошла Ольга и, обращаясь к матери, спросила: "Ну, как мам?" Все замолчали и посмотрели в её сторону. "Это вот эти вы выиграли в конкурсе? А коньки недешёвые", — спросил Хрусталёв у сестры. Та кивнула в ответ. "А что за конкурс?" — заинтересовалась уже его супруга. "Да стихи на утреннике про ёлку и Новый год нужно было прочесть, а Ольга прочла свои, собственного сочинения, всем понравилось, и Дед Мороз расщедрился и отдал первый приз нам", — пояснила Ирина. "А можно нам услышать? Оля, прочти", — дружно попросили за столом. Оля не ломаясь, начала декламировать:

— Зимний праздник.

С неба хлопья снега
Падая, летят,
А морозная пурга
Поднимает их назад.
На стекле узоры,
Просто красота.
Зимние просторы,
Праздник, суета.
Я на санках, на коньках,
И на лыжах смело
По сугробам прокачусь,
Как спортсмен, умело.
Дед Мороз, Снегурка,
Веселье, детвора,
И сверкает ёлка
С ночи до утра.

Все дружно зааплодировали. "А ещё?" Оля, не смущаясь, продолжила:

— Волшебный мел.

Красным мелом на двери
Нарисую корабли.
На асфальте белым мелом
Нарисую белый дом.
Синим мелом на заборе
Нарисую сине море.
Жёлтым — я на улице
Нарисую курицу!

Вот готов рисунок,
Только я в мелу:
Руки, нос, ботинок.
Ототру платочком и заново начну.

"А что, недурные стихи для одиннадцатилетней девочки", — сказал кто-то из гостей. Гордость и радость переполняли Хрусталёва за племянницу. И ему самому по-детски захотелось отличиться и со словами: "Что нам стоит дом построить, нарисуем, будем жить. Хотите фокус?" — и, не дожидаясь ответа, он попытался сконцентрироваться и свинтить пробку с бутылки водки без помощи рук. От напряжения у него произошло лёгкое помутнение сознания, и он, не удержав равновесия, начал заваливаться вперёд и право и ему, чтобы удержаться, пришлось вытащить из-под стола правую руку и использовать её в качестве дополнительной опоры. Но при этом он опрокинул фужер с шампанским, и лицо запылало огнём. Тёмное пятно перед глазами исчезло, но осталось ощущение, что кто-то предостерегает его от этого. Гости слегка посмеялись над ним, поставили фужер, сказали, что мило дурачится, и что больше ему не наливать. А он извинился словами: "Факир был пьян, и фокус не удался", хотя протрезвел в момент, а как такое произошло, мог лишь догадываться.

После такого застолья ему приснился странный сон, ну не то чтобы странный, необычный. Необычность заключалась в том, что снов он почти никогда не помнил, так осколки и фрагменты, и почти всегда в них не хватало чёткости и цвета. В этот раз всё было по-другому.

Будто бы летит он над водой, но не так, как раньше летал на вертолёте, и не так, как в детстве, когда дети растут во сне, а по-другому. Есть ощущение полёта, и есть возможность видеть себя со стороны, как в кино. Ему легко и приятно, вокруг светло и солнечно. Вода — это широкая река, очень чиста и прозрачна, а на дне камушки, ракушки, водоросли, но глубину и ширину определить нет возможности. Вот подлетает он к тёмному каменистому островку, и непонятно, каким образом оказывается внутри этого острова. Но нет страха или испуга, он продолжает парить, и двигается уже по какой-то большой трубе вверх. Вот она заканчивается, и он вырывается наружу, на свет. Снова та же река, много солнца, но теперь отчётливо определяется ширина, так, что видна береговая черта.

Он закладывает левый вираж со снижением к воде, облетает островок вокруг и приближается к берегу. Летит над ним, но уже не один, правой рукой прижимает к своему туловищу собаку светлой масти. Собака сидит смирно, уши наполовину опущены.

Он приземляется у железнодорожного полотна, где стоят грузовые вагоны красного, выгоревшего до слабо-коричневого, цвета. Ощущается, что загружены они чем-то необычным и интересным, но в этом месте сон прерывается, и он так и не узнал, что там внутри.

Проснувшись, он не стремился к толкованию сна, не возникали и ассоциации с настоящими или наступающими событиями его жизни, просто полежал немного и потосковал о былых реальных полётах, слегка пожалел себя, что летает теперь только таким образом. Припомнились слова напутствия однополчан при увольнении в запас: "Потянет летать — звони, утешим". Звонил накануне, поздравлял. У всех по-разному. Кто-то дед уже, кто-то развёлся, а кому-то уже и не дозвониться: "Абонент всегда недоступен".

"Романтику полёта ничем не заменить. Подсунули браслет и отделались. Дудки. Мы ещё полетаем. Как раньше — нет, а тогда это — суррогат".

"Я теперь не романтик-лётчик, а… — произнёс он вслух и задумался, подбирая более точное определение для своего сегодняшнего состояния, подошло странное слово, — адепт". "Ну, адепт так адепт, хрен с ним, пойду коньяка хватану или пиво. Нет, лучше рюмочку, чтоб просветление наступило". С такими мыслями и он поплёлся на кухню.

Когда четвёртого вечером он объявил Елене, что выходит на работу, она не стала возражать. "Вот и хорошо и я от кухни и от гостей отдохну, будет законная отговорка для всех", — ответила она ему. Попробовал установить связь с Марией. Удалось. Обмен был короток. "Жду в девять ноль-ноль. До встречи", — вот и весь сеанс.

Глава 10

Если рассматривать смысл жизни человека гипотетически, то в идеальном варианте он может статься неустанным и постоянным стремлением индивидуума к познанию непознанного, в таком случае, можно сказать, Хрусталёву повезло. Он нащупал, и как ему казалось во второй раз за свою жизнь, занятие не только по душе, но и в гармонии со смысловыми жизненными целями, ведь изучение "непонятого" звучит уже завораживающе. Тогда теоретически и условно его можно признать счастливым человеком, но, к сожалению, сам он этого не знает и не ощущает, да и невозможно обладать чувством полного, высшего удовлетворения, если находишься в состоянии постоянного поиска. Разве только вот предвкушение, которое намного ярче и приятней, чем само наступившее событие, посчитать за счастье, но оно всегда ограниченно сроком, а по большому счёту кратковременно, да и сознаётся уже потом, прошедши и в сравнении.

"Так вы что, будете обучать меня не только правильному мышлению, но праведной жизни, т. е. правильной в смысле по закону или оговорка к месту — праведной?" — первый же вопрос, после прослушивания краткой лекции Марии, оказался для Андрея краеугольным.

Учебный процесс начался по плану и уже продвинулся к своему второму пункту. Маша проявила себя неплохим преподавателем с хорошо продуманным и подготовленным методическим материалом. Андрей Викторович был послушным студентом, когда обыгрывались вопросы технического характера, но вот когда они начинали вторгаться в сферу его жизни, он считал нужным уточнять их глубину и сравнивать со своим жизненным опытом. В этом наметились сложности и трудности одновременно. Оказалось, непросто быть возрастным студентом, не только в психологическом плане, но и в плане ментальном. Врождённый и выправленный жизнью менталитет не хотел перековываться, вызывал у Андрея отрицательные и агрессивные эмоции, извлекал откуда-то различные способы и варианты к сопротивлению, вообще просто тормозил ход обучения. Андрею приходилось каждый раз собирать волю в кулак и напоминать самому себе, зачем ему всё это нужно.

— Наши законы слишком сложны и витиеваты по сравнению с библейскими заповедями, потому их трудно исполнять, и почти всегда они имеют скрытый двойной смысл и толкование. Если хотите — это двойной стандарт, — терпеливо и не замечая

раздражения собеседника, объяснялась Мария.

— Зачем жить по библейским законам, если это не библейское общество? — упорствовал Андрей.

— Нужно всегда стремиться к идеалу. Так проще. Хотя многим кажется, что проще тогда, когда они делают то, что выходит само собой с лёгкой поправкой на их желания. Сложности и проблемы возникают после таких поступков в будущем, и вот там они огромны и непреодолимы.

— Мне вот это уже смутно что-то напоминает. "Служи по уставу — завоюешь честь и славу", — Хрусталёв иронично процитировал армейский постулат.

— На военной службе я не была, но думаю, что служба по уставу была бы легче и проще. Ведь так? — неожиданно переключившись на военную тему, задала вопрос гадалка.

— Вообще-то в идеале так, — согласился с собой, а заодно как бы и с Марией, Андрей.

— Вот видите — в идеале, — повторила она за Хрусталёвым.

В возникшей паузе Андрею показалось, что он и Мария продолжали этот диалог, но уже каждый внутри себя, отрабатывая схемы и готовя аргументы для следующего этапа полемики. Как только данная мысль прошла, вытащился хвостик длинного квана, почему они не общаются телепатически, и тут же один из вариантов ответа: "Наверное, потребуется много энергетических затрат мозга, быстро устанем, и учёба пойдёт ещё медленней".

— У вас хорошее аналитическое мышление, — невольно подслушав его рассуждения, прервала паузу Мария, — мозг человека подобен жёсткому диску компьютера: перегружен диск, присутствует программный вирус — компьютер тормозит, низок коэффициент работоспособности; отсутствуют драйвера, сбита программа — не работает совсем.

— Получается, что учёным ещё при рождении людей необходимо определять, кому, сколько и какой информации можно закачать в мозг, чтобы потом мозг в течение всей жизни эффективно функционировал, — Хрусталёв с легкостью перескочил на новую тему, но было это сделано так мягко и ненавязчиво, что преподавателю ничего не оставалось, как следовать за ним.

— Возможно и такое в будущем, тогда общество станет гармоничней, а её члены счастливей, но в настоящий момент мы отвлекаемся, — строго оборвала она связь с футурологией и, слегка помедлив, словно вспоминая что-то, добавила, — пользуясь вашей терминологией "мне вот это смутно что-то напоминает" скажу: от ваших последних рассуждений, в стиле

евгенической направленности, сквозит прошлым веком.

Опять повисла пауза, во время которой Андрей, так ему показалось, перестал думать, надоело сопротивляться. Он сначала попытался осмыслить, что это за "евгеническая направленность", но так ничего и не вспомнил, а спросить постеснялся, начал попросту осматривать окружающую обстановку.

Занятия, вот уже третий раз подряд, проводились в большой комнате, где ещё с первого прошлогоднего посещения, когда Хрусталёв искал угнанную машину, ничего не изменилось. Всё так же посредине стоял круглый стол, два стула, на которых они сидели, были те же. На столе ноутбук и невысокая стопка из разношёрстных файлов, конвертов и бумаг. Рядом со стопкой прямоугольная пластмассовая коробочка, несомненно, пенал для ручек и карандашей, так как последних поблизости не наблюдалось. Абажур висел, кажется, чуть-чуть выше, чем в тот раз. Скатерть зелёного цвета, как на бильярдном столе, но из плюша и с пришитой по краям бахромой из непонятных висюлек, возможно, осталась от любимой бабушки или приобретена в комиссионке. Вот, кажется, и все отличия. Раздвинутые шторы не в счёт, потому отвлечься особо не на что было, разве лишь на зимний пейзаж за окном.

Сквозь тонкий узорчатый тюль и оконные стёкла просматривалась Волга. Высокие пирамидальные тополя закрывали ближний берег, а дальний маскировало снежное покрывало. О том, что он существует, напоминали тёмные лесной массив и строения, но всё равно береговую черту отсюда уже определить невозможно. Если бы не мост, главный атрибут любой реки, а здесь и знаковая достопримечательность, то зимний пейзаж за окном можно охарактеризовать, как огромный пустырь или большое непаханое поле. Чёрные точки рыбаков начинались там, где заканчивалась проекция верхушек тополей на заснеженный лёд, и продолжались почти до самой середины реки. Целыми днями любители зимней ловли отдыхали и трудились одновременно.

Хотя день сегодня не солнечный, но было необычайно светло, и тому поспособствовала сплошная, но тонкая облачность. В комнате потому и не включены электрические световые приборы. Шелкографические обои в дневном свете смотрелись по-иному. Оттого, что освещение падало с другой стороны, они казались ярче и привлекательней.

— Так, на чём мы остановились? — углубляясь взглядом в монитор ноутбука, переспросила преподавательница.

— На обоях, — пошутил студент.

— Заканчиваем, заканчиваем гимнастику и приступаем к работе, — резко перестроилась Мария и строго взглянула на него.

Напускная суровость оказалась совершенно не к месту, и имидж гадалки здесь не причём, дело в том, что в данном случае такой способ общения не действовал на отставного военного, видавшего варианты и жёстче. Пусть атрибуты присутствуют: волосы, собранные в хвостик, простенькая бежевая кофточка, чёрная юбка ниже колен, — пусть. Но пусть они не создают иллюзий для преподавателя, что, таким образом, возможно, обойти острые углы сложных вопросов. Гроза надвигалась и гром грянул.

— Мне кажется, что мы ходим вокруг и около, — решился Андрей расставить все точки над "и", — вы что-то недоговариваете, согласно вашей теории не врать, или просто не знаете, что говорить. Я ведь давно всё усвоил: навыки правильного мышления в дальнейшем приведут к возможностям по исполнению мыслеформ и блокировки мышления. Блокировка необходима для защиты от более сильного телепата или гипнотизёра, со способностями не только закрывать канал телепатии, но и канал мышления. Но, чтобы стать обладателем таких навыков, может потребоваться вся оставшаяся жизнь. Вопрос: для чего же нужен учебный план, если всё освоить в такой короткий период невозможно?

— План был задуман для того, чтобы ограничить необъятное, если охватить невозможно, — с облегчением ответила Маша.

— Так я ничему и не научусь? — с удивлением спросил Хрусталёв больше самого себя, чем визави.

— Теория с практическими примерами уже отложились в вашем подсознании. Навыки отточите в общениях со мной при выполнении служебных обязанностей и в быту. Надеюсь на вашу моральную устойчивость, не хулиганить и не применять во вред другим, — было заметно по быстроте реакции на вопрос, ответ подготовлен заранее.

— С этим разберёмся. Ведь как-то я прожил до сих пор, и, как мне кажется, не поколебал моральных и нравственных устоев общества, — Андрей не давал повода уйти от начатой темы.

— Понимаете, Андрей Викторович, когда вы попадёте туда, — Мария всё же решилась начать о главном, и было заметно, что ей непросто говорить, — то там будете совершенно нагой в ментальном плане, ваши мысли лишатся укрытия. Даже если ваши помыслы чисты и дружелюбны, это не значит, что вам оставят инициативу в построении диалога.

— А они разве не снимут с меня показания автоматически? — удивление вырвалось у Хрусталёва само собой.

— Они-то снимут, а как быть нам? — задумчиво говорила Мария, — Нам нужен диалог, нам нужны ответы на наши вопросы.

— Да, задача усложняется, и мне начинает казаться, что она становится неподъёмной для нас, — Андрей перешёл на лёгкую иронию и хотел произнести, но не произнёс, — "судя по всему, они не дураки".

— Дураков и у нас нет, есть люди, стоящие на разных ступенях эволюции или развития, если хотите, — дала она ответ невысказанному.

— Тогда в России есть и дороги, но их эволюция лет на сто отстаёт от людской, — радостно произнёс Хрусталёв, но осознав, что шутка неуместна и не принесла желаемой разрядки, добавил уже серьёзно, — нам нужно закончить игру в учителя и ученика и перейти к простому партнёрству.

— Возможно, вы и правы, — согласилась Маша, — будем развивать не только телепатическую связь, но и интуитивную.

— А разве в нашем случае это не одно и то же? — искренне удивился Хрусталёв.

— Похоже, нет, — рассуждая, ответили ему, — интуиция — это, возможно, знакомая энергия.

— Энергия чего? — не выдержал Андрей.

— Энергия побуждения к мышлению, — неуверенно вытащила из себя на свободу свои сканы Мария.

— Нет слов, весь внимания, — только и оставалось бросить Хрусталёву.

— Представьте себе, что мысль состоит из трёх компонентов: энергетической искры — ядра; энергетических вибраций — оболочки; и самой мысли — информации, наложенной на вибрации и ограничивающей их. Мне кажется, что я иногда вижу огненную пургу из искр вокруг, — она замолчала, её взгляд был направлен в сторону Хрусталёва, но выше уровня его глаз, за его спину.

Андрей слегка заёрзал на стуле, ему хотелось обернуться и посмотреть назад, пришлось обуздать желание. "Нет там ничего, а если и есть, всё равно не увижу. Я с браслетом не ахти ясновидец. Сам предполагал, что мысль материальна, а значит, кто-то должен видеть такую материю. Занятно, что мне не пришло это на ум раньше".

— Вот вам и пример интуиции, — встретившись с ним взглядом, поясняла Мария, — чутьё некоторых людей заставляет их оборачиваться, когда чей-то взгляд упирается им в спину. Ещё в народе говорят, что когда горят уши — это вас кто-то ругает. Реакция на негативную энергию.

— Причём здесь искры и энергия побуждения? — не понимая, к чему ведёт его гадалка и, потому раздражаясь, прямо спросил Хрусталёв.

— Предположим, что интуиция состоит из тех же двух компонентов, что и мысль, но без информации, и при мозговом сканировании остаются только чувства и эмоции, — задумавшись и слегка сузив глаза, она снова смотрела поверх головы Андрея. Помолчав немного, добавила, — возможен другой вариант, мысль принимается не мозговым сканером, а сердцем и подсознанием, тогда снимаются чувства и эмоция, а не информация.

— Тогда частота и плотность вибраций — это чувства, приятные и неприятные, дружелюбные и враждебные для сознания человека, — продолжил цепочку её рассуждений Хрусталёв.

— Даже если наши предположения верны на пятьдесят процентов, как нам воспользоваться свободными каналами, — спрашивала она.

— Извините, коллега, что прерываю вашу изыскательную деятельность, но мне кажется, всё это похоже на матрёшку изнутри. Начали с маленькой, скинули обложку, а там больше и так далее, только каждый раз оболочки становятся всё громадней и тяжелей, а силёнки уже на исходе, — начал язвить Андрей.

— Я чувствую, чтобы симпозиум не оказался на гране срыва, необходим перерыв, — серьёзно произнесла Мария.

— В перерыве между перекурами, они иногда работали — это мне тоже уже знакомо, проходили, — продолжал гнуть свою саркастическую линию Хрусталёв.

— Хорошо, давайте займёмся практикой, — неожиданно отреагировала Маша, и тем самым погасила депрессивный настрой Андрея, — на чём мы остановились прошлый раз?

— На моей неспособности поднимать и держать предметы в воздухе, — легко переключился на новую тему Хрусталёв.

— Вы говорили, что до нашей встречи что-то делали, и у вас получалось, необходимо вспомнить то состояние и попытаться повторить, — глядя прямо в глаза собеседнику, спросила она.

— Дело в том, что бумажный самолётик поднимался в воздух от руки, а вот поддерживался за счёт мысленных усилий, — признался Андрей Викторович.

Мария поднялась, и, сделав шаг влево, освободилась от стула. Теперь она возвышалась над столом и Хрусталёвым, слегка наклонившись вперёд и упёршись бёдрами в край стола, удерживала равновесие расставленными руками на его поверхности. "Всё понятно, — тихо сказала она, — возможно, я повторяюсь, но вы ещё раз внимательно выслушайте меня". При

этом она слегка раскачивалась, а расставленные пальцы обеих рук, большие и указательные, амортизировали в такт качания. В этот момент она напоминала школьную учительницу, пытающуюся объяснить новый материал классу.

"Браслет помощник. Сравнение: человек и компьютер. Правильно объяснить и поставить задачу — это гарантия достижения планируемого результата. В нашем случае поднять предмет. Одного старания и мысленного напряжения недостаточно, необходимо правильно указать действие. Создать антигравитацию, чтобы предмет стал лёгким и невесомым. Этого возможно добиться концентрацией энергии при медитации, для нас данный путь неприемлем. Он ещё тяжелее и тернистей. Я предлагаю вам свой опыт, основанный на подобии ощущений. Вот смотрите".

Она оттолкнулась от стола и слегка отодвинулась, встала прямо. Подняла левую руку на уровне плеча и держала её навесу, при этом из её уст следовал комментарий: "Подняв руку, мы прикладываем усилие на её удержание на весу. Исчезает усилие, рука на миг становится лёгкой и невесомой, но всё же падает. Мы прочувствовали её лёгкость в своём сознании — это и есть ощущение антигравитации. Вот эту лёгкость нужно передать предмету, объекту".

Хрусталёв смотрел на неё снизу вверх и думал: "Что за хренью мы тут занимаемся?"

"Андрей Викторович, возьмите себя в руки и попытайтесь повторить то, что я сейчас продемонстрировала", — неожиданно резко она вернула его к действительности.

Андрей сконфужено встал, с шумом отодвинув стул, если бы не ковролин, то был бы невероятный грохот. "Однако мы неуклюжи до неприличия", — успел он подумать мимоходом о себе. "Не отвлекайтесь", — быстрый свози, вернул его в прежнее русло. Подняв правую руку и поддержав её немного навису, резко опустил, так проделал несколько раз, потом сам себя спросил: "Что-то ощущаю, но не знаю точно это ли?"

"Вот вам лист бумаги, — она вытащила из стопки чистый листок и подвинула его к округлому краю стола, — попробуйте предать свои ощущения ему".

Он сделал движение в сторону стула, пытаясь сесть, но она остановила его: "Оставайтесь стоять, возможно, так будет немного привычней". Он послушался её и остался стоять. Направив взгляд на листок, Андрей начал щурить глаза, словно защищая зрачки от яркого света. Она следила за ним и подсказала: "Если хотите, прикройте веки совсем и мысленно работайте с предметом". Веки закрылись, и в тот же миг листок, задрожав, приподнялся над

скатертью. "Открывайте глаза", — тихонько сказала она. Хрусталёв открыл, листок дёрнулся, но продолжал висеть в воздухе. У него пересохло во рту и на губах, он облизал губы и отвлёкся. Листок спланировал и улетел под стол, но его это не огорчило. Бурный восторг пронёсся внутри и заставил учащённо биться сердце. Разум ликовал, и взрослый мужчина на долю секунды расслабился, изменившись в лице, приняв выражение невинности и радости ребёнка.

"Рада за вас, надеюсь, что навыки левитации отложились в памяти, — одобрительно прокомментировала гадалка и добавила, — повторите ещё раз". Она сняла со стопки светло-синий пластиковый конверт, с небольшим количеством бумаг внутри, и положила его на то же место стола, где до этого находился листок.

Конверт явно был тяжелее листка, но воодушевлённого первым успехом Хрусталёва это не смутило. Он уставился взглядом на конверт, опять сузились веки, но закрывать глаза в этот раз не стал. Через две-три секунды конверт завис на высоте двадцати сантиметров и зафиксировался в таком положении. "А поднять выше?" — обратился в мыслях к Марии Андрей. "Так же, как вы перемещали предметы по горизонтали", — последовал ответ. Объект сначала медленно поднимался вверх, достигнув высоты уровня глаз, он в таком же темпе опустился на исходную позицию. Две-три секунды паузы, и он начал энергичное перемещение вверх и вправо по диагонали от стола в сторону стены, при этом скорость полёта равномерно нарастала. Достигнув стены почти под потолком, он слегка притормозил, а затем, резко стартовав, ударился о стену и, падая на пол, просыпал своё содержимое. Листки бумаг, одиночные и скреплённые скобами по несколько штук, шурша и перевёртываясь, упали на пол рядом с конвертом.

"А вот хулиганить не обязательно", — послышался не совсем нравоучительный голос откуда-то из-под стола. Мария поднимала листок, который уронил Хрусталёв ещё в первой попытке психокинеза.

Андрей хотел подойти к месту падения тренировочных экспонатов, даже сделал уже шаг правой ногой в том направлении, но передумал. Он усилиями мысли начал собирать бумаги и засовывать их в пластик. Собрав всё вместе, тем самым придав предмету первоначальный вид, он переместил его на стол и опустил на самый верх стопки. Маша наблюдала за его действиями, сидя на корточках с листком в руке. Интуитивно он почувствовал, что им восторгались, но не показывали ни вида, ни хвалебных и удивлённых мыслей.

— Хорошо, будем считать, что урок не прошёл даром, потренируетесь дома, — скупо всё же похвалила его успехи Мария, поднимаясь с листком и кладя его в стопку, — а теперь дайте мне браслет, я продемонстрирую вам ещё некоторые неосвоенные вами вещи.

— Пожалуйста, — ответил Андрей и стал снимать браслет.

— Кстати, — продолжила гадалка в том же интригующем тоне, — браслет не обязательно снимать механически, ему достаточно приказывать мысленно, и он будет исполнять эту функцию беспрекословно.

— Будем иметь в виду, — передавая браслет гадалке, промурлыкал себе под нос Хрусталёв.

Взяв браслет, она привычным движением нацепила его на запястье правой руки. Было заметно, что это слегка взволновало её. Оно и понятно, ведь она никогда не просила Хрусталёва даже о возможности подержать браслет, хотя их знакомство длится уже третий месяц. Можно было предположить, что аналогичный предмет, находившийся последний раз много лет назад в пользовании, и теперь вызвал у неё противоречивые воспоминания.

"Он не совсем такой, — разговаривала она сама с собой, — но, возможно, что-то позабылось. Сейчас проверим". Гадалка сделала шаг назад, а затем зашла за спинку стула. Взгляд её был направлен на несчастную стопку. Стопка поднялась вверх и раздвинулась на свои отдельные составляющие, словно искусный крупье разложил колоду карт, но не по столу, а по воздуху и вместо карт прямоугольники формата А-4. Раскинутый ряд замер в своём недвижении. Мария вышла из-за стула и подошла к торцу висячей дорожки с левой стороны. Она вонзила пальцы правой руки в первый лист, затем рассекая ладонью предметы в ряду: полиэтиленовые файлы, со своими вложениями; пластиковые конверты с бумагами; просто отдельные листы, — провела сквозь их строй кисть, освободив её с противоположной стороны.

Зрелище было неописуемым. Хрусталёв не знал, верить своим глазам или не верить. "Это — фокус или реальность?" — несуразный по своей сути и постановки вопрос возник у него в голове. "Конечно, реальность, — ответили ему, — мы же не фокусы собрались изучать".

— Тогда объясните, как вы это делаете и что-то по теории такого явления, — спросил он уже вслух.

— Теоретически это объяснить сложно, происходит разрыв материи на молекулярном уровне, даже не разрыв, а ослабление электромагнитных сил взаимодействия между молекулами. Как делаю — я сама не знаю, пока не знаю. Дело в том, что это

возможно только с браслетом, а его у меня нет уже несколько лет, — ответила Мария, возвращая стопку на место аналогичным способом.

— Я читал про народных филиппинских лекарей, они пальцами рук проводят хирургические операции, и у больных не остаётся ни швов, ни разорванной плоти, предполагал, что это просто обман и шарлатанство, а теперь готов принять их всерьёз, — наконец-то и Хрусталёв выдал осмысленную тираду, и было заметно, что его ещё переполняют какие-то мысли.

— О хилерах я тоже читала, — нехотя поддержала вновь открывшуюся тему для обсуждения гадалка, обеспокоенно вглядываясь в лицо отставного военного.

— Точно, их так называют, — возбуждённо подтвердил Андрей и более спокойно добавил, — такие фокусы можно демонстрировать, что народ визжать будет, заработки наверняка почище, чем от гаданья.

— Вот этого я и опасалась, когда показывала вам. Мне достаточно истории с Витей, чем больше непонятного и публичного, тем сложнее жить, не говоря о продвижении своих личных планов, — с интонацией человека, умудрённого жизненным опытом, изложила она свои опасения.

— Ну, на счёт фокусов — это, конечно, перебор, — поубавил свой залихватский пыл Хрусталёв, — но что мешает нам добывать денежные средства иными способами, ведь при таких возможностях…

— А как вы думаете? — не отвечая на его вопрос, задавала встречные Мария, — Совесть? Воспитание, выраженное в "правильном" менталитете? Страх?

— Страх?! — удивлённо переспросил Андрей, — перед кем? или чем?

— Я думаю, что не для улучшения материального положения нас наделяли браслетами. Весь вопрос — для чего? — не обращая внимания на Хрусталёва, рассуждала Маша.

Она сняла браслет, положила его на стол. Усевшись на своё место, сначала поставила перед собой обе руки, затем опустила левую, а правой стала поддерживать подбородок. В задумчивой позе скептика пристально рассматривала своего оппонента, словно пытаясь увидеть то, что ещё не разглядела раньше.

Андрей, пододвинув стул, сел напротив и, положив руки на колени, чтобы не мешались, спокойно и без боязни поднял глаза.

"А, что, собственно, вас не устраивает в работе с банками?" — спросила Мария, не меняя положения руки в момент произнесения фразы, что привело к лёгкому подёргиванию головы и более сильному волнению хвостика волос сзади.

Но ответа или пояснений ей услышать не пришлось. Взглянув на монитор, она, проделав манипуляции с клавиатурой, встала со словами: "Прошу прощения, я ненадолго покину вас. Сделаем небольшой перерыв".

Гадалка вышла из комнаты, Андрей остался сидеть один. "Интересно, для чего её вызвала Инна?" — рассуждал он. "Может прочесть послание в компьютере", — продолжал скучать он и, чтобы развлечься, привстал, и уже было собрался развернуть ноутбук к себе, но передумал и взял со стола браслет. Опустившись обратно на сидение, он левой рукой надвинул браслет на запястье правой. "Вот сейчас тебя-то мы и развернём", — мысленно разговаривал Хрусталёв с компьютером. "А зачем крутить? Мы так посмотрим", — и, закрыв глаза, он откинулся на спинку стула. Переместившись на сторону, где сидела Мария, он заглянул в ноутбук. Экран жидкокристаллического монитора мерцал голубым светом. Посередине квадратное окошко с рисунком цветка подсолнуха, внизу текст "Toshiba заблокировано" и ниже прямо под ним второй — "Пользователь Антонова М.А.". "Ясненько, человек стоит на высокой ступени развития. Да не очень и хотелось, ведь неприлично. Лучше проверим, чем они там занимаются".

Его взор переместился за стену комнаты и оказался на кухне, где за столом сидели Мария и полная женщина бальзаковского возраста. Она что-то рассказывала о своём сыне и невестке. Хрусталёва это не заинтересовало, и он вернулся в коридор. Из другой комнаты вышла Инна и, сделав несколько шагов, включила свет в туалете. Открыв дверь, она зашла внутрь и закрылась. Взгляд переместился туда в момент снятия девушкой белых трусиков. "Оп-с…" — пронеслось в голове Андрея при виде тёмного трёугольника в паху и усаживания его на унитаз. Он стыдливо метнулся в коридор обратно и очутился у входной двери. Решительно шагнул в подъезд. Там никого не было и, прекратив дальнейшее бесцельное блуждание по дому, открыл глаза.

"Интересно, а делать прозрачными предметы — это видеть всех голыми? Занимательное кино. Штора! Как это произошло? Мы об этом ещё даже не говорили. Возможно, меня уже видели…" Он почувствовал, как запылали щёки, и кончики ушей, ему стало стыдно. "Ага, неприятно, а сам-то шастаешь по сортирам за молоденькими девицами — это как?"

"Так сейчас, сейчас, сейчас…" — он лихорадочно стал оглядываться вокруг, словно сыщик, пытающийся определить, где в этой комнате находится тайник. Обзор затормозился на столе. Он нагнулся и заглянул под него, там ничего не было.

Размышлять в таком положении было неудобно, и вдобавок он почувствовал движение в правом внутреннем кармане пиджака.

"Хорошо. Вот сам и напросился, — реактивный сквози пришёлся Хрусталёву по душе". Он, указательным и средним пальцами левой руки, помог бумажнику вырваться на свободу, положив затем его на пол ближе к стулу напротив. Вынырнув из-под стола, ощутив при этом лёгкость во внутреннем кармане пиджака, он вновь наклонился и попытался обнаружить бумажник. Удовлетворённый тем, что с данной точки это невозможно, выпрямился, слегка поёрзал, придвигаясь к спинке стула, крякнул и замер, как истукан.

Концентрируясь, он смотрел сквозь стол, вот он увидел бумажник совсем близко, попытался отдалиться, но не получилось. Ослабив напряжение, Андрей стал проверять боковое зрение, и вдруг произошло то, чего он добивался: поверхность стола стала прозрачной, за ней просматривался серый ковролин и его чёрный бумажник, а над ними висели компьютер, стопка бумаг и пенал.

"Удалось!" — произнёс восторженно, его переполняли чувства и, не зная, как с ними справиться, он откинулся на спинку стула, завёл руки за голову и потянулся. Постарался зафиксировать блаженство и сравнить с чем-то, но с чем не знал, и всё же оно было знакомо, словно он сделал что-то важное, как в школьные годы, выполняя домашнее задание, решил сложный математический пример и получил удовлетворение. "Интересно, откуда такое всплывает, мне уже за сорок, где школьник, а где я?" И он успокоился, почувствовав внутри пустоту и облегчённость, как будто огромный поток эндорфинов омыл его нервные клетки и загасил боль радости.

В таком положении его и застала Мария. Она прошла почти бесшумно мимо него к своему месту и, прежде чем сесть, остановилась, смотря ему прямо в лицо и пытаясь понять, что же здесь произошло во время её отсутствия.

Андрей расцепил руки и опустил их на сиденье стула, опёршись ладонями, он перегруппировался, слегка качнувшись назад и вернув голову в вертикальное положение. Что-то похожее на слабую концентрацию пришло само собой, и он увидел неестественно стоявшие горизонтально голые груди Марии. Соски были вдавлены в коричневые огромные круги, а нижняя часть плоти деформировалась и имела следы примятости. Сверху, на одну треть каждой груди имелись лёгкие вдавления. "Наверное, от косточек бюстгальтера, хотя нужно у жены спросить, где вообще эти косточки располагаются". В этот момент его раздевающий взгляд скользнул ниже.

Мария быстро развернулась к нему спиной, и он увидел лишь выступающие ягодицы с вмятинами от резинок. "Прекратите это бесстыдство, — зло сказала она ему, догадавшись, в чём дело по его сальному скану, — снимите немедленно браслет с руки". Он дёрнулся как ребёнок, застигнутый за постыдным делом, вмиг перехватил левой рукой браслет, успев, однако отметить, как проявились у Марии черные бюстгальтер на спине и трусики ниже талии, а затем видение исчезло и лишь на бежевой кофте и тёмной юбке оставались его незримые следы.

"Простите, Мария Анатольевна, я не хотел, само как-то произошло, — виновато извинялся Хрусталёв, — поворачивайтесь, браслет на столе". Он положил его на стол перед собой.

Мария повернулась, убрала руки с груди и, пригладив ладонями юбку на бёдрах, села. Лицо, в красных пунцовых пятнах, выражала одновременно негодование и растерянность. Положив руки на стол, продолжала молчать, сама не понимая, что ей делать в такой ситуации. Поправив правой рукой хвостик, она продвинула под стол ноги и в ту же секунду вернула их обратно. Наклонившись вправо, она обнаружила там бумажник, и, не меняя положения тела, скосила взгляд в сторону Хрусталёва, ожидая очередного подвоха с его стороны.

"Просто бумажник и ничего более, — успокаивал он её и пояснил, — забыл убрать". Он нагнулся и заглянул под стол. "Толкните его ко мне, пожалуйста", — попросил он, вытянув вперёд руку.

У Марии появилось сильное желание пнуть этот предмет куда подальше, но вместо этого, она подняла его наверх, раскрыла, демонстративно оглядела содержимое и, не обнаружив ничего запрещённого, закрыв, положила в центр стола.

Хрусталёв выпрямился, забрал бумажник и со словами: "Благодарю", спрятал его во внутренний карман пиджака.

— Я упустила такой момент в своём планировании и теперь просто в растерянности, как и куда это всё поместить, — используя эвфемизмы, она пыталась исправить сложившееся положение.

— Я и сам ничего такого не предполагал, — поддержал её ход рассуждений Андрей, и, имея желание не молчать, продолжал, — у меня был случай со шторой, который я собирался обсудить с вами, но вот как-то не складывалось.

— Зато теперь всё великолепно сложилось, — нервно и язвительно прокомментировала она, и добавила, — ну и как я в райском неглиже?

— Ну, зачем так, в стиле ню вы великолепны, только… — и

он запнулся.

— "Только" что? — спросила она быстро, и почувствовала, как щёки опять начали наполняться огнём, но она не остановилась, — вы уж договаривайте всё до конца, коль начали.

— Да нет, не подумайте ничего плохого, — заторопился Хрусталёв, — просто необычно наблюдать, как нижнее бельё деформирует формы тела.

— О господи! Мне теперь необходимо и нижнее бельё пересмотреть, какой ужас, — и она натянуто улыбнувшись, закрыла ладонями лицо.

— Зря вы так переживаете, вы же иногда проходите медосмотры, и не всегда же врачи женщины, — Андрей выдумывал оправдания произошедшему казусу прямо по ходу разговора, тем самым стараясь успокоить её.

— Замолчите немедленно, — резковато остановила она его, а затем иронично произнесла, — тоже мне, маммолог нашёлся.

И, не давая ему опомниться, она продолжила: "Да вы представляете, какие чувства испытывает женщина при посещении таких врачей? Расспросите свою жену, пусть она вас просветит на этот счёт, мне, знаете как-то не с руки, обсуждать с вами такие вопросы".

"Зачем мне это?" — подумал он. И в тот же момент, помимо своей воли он вдруг вспомнил больницу, и процедуру установки ему катетера молодой медсестрой. Он не пытался обнаружить аналогичность в ассоциации, не помнил боль, но почувствовал себя действительно неудобно, и даже немного мерзко.

— Конечно, не то, но также гадко, — вызывающе сопроводили его размышления комментариями вслух.

— Но это не было мыслями, — удивился Хрусталёв, — это… — пытался подобрать он слово, и, наконец, нашёл такое, — эманации.

— Эманации! — передразнили его, потом добавили более миролюбиво, — это ваша память, образы воспоминаний. Прежде чем создать или произвести мысль, мозг обращается к базе данных.

— Не мозг, а прямо машина какая-то, — он подстраивался к новой волне общения.

— Не ёрничайте и не подлизывайтесь, — помогла она ему прекратить никчемное лепетание, — в создавшейся обстановке я считаю, что обучение следует прекратить и заменить его на инструктажи по отдельным эпизодам.

— Как скажете, Мария Анатольевна, — всё ещё извиняющимся голоском продолжал Хрусталёв, но уже проклёвывались маленькие, ели заметные интонации

недовольства, — только бы контрактные обязательства не нарушались.

— В контрактных обязательствах нигде не указано, что я должна демонстрировать стриптиз, — уже более спокойно излагала свою позицию Маша, — необходимо обсудить деликатные стороны сотрудничества, пока не возникли иные, более непристойные.

— Это какие же? извольте полюбопытствовать, — уже флиртуя, спросил Андрей.

— У вас, мужчин, одно на уме, — прямо смотря ему в глаза, говорила она, — вам вдруг захочется потрогать или погладить.

— Лапать? Вы это имели в виду? — уточнил он, — но разве возможно, чтобы виртуальное превращалось в реальное… так это так, да?

— Вот именно, дошло и до вас, наконец-то, — живо продолжала она, — конечно, это не реальное и не виртуальное, а другое.

— Поясняйте, поясняйте, я весь внимания.

— А что тут пояснять, тот, кто будет мысленно кого-то трогать, ощущений осязания не получит, а вот кого это будет касаться — почувствует.

— Усвоил, хотя до этого я бы сам не додумался. А вот ясновидение и прозрачность предметов, я не называю второе явление рентгеновским зрением, так как считаю его иным, мне не понятно их различие между собой, — Хрусталёв всё дальше и дальше уводил разговор в сторону делового общения.

— Да вы правы, рентгеновское зрение — это рентгеновское зрение. Различия между ясновидением и прозрачностью просты, держи боковое зрение, концентрируйся на нужном удалении или на объекте, и всё, что между этим предметом и вами, будет прозрачным. Дальность ограничивается только возможностью вашего физического зрения, и без браслета на руке не исполняется, — объясняла она уже спокойным и ровным тоном.

— Ну, а по поводу нравственной стороны, я даю слово, что такое больше в отношении вас не повторится, — стараясь быть более убедительным, он смотрел ей прямо в глаза.

— Хорошо, забудем. Теперь вернёмся к вопросу о работе с банками, так что же вас не устраивает? — она выдержала его взгляд и, проявляя твёрдость, заставила смутиться и опустить глаза.

— Всё устраивает, бос, когда приступаем к отмыванию денежных средств?

— Возможно, завтра. Мы сделаем пробный сеанс с обычным клиентом для согласования деталей и общей тренировки. А на

сегодня вы можете быть свободны.

— Тогда до свидания, — с облегчением произнёс Андрей и поспешно встал со стула. Он взял со стола браслет, положил его в боковой карман пиджака и, чуть помедлив, направился к выходу из комнаты.

— До завтра, — ответила ему Мария и начала просматривать свой электронный органайзер. Она была рада, что занятие закончилось чуть раньше, есть возможность заняться планированием или просто побыть наедине с собой. Последнее время это случалось не так уж и часто, да и не стремилась она к этому сама, но после такого драйва захотелось.

Часть вторая

Не то что входит в уста, оскверняет человека;

но то, что выходит уз уст, оскверняет человека.

Евангелие от Матфея, 15:11.

Глава 11

Февральская позёмка мела мусор вместо снега, забрасывая встречным прохожим в лицо песок и земляную пыль. Больной без головного убора в тёмно-коричневом байковом халате, но с зелёными манжетами и воротником, в коротких штанишках, такого же покроя, из которых выглядывали синие от холода голени и в тапочках на босу ногу, замаскированных под уличную обувь светло-синими полиэтиленовыми бахилами, никак не мог определиться с выбором для чтения у газетного киоска. А настырный ветер всё взбивал и лохматил волосы, рвал полы халата, стараясь забраться под них.

Уже образовалась очередь из трёх человек, одетых по сезону, а любитель чтения в халате, не обращая внимания на злой ветер и их ворчание, просматривал журнальные развалы, попутно задавая вопросы киоскёрше. Наконец, получив в окошке толстую газету, без цветной рекламной передовицы, наверное, ту, которую ещё не читал, он, расплатившись, эквилибристическими движениями, но достаточно быстро, двинулся к больничному КПП. Неожиданно для него правая нога высвободилась из обуви, подвернулась, и он чуть не упал. Нагнувшись, он начал поправлять тапок в бахиле и выронил газету на асфальт.

"Ну, прямо Пасько в молодые годы", — подумалось Хрусталёву, наблюдая из тёплого салона автомобиля за мытарством человека в бахилах. Пасько — это капитан Пасько, его сослуживец по Дальнему Востоку.

Холостяк Пасько пришёл в двадцатиградусный мороз на строевой смотр части в летних армейских полуботинках коричневого цвета. На утреннем предварительном построении перед смотром командир звена, проверяя внешний вид подчинённых, обнаружил у него несоответствие обуви сезону, то ли на смех, то ли в наказание попросил поднять брюки и продемонстрировать носки, которые должны соответствовать зелёной цветовой гамме. Каково было удивление его и окружающих в строю, когда обнаружилось, что носок вообще нет, и только в районе щиколоток торчали кусочки газеты.

"Пасько! Что это?" — изумлённый проверяющий преднамеренно проигнорировал субординацию. "Так это, ноги потеют, командир, носки не успеваю стирать", — брякнул в оправдание Пасько. Грохот хохота стоящих в строю привлёк внимание лётчиков соседнего звена, те с любопытством выворачивали шеи, пытаясь оторвать и для себя лоскуты веселья.

"Когда это было, — вспоминал Андрей, — а теперь я, бывший

военный лётчик, на службе у гадалки. Да, пути господни неисповедимы". В этот момент ассоциативный больной справился со своими проблемами и, подбежав к полосатому шлагбауму, встретился там с клиентом Хрусталёва, выходившим из двора больницы на улицу.

Вот уже второй час Андрей передвигался за ним в ожидании, что тот наконец-то соизволит прочесть тестовый вопросник. "Нужно условия поменять, пусть отвечают на вопросы прямо в кабинете, чтобы вот так не мотаться по всему городу за ними".

Клиент — индивидуальный предприниматель Мошкаренов, претендующий на кругленькую сумму кредита в банке, чьи интересы в настоящий момент Хрусталёв и пытался защитить.

Прокачка потенциального заёмщика возникла у службы безопасности неслучайно. Бизнес, которым занимался Егор Мошкаренов, ковылял не шибко и не валко, но ведь и кредиты берут, чтобы расширить дело или выправить положение в лучшую сторону. Всё бы ничего, но у бывших сыскарей в СБ возникли подозрения, что, таким образом, клиент хочет просто продать свой бизнес банку, хотя и явных фактов, подтверждающих их домыслы, обнаружить не удалось.

Если реально подойти к этому вопросу, то они в чём-то правы, помещение, оборудование стоят таких денег, но пойди, найди заинтересованного покупателя. С другой стороны, Мошкаренов такими действиями может подпортить себе кредитную историю на всю оставшуюся жизнь, хотя одному богу известно, кому и сколько осталось.

Собственно, и наш народ-то не привык ещё строить длительные рыночные перспективы, регулярные кидки государством в конце восьмидесятых и в девяностых годах своих граждан воспитали в их сознании постоянную настороженность и ответную агрессию такого же плана.

Мошкаренов забрался в джип и запустил двигатель, но отъезжать от больничной оградки не собирался, а в ожидании кого-то достал с заднего сиденья пластиковый конверт с банковскими документами. "Так, это уже лучше", — промурлыкал Андрей и начал подстраиваться, отыскивая нужные сканы.

"Что-то много бумажек насовали, — размышлял Мошкаренов, перебирая анкеты, экземпляры договоров, всевозможные приложения и прочую муру в таких случаях, — что-то говорили про "заполнить в первую очередь", так реквизиты потом, а вот тестовая анкета. Чего тут от меня хотят? Почему выбрали наш банк? А вы как думаете? Надёжность, условия по кредиту, доступность или другое. Всё вместе, значит, получается другое".

Хрусталёва не интересовали эти нудные размышления, он

ждал, когда клиент подойдёт к пункту номер шесть. И вот, наконец, момент истины. "Собираетесь ли возвращать кредит? Ха — это, что прикол такой, да кто же вам напишет, что нет, где таких дураков отыскать. Собираюсь: согласно графику погашений, по мере возможности, в любом случае. А "нет" и нет здесь, вот те раз, а мы и не собирались отдавать. Ну, у них и клоуны психологи, повеселили. Придётся выбирать то, что их порадует: "Собираюсь, согласно графику погашений".

"Сам ты клоун, — прокомментировал Андрей размышления Мошкаренова, — получишь теперь кредит, жди у моря погоды, отказать не откажут, но будут мурыжить до морковной заговони, пока сам не откажешься".

Удовлетворённый Хрусталёв не стал дожидаться конца анкеты и снял браслет. Включив передачу и, помедлив несколько секунд, тронулся с места, определившись, что поедет на доклад к Марии. Комиссионные от банка будут меньше, чем при выданном кредите, но в перспективе возможны приличные премиальные, если их наработанная база клиентов будет осуществлять регулярные платежи.

Конечно, Андрей вредничал, можно было позвонить или обменяться информацией телепатически, а он выбрал очное общение. На то были причины, так как на последнем "семинарском" занятии у него проявилась неопределённость, связанная с интуитивным обменом. Он не понимал, как у них совершенно разных людей, не связанных родственными узами, может возникать тонкое понимание друг друга, так сказать чутьё.

А у него созрел альтернативный вариант применения телепатии и желание обсудить его немедленно. Возможно, в данный момент гадалка будет занята своим непосредственным делом, но ничего подождём, а по-другому придётся согласовывать или ждать следующего дня занятий.

Как заноза в пальце, в его голове сидел вопрос Марии о том, для чего именно их наделили браслетами. Время от времени он всплывал в его сознании откуда-то из глубины и заставлял размышлять на эту тему вновь и вновь.

"Что нас объединяет? Мы романтики и оптимисты, мы находим силы и мотивы, чтобы верить, когда верить уже нельзя, нет смысла. Ну, почему именно нам надели браслеты?"

"Тук-тук", — звучно отстучало сердце, прервав его размышления, и он услышал его. "Странно это, чего вдруг оно слышным стало?"

Словно морская волна подхватила камень и, стараясь выбросить его на берег, разбилась о препятствие сама и ударила с силой им, так и холодное сердце, выталкиваемое горячим

потоком, не хотело быть растопленным, делало попытки вырваться наружу.

Не сознавая себя, на автопилоте, нажав кнопку аварийной сигнализации, прижался к обочине и выключил зажигание. Он слушал самого себя. Мысль исходила изнутри, она словно поднималась от сердца.

"Она верит в любовь. Но, что питает её силу, любовь или романтизм, захваченный из детства, или это было заложено в генах ещё раньше".

Тепло растекалось по груди и заставляло, с одной стороны, обратить на себя внимание, а с другой, забыться. "Тук, тук-тук", — бухало сердце, и оно было реально ощутимым. Поток иного сознания всплывал и заполнял её голову новыми мыслями. Это не было ничьими сканами и даже не её, это — другое.

"Он романтик, до сих пор верующий в чудеса. Верит и в справедливость, что она есть, не здесь, так в другом месте, но верит. Откуда вера, оптимизм и наивность. Детство или наследственность?

Так, что же даёт возможность исправить ошибки, выправить линию судьбы, романтизм или страх?

Они ищут романтиков и оптимистов, а не тех, кто боится, т. е. бесстрашных романтиков".

Не выключенная аварийная сигнализация щёлкала и мигала. Он продолжал слушать самого себя.

"Уныние — грех. Прописная истина и заповедь. А если не уныние, а апатия. Жизнь, в которой, с материальной точки зрения, всё решено, и решать уже почти нечего, что тогда? Исчезает вера? Не во что верить и всё начинает рушиться. Двойной стандарт — это искривление пространства? Или искривлённое пространство, или искривлённое сознание?"

"Они хотят объединить Марию и Андрея, но не получается, нет любви.

Энергетическая субстанция, искра, душа имеет связь с Космосом. Преодоление тёмной и иной энергии вокруг требует энергетических затрат. При этом образуется свечение, аура, чем чище аура, тем меньше расхода на преодоление негатива, тем устойчивей связь и качественней подзарядка. Что нарушает связь? Тёмная энергия, плохие мысли, уныние! Уныние стоит в особой череде грехов, а порой самый большой грех. Почему? Наверное, психическое состояние при унынии прерывает или ограничивает связь с Абсолютом, причём неосознанно. Человек верит, но

исполнить свою веру, довести до Абсолюта из-за уныния не может".

"Марья Анатольевна, клиентка спрашивает, можете ли вы её принять сегодня?" — удивлённо и с опаской спрашивала Инна, наблюдая за неподвижным лицом и не моргающим взглядом, направленным в никуда, гадалки.

Холодок пробежал внутри и, подобрав теплоту, растворился.

"Что это было?" — опомнившись, спросила вслух Мария.

"Я не понимаю, вас, вы о чём?" — вопросом на вопрос ответила Инна.

"Да это я так, задумалась", — оправдалась она.

"Что со мной?" — удивлённо спросил Хрусталёв самого себя, выключая аварийку.

"Скажите, что сегодня принять нет возможности, и назначьте время сами" — уже по делу ответила она Инне.

"Но, у вас же сейчас полуторачасовое окно", — упорствовала секретарь.

"Хрусталёв не звонит и не сообщает, значит сейчас подъедет", — ответила Мария Анатольевна.

Включив зажигание и наблюдая, как стрелки приборов, сделав полный оборот на максимум, вернулись к нулю, Андрей запустил двигатель.

"А ведь не звонит и телепатически не связывается, значит, ждёт, что приеду и доложу вербально, — размышлял он, двигаясь уже в транспортном потоке, — что за наваждение, полуобморок, полусознание, сердце дало сбой, а ударило в голову. Странно. Врачу рассказать и то нечего".

"Я ожидала, что вы приедете", — такими словами Мария встретила Хрусталёва, стоя в прихожей и наблюдая за тем, как он снимает верхнюю одежду и прячет её в шкаф.

"Я знал, — спокойно ответил он, — куда?"

"Проходите на кухню", — прекратив пикироваться, на правах хозяйки пригласила она.

"Чаю? — предложила она, пропуская его дальше вглубь кухни, сама оставаясь на входе, — или кофе?"

"Потом, — ответил он, бросив на стол полиэтиленовый файл с листком бумаги внутри, — это отчёт о проделанной работе".

"Я слушаю", — произнесла она и, отодвинув стул, села за стол.

"Нет у него планов по возврату", — он постучал указательным

и безымянным пальцами правой руки по пакету и тоже сел за стол напротив.

"Я не об этом", — произнося фразу, она пристально посмотрела ему в глаза, но читать мысли не собиралась. Она ждала.

"Тогда кофе, — оттягивая начало разговора о другом, добавил он — если можно, то с коньяком".

Фраза о коньяке её застала в момент открытия дверок навесного шкафа, чтобы достать чашки, и она слегка замедлилась. "Инна", — позвала Марья Анатольевна, выставляя чашки на стол.

На входе в кухню показалась Инна.

"Организуй нам, пожалуйста, кофе с коньяком", — попросила она её и, потрогав рукой электрический чайник, опустила красный рычажок вниз.

"Марья Анатольевна, — переспросила племянница, — дагестанский или армянский?"

"Тот, который открыт", — не рекламируя производителя, ответила она.

"Марья! Странно звучит. А действительно Маша, Мария, Марья", — зациклился на имени Хрусталёв.

Вернулась Инна со шкаликом коньяка. Она насыпала в чашки по ложке чёрного растворимого кофе, разложила по два кусочка сахара, и стала ждать, когда закипит чайник. Чайник проник в ситуацию и, выпустив из белого носика пар, щёлкнул автоматикой, отключился от сети. Инна, сняв его с подставки, разлила кипяток и вернула на место. Отвинтив пробку, налила в неё мерку коньяка, вылила её в чашку Хрусталёва, затем проделала аналогичную процедуру и с чашкой хозяйки. Закрыв бутылочку, она оставила её на столе и достала чайные ложки, положив их у каждой чашки. Затем, взглянув на Марию, вышла без слов.

"Я не знала, что вы кофеман, — слегка оправдывалась Мария, — не могу предложить ни "Суматру" и ни "Йемен", только растворимый по студенческому рецепту".

"Старая крепость", — прошамкал Андрей, помешивая ложечкой в чашке и всматриваясь в этикетку.

"Не переживайте, настоящий, клиенты с Дагестана угостили", — пояснила Мария и вдохнула запах, стараясь уловить аромат.

Хрусталёв наклонился, делая вид, что принюхивается, хотя думал совершенно не о том: "Может просто рюмочку? Полезно для сосудов и сердца. Нет нельзя, за рулём".

"Пробуйте, — предложили ему, — слишком долго мешаете,

так и выхоластите весь эффект".

"Да уж, действительно, что-то я рассеян", — поймал свой же скан, Андрей отхлебнул по-домашнему кофе, не стесняясь, что звук причмокивания может раздражать присутствующих. Горячий напиток приятно провалился внутрь и вызвал лёгкое наслаждение. Хрусталёв расслабился, как пред прыжком с парашютом, и, сделав выдох, наконец, произнёс:

— Я, возможно, не понимаю, что такое интуитивный обмен, но у меня есть другой план. План телепатического взаимодействия. Я слышал где-то, вот только вспомнить где и когда не удаётся, что существует закон аналогии. Закон трактует подобие вещей и понятий как в большом, так и в малом. Одно аналогично другому, необходимо только правильно настроить ассоциативную цепочку. Мне вспомнилась авиация, пара ведущий — ведомый. Это — одно целое, хотя и пара. Ведомый следует за ведущим, повторяет его манёвр. Их радиообмен лаконичен и осуществляется только ведущим.

Наступила пауза. Мария короткими движениями поднимала и опускала чашку, мелкими глотками отпивая кофе. Она думала.

— В этом что-то есть, но главная суть ускользает, и вы её не донесли или тоже не постигли, — произнесла она и поставила чашку на стол.

— Наверное, вы правы, но я рад, что вас заинтересовало, и я надеюсь, что совместно мы выковыряем изюминку на поверхность, — облегчённо, потому и несколько пафосно, высказался он.

— Вы ассоциации с аллегориями не перепутали, — опустила его на землю гадалка. Выражение про ковыряние изюминки ей явно не понравилось.

— Не судите строго — это от переизбытка чувств, — он простецки вывел себя из неудобного положения.

— Один наблюдает и думает, как акын, что видит, то поёт, другой снимает информацию, а если петь придётся под чужую дудку или, вообще, запретят, — она размышляла вслух, тем самым дав понять, что процесс мозговой атаки открыт.

— Что будет там, одному богу известно, а вот здесь я престану повторяться при телепатии, что уже само по себе неплохо, — не сдавался он, — да и как можно запретить мыслить, даже во сне человек прокручивает образы.

— Это уже не сознание, а подсознание, реальной объективной картины-то нет. Так вы из-за этого и приехали?

— Лично мне сложно объясняться на такую тему виртуально, потому и приехал.

— Энергия мысли имеет силу и информационное

содержание. Мысль, подготовленная к произнесению речи, — это уже язык общения, остаётся только озвучить его. Есть вероятность перехвата мысли на этапе до перевода её в язык общения. Пример: Ванга, она не знала языков, но мысли людей различных языковых культур читала и понимала их просьбы. Значит, этот процесс происходит на границе сознания и подсознания, но управление исходит от сознания. Отключи сознание и процесс становится хаотичным.

— По поводу Ванги не соглашусь, у неё по описанию очевидцев качественно проводилась подготовительная работа с жаждущими, как у некоторых. Меня интересует другое, а как это происходит при медитации? Они, что, впадая в транс, отключают сознание или происходит перестроение, уже сознание становится ведомым?

— А вот это снова занимательная идея. Как вы сказали "перестроение"? Перестраиваться, что мы будем от этого иметь? Пока непонятно. Возможно, здесь и зарождается двойной стандарт, двойное сознание, — создалось впечатление, что Мария искусственно поддержала интерес к последним рассуждениям Андрея, пропустив при этом колкое замечание про предсказательницу.

— Удивительно, с каких это пор выражение "двойной стандарт" стало объектом обсуждения в наших разговорах?

— А что удивляет?

— Ну, просто я размышлял об этом, и вот теперь о том же услышал от вас.

— Последнее время выражение постоянно присутствует в средствах массовой информации, так что мы слегка зомбированы данной темой. Кстати, а в каком контексте размышляли и связанно ли это со мной.

— Да знаете в разных, — смутился Хрусталёв и понял, что его слегка подловили, решил рубить правду-матку, — и так же о вашей теории правильного мышления.

— Вот, вот интересно, а здесь где двойное дно обнаружили? — живо вступила на новую стезю разговора.

— "Половина правды!?" Вы призываете не говорить ложь, а молчать. А это что такое?

— Молчание — это не есть правда или ложь, это — ожидание. Возможно, оно длительно, но за ним следуют разочарование или удовлетворение, или, то и другое вместе. Ожидание — это напряжение, которое всё равно нужно снимать, если оно само не иссякнет. Но это — не полуправда, это — пятидесяти процентный результат. Это сохранение надежд и чаяний, вера в лучшее.

— Странный перевёртыш, туда-сюда.

— Ничего странного. У оптимиста реальные шансы, у пессимиста отсрочка несчастья.

Динамичный разговор слегка затормозился потому, что оба подумали о смене его русла, т. к. изначальные истоки были совершенно иными. Хотя Мария и не была инициатором, но чувство ответственности руководителя не позволило ей затягивать паузу слишком:

— Я так понимаю, что чётких понятий и мыслей по тезису ведомый-ведущий у вас так и нет?

— Ну почему, возможно, я просто их ещё не озвучил. И потом по аналогии ведущий всегда уверен, что ведомый у него на хвосте, так и здесь, испускающий сканы знает, что ими воспользуются.

— А перестроение?

— Подаёт команду или знак, затем всё наоборот, тот, кто излучал, слушает, другой диктует.

— А что это им даёт? Они и без того обменивались мыслями.

— Я думаю, это осложняет третьему контролировать того, кто находится на расстоянии, т. е. вне его зоны. То он есть, то его нет. Мы расшатываем и тем самым лишаем концентрации, ну не боги же они, в конце концов, а машины.

— А если команда на перестроение постигается интуитивно, тогда это становится продвинуто, — Мария фактически разговаривала сама с собой.

— Совместный полёт пары — долгий и упорный труд одиночек, — продолжал Андрей.

— Значит, будем тренироваться и искать нужные команды, — возвратившись к теме, она тут же её и закрыла.

"От чего уходил, к тому и вернулся. Опять намёки на интуицию", — реактивный сквози подытожил разочарование Андрея. Он приподнял и наклонил чашку, чтобы заглянуть внутрь, там было пусто. Кофе был выпит до дна и давно. Хрусталёв знал об этом, а осмотр осуществил неосознанно и, чтобы его поняли правильно, отодвинув чашку, встал из-за стола.

Глава 12

Когда праздники проходят, остаётся ощущение, что их не было вообще, т. к. суровая реальность будней перечёркивает любые приятные воспоминания.

После новогодних и рождественских празднеств дела Ухваткина не удались. Предчувствие, вынесённое им из сна, оправдалось, он действительно не успел. Волокита вокруг лакомого земельного участка в центре города разожгла аппетиты многих. Все поняли, что они тоже опоздали и поэтому резко начали заботиться о народе. Вопрос о сносе домов и расширении участка повис в воздухе. В областной Думе провалили закон о расселении, ну не совсем, а всего лишь на пять ближайших лет.

Помпеев помочь ничем уже не мог, это не его епархия, к тому же творчество Брюлова даже в виде картинной заставки в компьютере стало пророческим по отношению к фамилии мера, а оптимистический лозунг Ухваткина оказался несостоятельным. Помпей досиживал последние деньки в кресле мэра, а Алексей, каждый раз включая компьютер, думал поменять не только заставку, но и своё лобби во властных структурах.

По поводу заставки он уже делал несколько подходов. Сначала попробовал "Чёрный квадрат" Малевича, с надеждой рассмотреть там то, что не видят другие, потом Сурикова "Переход Суворова через Альпы" то, что от него никто не ждёт, но не получалось два в одном, смысл подходил с натяжкой, а картинка в электронном виде вообще проигрывала. В качестве временной, так сказать применительно к сложившейся ситуации, рассматривал Васнецова "Витязь на распутье", но не хотелось быть циничным и обижать народный эпос, потому и оставил старую привычную, да и Помпея пока ещё не затоптали совсем.

Если бы не сон, Ухваткин рвал и метал, а так, подчинившись фатализму, отстранённо наблюдал, когда страсти улягутся, лишь всё фиксировал по привычке и вычислял главную фигуру в игре.

Но накапливалась не только информация, а и отрицательная энергия, и если информация требовала неспешного анализа, то энергия простого выхода. Ухваткин умело находил места, где он без последствий мог производить сброс негатива, и очень часто таким местом становилась его малая родина, двор на Сакко и Ванцетти.

Все новогодние и рождественские каникулы, пока дочка Катя гостила у бабушки, его джип фактически прописался во дворе. Он, как и подобает любящему отцу и сыну, лично развозил их по всевозможным праздникам и утренникам, на ёлочные

представления и концерты, в театры и на закрытые корпоративные веселья для детей. Малая семейная идиллия благоприятно сказывалась на самочувствии всей троицы, а конфликты с автомобилистами двора, на почве создаваемых его джипом неудобств, играли для него роль громоотвода.

Обстановка накалялась, и он, предчувствуя выходы народного гнева, продолжал оставлять записывающие устройства в машине. Однажды, после очередной стычки, он обнаружил глубокую, до металла, царапину на кузове "лексуса", с правой стороны от переднего крыла через обе двери к заднему. Царапина, очевидно, была произведена вручную каким-то острым предметом, по всей вероятности ножом, возможно отверткой или гвоздём. Ухваткин взревел, у него, конечно, была страховка "Автокаско", но кому это понравится, когда новая вещь и сразу в ремонт, да ещё длительный. По его понятиям — это уже не комильфо.

Просмотр видеонаблюдения конкретного виновника не дал. Так вертелся вокруг джипа, заглядывал сквозь тонированные окна в салон какой-то мальчишка лет семи-восьми. В руках у него ничего не было, и было видно, что проделывал он это ради любопытства. Мать опознала в нём Мишку, Тонькиного сына, соседки по подъезду.

Лет-то ему оказалось двенадцать, семейка неблагополучная. Двое детей, у него ещё была старшая сестра Надежда, были предоставлены сами себе. За квартирой числились: в местном ТСЖ — должок за прошлые годы в размере двадцати семи тысяч, а у соседей — нехорошая репутация. Они постоянно писали письма по поводу детей, так как к тем часто ходили хулиганы, но детки росли, и в перспективе к ним могли наведываться уже бандиты, а квартира вообще превратиться в притон. Инспектора по делам несовершеннолетних грозились Антонине лишением родительских прав, а работники ТСЖ выселением, но дальше угроз дело не двигалось. В суде не выносили решение по выселению без предоставления жилплощади, а инспектора не очень усердствовали.

Обо всём этом Ухваткину поведала мать, и он, вымещая зло на Мишке, позвонил куда нужно, и того определили в детский дом. Может быть, для мальчишки и хорошо получилось, по крайней мере, сыт будет и одет, возможно, догонит сверстников в физическом развитии, так как от постоянного недоедания он был мал не по годам, но во дворе потихоньку роптали, получалось, что мальца бизнесмен чуть ли ни в каталажку запрятал.

Январские неприятности во дворе с джипом этим происшествием не закончились, за ним последовало новое, двойной прокол шин. Опять получалось, что нет виновных.

С левой стороны при въезде во двор, рядом с мусорными баками, имелась небольшая площадка, приблизительно два на два метра, для крупногабаритного и строительного мусора. В квартирах иногда делали ремонт, меняли окна и двери, выбрасывали старую мебель, покупали холодильники и телевизоры, а упаковку от них складывали на этой площадке, так как в мусорные контейнеры всё это просто не помещалось. По мере накопления мусора спец-АТХ присылала самосвал и рабочих для погрузки. В этот раз, возможно, из-за длительных праздников гора из различного хлама достигла неимоверных размеров. Жители уже начали выносить ёлки, не все, конечно, многие это делали после старого Нового года, но некоторые, и свалка продолжала расти и ввысь и вширь.

Ухваткин, проезжая по мелкому мусору, особо не придал этому большого внимания, но однажды, подавая задним ходом, наехал на деревянный плинтус с двумя огромными гвоздями. Сам, конечно, виноват, но коммунальщикам досталось крепко, и гора на следующее утро исчезла.

Но эти два происшествия цветочки, ягодками оказалось третье в последнюю субботу января.

Хрусталёв, досрочно освободившись от работы и оставив машину на стоянке, поднимался по подъездной лестнице. Браслет был на руке, он тренировался, делая различные предметы прозрачными. Сверху где-то открылась дверь, и послышались голоса. Один голос был неразборчив, так как исходил из помещения, а второй чёткий мужской отвечал ему: "Мама, вернусь минут через сорок, заеду в один магазин и вернусь". Второй голос что-то бубнил, мужской слегка раздражённо: "Нет там никаких очередей, это техномаркет, я быстро". Андрей помимо воли начал перестраиваться на прослушивание, но разговор закончился, дверь щёлкнула замками, а по лестнице послышались шаги спускающего человека.

Они сошлись на площадке второго этажа Хрусталёв и Ухваткин. Впервые за всё время, когда Механизатор стал для Андрея узнаваемой и неприятной фигурой, они встретились в подъезде.

Ухваткин даже не взглянул на поднимающегося мужчину, это не стоило его внимания, которое уже занято размышлениями о походе в техномаркет.

А Хрусталёв, испытывая неприятный холодок от встречи, прочёл эти мысли: "Пока есть время, базу отсортировать, перевести на флэш-память, с диском может произойти также как и с дискетами, возьмёт и не откроется".

Они разошлись. Андрей приостановился и посмотрел вслед спускающемуся Механизатору. Ухваткин почувствовал, что смотрят в спину, но ему не привыкать, вот только ощущение дежа вю.

Дома Хрусталёва ждала ёлка, которую нужно было разобрать. Разобрать — это значит сложить игрушки, гирлянды с лампочками и прочую мишуру в коробки, а ёлку извлечь из подставки и отнести к мусорным контейнерам. "За час должен обернуться, успею", — подумал он и приступил к делу.

Закончил с разборкой даже раньше, помогала Ленка. Неся колючую и осыпающую сосёнку по двору, оставляя кое-где след из иголок, он у въезда во двор повстречался с "лексусом" Механизатора. Слегка посторонился, но церемониться с пропуском, как обычно делают пешеходы при встрече на тротуарах с транспортом, не стал, а шёл демонстративно и целенаправленно по своим делам.

Механизатор прочувствовал ситуацию, слегка прижался вправо к палисаднику и прокатил дальше во двор.

Андрей подошёл к штабелю из выброшенных ёлок и аккуратно пристроил свою ношу на самый верх, чтобы не скатилась на проезжую часть, повернулся и отправился обратно. Проходя мимо джипа, он увидел Механизатора, прилаживающего в салоне видеосистему, обе двери были раскрыты, а на заднем сиденье лежала сумка-кейс от ноутбука и из неё выглядывала прозрачная коробка с CD диском внутри.

Уже в комнате Хрусталёв подошёл к окну и глянул вниз. Двери автомобиля закрыты, Механизатора во дворе нет. "Ну, что, приступим", — подумал он и надвинул на запястье браслет.

Джип приблизился и пропустил его внутрь. Из разъёма ноутбука выдернулась гребёнка с четырьмя проводами от видеокамер, взгляд затормозился на футляре с диском. Футляр зашевелился, выполз из сумки и замер на сиденье. Общая картинка сжалась, как шагреневая кожа, фокус сконцентрирован на диске. Чёрные мошки закружились в хаосе, диск исчез.

Стол, монитор, клавиатура, блокнот, ручки — свободная от предметов светло-коричневая поверхность с лёгкими отблесками света затуманилась, пропали отблески, снова чёрные быстрые мошки, диск в футляре.

Андрей удовлетворённо выдохнул, опустил правую руку и пальцами подхватил скользящий по кисти браслет, перехватил его и демонстративно швырнул в сторону монитора. Раздался лёгкий шлепок, браслет залип на мониторе, ему полюбился этот трюк, и он время от времени повторял броски.

Из лобной части головы через стучащие виски к затылку стекала неприятная тяжесть, но руки извлекали диск из футляра, и всё внимание было уже на нём.

Диск как диск, обыкновенный CD-RW. На раскрытой стороне футляра вставка для надписей с пометкой: "Мой диск — записки охотника".

"Оценим трофеи", — с таким ехидным сканом Хрусталёв вставил диск в дисковод. Жёлтая папка "База" раскрылась мгновенно, в ней несколько файлов с различными расширениями. Андрей щёлкнул "Ecxel" с названием "Автотранспорт", запустился редактор электронных таблиц и тут же потребовал пароль на допуск. Он набрал на удачу "Хват", файл раскрылся.

Корешки электронных табличек с оглавлениями: "Автобусные маршруты", "Маршрутные такси", "Такси и таксопарки", "Междугородка", "Грузоперевозки" и другие. Внутри неизвестные фамилии под графой "Контроль", несколько непонятных позиций, интересный последний столбец "Компромат", разделённый на три: "Видео", "Аудио" и "Бумажные". "Мура какая-то", — разочарованно подумал Хрусталёв и закрыл файл.

Открыл аналогичным образом второй — "Медицина". Снова оглавления на корешках: "Аптеки", "Клиники", "Санатории", "Дома отдыха и турбазы". Активировал "Аптеки", здесь проще, всего три сети аптек: "Здравница", "Волжский лекарь" и "Айболит и К". В графе "Контроль" две фамилии Малюгин и Коростылёв. "Малюгин, знакомое что-то, но убей, не помню", — пронеслось в голове Хрусталёва. Малюгин стояла напротив "Здравницы" и "Волжский лекарь". Дальше шли адреса аптек в сетях, даты открытия и прочая информация.

"Ничё не понимаю", — интонацией героев из мультсериала "Следствие ведут колобки" процитировал Хрусталёв.

— С кем ты тут разговариваешь? — удивлёно спросила вошедшая в комнату супруга.

— Лен, тебе фамилия Малюгин о чём-нибудь говорит? — не отвечая на её вопрос, задал свой Андрей.

— Говорит. Это же зам губернатора.

— А инициалы не знаешь случайно?

— Случайно знаю. Евгений Иванович, а тебе зачем?

— Да, так, а Коростылёв?

— Это какой-то чиновник из министерства здравоохранения.

— Спасибо. И откуда ты всё знаешь?

— Мам, ну я пошёл? — Алексей вопросительно вглядывался в лицо матери, стараясь по мимике понять её настроение.

— Может, останешься? Завтра ведь воскресенье, — без всякой

надежды на положительный исход спросила Вера Васильевна сына.

— Не могу, мать. Завтра день здоровья, еду кататься на лыжах, да и машину во дворе на ночь не оставишь, — возражая, Алесей уже обувался в прихожей.

— Что-то не припоминаю твоей любви к лыжам и конькам, ну велосипед, а тут лыжи.

— Ты знаешь, мам, хорошая подзарядка на всю неделю, потом встреча там с одним нужным человечком запланирована, — надевая куртку, пояснял он.

— А, теперь понятно, а то лыжи, лыжи. Я уже и взаправду в лыжники тебя записала, — иронично призналась мать.

— Ну, всё давай, — поцеловав мать в щёку, Алексей начал открывать дверь, — позвоню завтра, когда вернусь в город.

Выйдя из подъезда, набрал полную грудь холодного воздуха, взбодрился. Узкая полоса малинового света пробивалась из-за дома напротив. Вечерело и подмораживало. "Для лыж хорошо", — размышляя, он направлялся к своему авто. Не доходя шагов пять, по привычке нажал на кнопку снятия сигнализации, та ответила утвердительно и успокоила хозяина.

Алексей как-то сразу не обратил своего внимания на отключение от компьютера видеокамер, лишь просматривая записи видеонаблюдений, обнаружил, что они прерываются через три минуты после начала. "Странно", — анализируя причину сбоя, он держал в руке разъём и одновременно старался вспомнить, как закрывал дверь джипа.

Не найдя подходящей версии случившемуся, Ухваткин начал осмотр салона. "Диск!?", — мощный электрический разряд мгновенно выдернул его из болота неспешных рассуждений. Мысли искрились и, не успевая гаснуть, наслаивались одна на другую: "Упал на пол…. Повезло, что всё переписал на флешку…. Оставил? Где? Вытащили у магазина…. Кто выдернул разъём?"

Он стоял у открытой двери "лексуса" и оглядывался по сторонам. Двор пуст, поднял глаза и скользнул взглядом по оконным проёмам, непроизвольно остановился на окне четвёртого этажа того подъезда, из которого он недавно вышел сам, — никого.

Повернулся, с улицы из-за торца дома во двор входила бабушка с пакетом в руках. Неспешным шагом она направлялась вдоль стены к нужному подъезду. "Тишь и благодать, и почему двор меня так не любит? — обескуражено предавался Ухваткин самобичеванию, — за предательство? Тогда — это зеркало".

Неожиданно что-то шлёпнулось сбоку за его спиной, и одновременно с этим брызги чего-то липкого достигли мочки

левого уха. Он повернулся, на стекле джипа застывало птичье дерьмо. Доставая платочек из кармана, он поднял голову. На высоте трёх метров на ответвлении от старого вяза сидела городская галка и крутила хвостом. "И ты туда же", — вырвалось зло у Алексея, вытирающего мочку уха. Галка как-то неестественно крякнула, словно почувствовала скорую расплату за свой промах, взмахнула крыльями и перелетела на высокий раскидистый тополь во двор детского садика за красную кирпичную стену.

Тополь был огромный, выше пятого этажа, и напоминал своими исполинскими размерами дуб. "Тварь знает, где скрываться", — раздражённо удаляя пятно со стекла платочком, оценил манёвр птицы Ухваткин. Остановившись на мгновенье, поразмыслив о том, что делать с платочком, он демонстративно пренебрежительно швырнул его на снег за палисадник, прямо к стволу дерева, под которым и стояла машина. Энергично хлопнул дверью и без промедления завёл мотор.

Сзади из-за ёлочной горки показалась "девятка". Водитель, увидев белые огни заднего хода, остановился и, подав назад, выпустил Ухваткина в переулок. Освободив двор и разъехавшись с "девяткой", Алексей газанул, но перед тем, как выкатить на проезжую часть улицы, тормознул и задержался, хотя можно было беспрепятственно продолжать движение.

Остыв от инцидента с галкой, он воспламенился вновь, вспомнив о главном, но теперь это не было пожаром, скорей уж тлеющим пожарищем. "Так, надо ментов напрячь, пусть осторожненько и без шума опросят оба дома, кто-нибудь и что-нибудь да видел. Зря на мальчишку грешил, гнида — профи и обитает где-то рядом. А может и чёрт с ним, с этим диском, какой от него прок и кому? Вот если…?" — и ему сразу расхотелось выстраивать цепочку дальше после "если".

"Бог не выдаст, свинья не съест", — произнёс он вслух и со знакомым ощущением адреналина в крови рванул по улице так, что даже сам слегка испугался стремительно приближающихся к нему красных стоп-огней.

Проштудировав диск вдоль и поперёк, Хрусталёв изрёк самому себе: "Ну и зачем мне это всё нужно?" Информация, извлечённая из-под пароля, секрет полишинеля. Всё городское население и так знает, кто контролирует бизнес, знает и милиция, и прокуратура, и ФСБ. Все знают и ничего сделать не могут. Получается, что не знают только сами власти, что все знают. Новое лицо капитализма, у руля власти одни, в горниле бизнеса другие — члены семьи и родственники первых.

Сам компромат хранился в другом месте, здесь только его каталог, оригинально выстроенный. "Выбросить или вернуть при случае?" — так и не придя к точному ответу, Андрей задвинул прозрачный прямоугольник в середину стопки аналогичных коробочек, хранящихся под столом, на столе в контейнере уже давно нет места.

Поднялся и подошёл к окну, отодвинул в сторону штору, глянул вниз. Джипа Механизатора на прежнем месте не было. На ночлежку уже пристроились знакомые машины, но двор ещё наполовину был свободен.

"Заметил ли пропажу или нет?" — вопрос возник как само собой разумеющееся. В этом контексте он вспомнил гадалку, то, как она прочитала информационное поле угона его авто. "Жаль я не умею так же, сейчас по горячим следам взглянуть бы, как он садился в свой "лексус", — с такими мыслями он встал перед столом и отлепил браслет от монитора. "Да, многому ещё придётся обучиться", — и Андрей нацепил браслет на запястье.

Казалось, что история с диском закончилась, и Хрусталёв начал забывать об этом, как вдруг во вторник вечером раздался звонок в дверь. Андрей пошёл открывать, с надеждой увидеть кого-то из соседей, так как с посторонними происходит предварительное общение через домофон.

Не заглядывая в дверной глазок, который уже считался анахронизмом, он открыл дверь. За дверью оказался не кто иной, как старый знакомый участковый инспектор Гарёв. Иван Сергеевич выглядел так же молодо, как и три месяца назад, "постарело" только звание на погонах. Он стал старшим лейтенантом.

Гарёв узнал Хрусталёва и вспомнил те обстоятельства, которые их познакомили. Вместо дежурной фразы "здравствуйте, я ваш участковый" он шутливо произнёс:

— Добрый вечер, как здоровье ваше и вашей машины?

— Здравствуйте, Иван Сергеевич, а бандиты живут этажом выше, — отшутился Андрей.

— Что же соседей так сразу и сдаёте? — продолжил игру Гарёв, но потом, помня о долге служебном, спросил, — можно войти?

— Прошу, — произнёс хозяин и сделал жест приглашения рукой, посторонился, пропуская в квартиру милиционера.

Уже в прихожей они обменялись рукопожатиями, а Андрей, как и подобает гражданам в таких случаях, спросил: "Чем обязан такому посещению?" И поймал свой же скан: "Да ничем", — но вербальный ответ гостя был иным.

— Да вот воочию знакомлюсь с участком, — начал излагать версию визита Гарёв, открывая тем временем кожаную папку, но почувствовал, что аргументы малоубедительны, продолжил, — второй день уже хожу, но днём малоэффективно, ведь все в основном на работе, а пенсионеров не так уж и много.

— Проходите на кухню, здесь не очень удобно, а я смотрю, вы что-то собираетесь писать, — зазывал Ивана Андрей дальше в квартиру, стараясь быстрей избавиться от чувства неловкости и вины, которые испытывают всю жизнь хозяева в прихожей хрущёвки из-за столь малых её размеров.

— Да уж в наших квартирах не развернёшься, — поддержал его милиционер, и, сняв обувь, прошёл в помещение, слегка просторнее и имеющее стол и табуретки.

— Конечно, и здесь не очень, но уж не как там, — заканчивал свои оправдания Хрусталёв, усаживаясь сам и предлагая сесть нежданному гостю, выдвигая из-под стола для него табурет.

Участковый положил на стол раскрытую папку, с отпечатанными листками бумаги и с пометками от авторучки, снял форменную шапку и, поискав глазами, куда можно пристроить головной убор, не нашёл подходящего места, уселся и положил его на колени.

Обычная процедура опроса, кто проживает по данному адресу и жалобы или замечания на общественный порядок, проскочила очень быстро. Андрей, не знакомясь с мыслями гостя, и так уже знал, что словесная прелюдия закончилась, и сейчас последует главная часть.

Гарёв не стал томить хозяина и затягивать своё рабочее время, и дружелюбным тоном, но по имени и отчеству, обратился с вопросом:

— Скажите, Андрей Викторович, вы в субботу были дома?

— В каком смысле? — вопросом на вопрос ответил Хрусталёв.

— Я имею в виду, не выезжали ли за город, на природу, на лыжах покататься, — пояснил Гарёв суть вопроса.

— А в этом смысле нет, суббота оказалось рабочей, под вечер в магазин сходил, ёлку вынес. А что случилось что-то? — проявляя живую заинтересованность и тем самым облегчая задачу построения диалога милиционеру, изъяснялся Андрей.

— Тут заявление поступило от сына Веры Васильевны, вашей соседки, гражданина Ухваткина, средь бела дня вскрыли его машину, стоящую во дворе, ущерба технике не причинили, но выкрали компьютерный диск с ценной для него информацией, хотя в салоне был ноутбук, его не взяли. Вы можете что-нибудь дополнить или пояснить по этому случаю? — быстро и без

запинки излагал старший лейтенант, конечно, твердя в каждой квартире одно и то же, вызубришь спич, как семинарист отче наш.

— Хм…, - хмыкнул Хрусталёв и осёкся, едва не выдав компрометирующие сведения о себе, сказался тренинг правды с гадалкой.

Иван Сергеевич понял это по своему, списывая всё на некорректность вопроса и не информированность гражданина в сути изложенных им вещей, поэтому принялся ещё подробней излагать случившееся:

— Гражданин вообще жалуется на нездоровую обстановку во дворе, в плане хулиганствующих элементов. Выражается это в порче его имущества. Летом на его автомобиле спускали и прокалывали шины, зимой испортили лакокрасочное покрытие кузова, подложили под колёса доски с гвоздями, и вот последний случай — кража.

— Я рад, что органы обратили внимание на безобразие такого характера, огорчает лишь одно, что когда простые граждане обращаются с аналогичными случаями, как бы это помягче выразиться, их отфутболивают куда подальше, — высказал наболевшее Андрей.

— Что вы имеете в виду под аналогичными случаями? — заинтересовался высказываниями хозяина гость.

— Ну, к делу это, конечно, не относится, да и было уже давно и, как говорят, неправда. Бомбили тут несколько лет назад наши машины, оно, конечно, не только здесь, по всему городу, в частности, вынудили меня ставить своё авто на стоянку. Вот тогда власти мер по стабилизации обстановки не проявляли, — прояснил свою позицию Андрей.

— Я пониманию вашу иронию, тем более есть в этом нездоровая подоплёка. Ухваткин — помощник мера, успешный бизнесмен. Поверьте, мне так же неприятно обслуживать прихоти власть имущих, но, с другой стороны, противозаконный акт всё же произошёл, и я обязан реагировать, — вынуждено оправдывался участковый и, судя по быстроте реакции, не первый раз и не только в этом месте.

— Тогда по поводу "акта" ничего сказать не могу, — процитировал выражение Ивана Сергеевича Хрусталёв.

— А ваша супруга?

— Вот давайте у неё и спросим, — и с этими словами он отправился в дальнюю комнату, где супруга вот уже около часа по телефону обсуждала житейские проблемы со старшей дочерью. По пути подумал, что неплохо и браслетом воспользоваться.

— Добрый вечер, Елена Дмитриевна, — стоя поприветствовал хозяйку участковый.

— Здравствуйте, э…, - запнулась Елена, прижимая чёрную трубку радиотелефона к воротнику атласного халата.

— Иван Сергеевич, — представил Андрей старлея и лёгонько пошутил, — но не Тургенев, а Гарёв — наш участковый инспектор.

— Вы меня уже второй раз к классику прикрепляете, так ненароком и писать начну, — отшутился участковый.

— Согласитесь, сочетание Иван и Сергеевич благозвучно и фамилия Гарёв к нему подходит не хуже, чем Тургенев, — продолжал каламбурить Хрусталёв.

— Что же ты человека байками развлекаешь, мог бы и чаем угостить, — пришла на помощь молодому офицеру супруга Хрусталёва.

— Спасибо, не откажусь, знаете, вы первые в этом доме, кто предлагает мне чай, — легко согласился Иван.

Елена промолчала, но целенаправленно стала исправлять ситуацию с чаем: долила из кувшинчика воды в чайник, поставила его на огонь, приготовила чашки, достала из ниши-холодильника под окном банку черничного варенья и наполнила неглубокую розетку. Во время всех этих приготовлений они выяснили с участковым, что она ничего не знает о происшествии, а также семейное положение Ивана и хобби его родителей.

Андрей стоял в дверях кухни, прямо за спиной милиционера и сканировал его мысли. Получалось, что Гарёву эта миссия не нравилась самому, но ничего не поделаешь — служба. Версий и конкретных подозрений в голове Пинкертона не существовало, вся процедура для галочки и заодно с участком познакомиться ближе.

Закипел чайник, и зазвонил телефон. Андрей снял трубку и услышал голос старшей дочери Натальи: "Пап, куда там мама подевалась?" "Сейчас передам", — ответил он ей и понёс трубку на кухню с надеждой, что Елена покинет её для разговора.

Чай уже был разлит по чашкам. Иван Сергеевич сложил папку и поместил её на колени под шапку, пил чай с вареньем и баранками. Хрусталёв протянул трубку жене и произнёс:

— Тебя.

— Извините, — она взяла телефон и вышла для разговора в комнату.

— Иван Сергеевич, а что за декабрьскую облаву в нашем квартале устроили на мальчишек, говорят, что у дочери подполковника милиции сотовый телефон отобрали, — обратился с неожиданным вопросом к участковому Хрусталёв.

— Было дело, — смущённо ответил Гарёв, и стало заметно, что ему неприятно обсуждать данную тему, сказывалась

корпоративная этика.

— Когда у простых мальчишек и девчонок рвут телефоны, власти только руками разводят и лишь предлагают написать заявление, — продолжал наседать Андрей.

— Ну почему, по горячим следам проводим поиски, патрулям информация передаётся, — всё-таки разоткровенничался милиционер, — на ваш угон опергруппа выезжала, работаем.

— Сравнили угон и сотовый, — не согласился Хрусталёв.

— Конечно, ущерб имеет существенную разницу, но это я так для примера, — неубедительно и не скрывая этого, пояснял участковый.

— Так может Ухваткина и никто не обкрадывал, просто обронил или оставил где-то, — вернул разговор к его самым первым истокам.

— Всё может быть, — согласился Иван и добавил, — мы уже предложили ему написать объявление на возврат диска с обещанием нашедшим — вознаграждение.

"Это вы мастера со стороны предлагать варианты помощи, сам знаю", — усмехнулся про себя Хрусталёв. Тем временем Гарёв допил чай и, демонстративно посмотрев на часы, начал осуществлять операцию "ухода из гостей". Он поднялся, поблагодарил за чай, извинился и сказал, что ему ещё осталось обойти порядка двадцати квартир, а покидал гостеприимную квартиру уже со словами:

— Обращайтесь, если что, пункт почти всегда открыт.

— Нет уж, не программируйте нас на "если что", — полушутя полусерьёзно ответил Андрей, закрывая за ним дверь.

"Значит, Механизатор обнаружил пропажу, а что так забеспокоился, непонятно", — подытожил мысленно сам себя Хрусталёв.

Глава 13

"С Новым годом, с новым счастьем", — на прикроватной тумбочке лежала поздравительная открытка и раздражала Марию своими броскими пожеланиями, больше похожими на лозунги, особенно последнее. В её понимании счастье — это продолжительное человеческое чувство, а не сиюминутный успех, удача в делах, что и имелось в виду в данном случае, хотя по большому счёту успех, удача и приводят к человеческому счастью. "Чушь и парадокс, существует слово с двумя понятиями, одно из которых приводит к другому", — размышляла она, но подсознательно догадывалась, что вот ей удачи как раз и недостаёт для счастья.

Последнее время побыть наедине с собой ей удавалось всё реже и реже, и не из-за большой загруженности в делах, а из-за боязни предаваться воспоминаниям, которые всегда приводили к одному и тому же результату, повторяющемуся желанию бросить всё и уехать куда-нибудь подальше за границу, или поближе — в монастырь. Постараться начать новую жизнь, но она догадывалась, что нового без прошлого не получится. Её будущее осталось в прошлом, а настоящее зациклилось между рабочей квартирой и квартирой для отдыха и сна.

В этой квартире они начинали совместную жизнь с Черниковым, отсюда его ввергли в бездну забытья. Она впоследствии выкупила эту квартиру у хозяев, когда случайно узнала из объявления о её продаже. Вот уже более десяти лет она стремится к одной цели, вернуть память любимому.

"В его мыслях и стремлениях было лидерство, жажда превосходства. За это он и был наказан. Не учтён тот фактор, что он любил и был любимым. Любовь смогла бы спрямить искривление, вызванное энергий лидерства, но чтобы это понять, нужно испытать такое чувство. Машина ошиблась, а ошибка должна быть исправлена".

Так или почти так она мысленно говорила с теми, кто лишил её счастья, каждый раз, когда её взгляд не мимолётно перед сном в процессе выключения ночника, а целенаправленно встречался с фотографией на тумбочке.

Вот и в этот раз, переодеваясь ко сну, она увидела своё нагое отображение в большом зеркале на стене, и взгляд самопроизвольно дёрнулся к фотографии, проверить наблюдает ли Витя за ней, но неожиданно зацепился за новогоднюю открытку, уже как месяц прописавшуюся в спальне.

Открытка — ещё одна связь с прошлым, её прислала

школьная подружка Надька Кудрина, теперь уже Саблина, мать двоих детей. Раз в год они встречались, преимущественно летом в деревне, а так к праздникам обменивались вот такими поздравлениями. Их девичья дружба пошла на убыль, когда, специально приехав на крестины второго ребёнка, чудного богатыря Ромки, она услышала наставление из уст лучшей подруги, поскорей найти себе подходящего мужика и обзавестись семейным счастьем.

С родственниками Черникова отношений не поддерживала, лишь иногда перезванивалась с его младшей сестрой Ольгой и встречалась, когда та приезжала навещать Виктора в областной психиатрической больнице. Два раза сопровождала брата и сестру при направлении Виктора на дополнительные обследования в институт психиатрии в Москве. Имея хорошие контакты с врачами, она все эти обследования и финансировала, украдкой наблюдала за ним, чтобы не раздражать и не провоцировать его воочию.

"Тук, тук-тук…", — отстучало сердце, и Мария присела на краю кровати, так и не успев надеть шёлковую ночную рубашку, держа её в руке и не понимая, что с ней происходит. От сердца, из глубины поднимались и заполняли сознание иные мысли, не связанные с реальностью непосредственно, но чистые и правильные. Ей стало спокойно и светло, как в детстве, и она сидела и слушала сама себя.

"В чём суть жизни, её смысл для меня? Как вообще рассматривать такой вопрос и возможно ли? А если в ракурсе взгляда человека со стороны Абсолюта?

Абсолют желает, чтобы человек всегда любил его, был с ним в сердце своём, не отвлекался слишком глубоко в материалистическую пучину жизни. Для того созданы заповеди, соблюдай их, и это не позволит тебе отдалиться от Абсолюта.

Так в чём же тогда смысл жизни? Смысл в постоянном любовном контакте человека с Абсолютом, его неустанном приближении к Абсолюту, святости, огненности. Задача проста и состоит в том, чтобы человек за короткий промежуток физической жизни обретал такие магические свойства, которые при её окончании, позволят уйти в иной мир единым целым, святой душой, чистым огненным телом, правильным божественным сознанием.

Но Абсолюту и человеку всегда мешают и отдаляют такое преображение цикла. Любовь и стремление к Абсолюту, в конце концов, победят смерть. Искоренится болезненный переход из одного мира в другой, болезненный для сознания и разрушительный для физического тела".

"Что это было?" — спросила сама себя Мария, рассматривая непонятные узоры шёлка на голубом фоне ночной рубашки.

"Так получается, что мир создан для совершенствования человека, для облегчения ему счастливой жизни не на земле, а в другом мире", — продолжала она размышлять об ином, примеряя его на действительность.

Наконец, осознав, что за предмет у неё в руках, она надела его. Поправляя тонкую бретельку на плече, вспомнила, что такое уже однажды было в офисе. Она старалась пропустить через своё сознание то, что пришло ниоткуда, и получалось, что в её сердце поселилась любовь — к человеку, и об этом она знала давно, но лишь теперь она перестала понимать хорошо это или плохо.

"Тук, тук", — снова оно напомнило о себе. В этот раз Хрусталёв не испугался, ведь не было больно, просто сбой, возможно аритмия. Но почему он остановился и перестал чистить зубы, что-то наплывало, как тогда в машине и вытесняло обыденные мысли о прошедшем дне и дне грядущем.

"Большая душа широка. Аура чиста, связь постоянна. Свечение ярко, ослепительно. Затрат почти нет и лишь постоянная подпитка. Если мысли — энергетическая субстанция, то она оставляет след в информационном поле и в ауре человека. Возможно, для людей аура и есть информационное поле, а не только отражение его психофизического состояния.

Тогда должен существовать антисвет, который вторгаясь в ауру, окутывает и не даёт излучаться свету. Чёрные и грязные мысли его стихия. Если есть мысль, то будет и поступок. Мотив — это ранее продуманная мысль.

Все светлые и чистые мысли даны Абсолютом. Тёмные и грязные — антиабсолютом. Кто пишет правила, тот и диктует нормы. Кто первый? Почему борьба? Один создал — он творец. Второй бездарность — потребитель. Он может только отбирать и воровать, творить нет способностей. На всякое доброе начинание есть злое. Не надо ничего придумывать, смотри и делай наоборот.

Построили — разрушь. Нашли — укради, отними. Если цель маскируется красивыми лозунгами, а по своей сути есть обыкновенное, тривиальное нарушение заповедей, то это — двойной стандарт. Сами создают законы, под законы — несознательных нарушителей закона — затем следует наказание по чужим и несправедливым законам. Это — чистой воды двойной стандарт, его суть отними, убей, захвати и заставь жить в рабстве. Во имя чего это делается? Во имя господства, ну никак не света, а тьмы. Если господь у нас один — Абсолют, а они ничего не боятся. Почему? Потому, что не верят в наказание, не

верят в Абсолют, и силы черпают у антиабсолюта? Нет, они любят только своё "Я", а которое из многих, не знают и сами".

"Что вообще происходит?" — Андрей изумлёно смотрел на своё отражение в зеркале и видел лишь белую зубную пасту на губах. Он перевёл взгляд на правую руку, которая, застыв в воздухе, держала зубную щётку. Было такое ощущение, что его в неестественной позе прихватил приступ радикулита, а боязнь пошевелиться, из-за возможности появления резкой боли в позвоночнике, парализовала все остальные конечности тела. Он с опаской опустил руку и подумал: "Радикулит в сердечно-мозговых нервных окончаниях, возможно, опасней шейно-спинного".

"Да ерунда — это всё", — и он, дочистив зубы, умылся и вновь посмотрел на своё отражение. Лицо и губы были чисты и влажны. "Что доигрался я с браслетом, мысли в голову приходят какие-то правильные? Или, наоборот, топчусь на одном месте, завяз в быту, и движения вперёд нет", — и он, выключив свет в ванной, отправился спать.

"Кнопки лучше осваивать под контролем, завтра и приступим, пока он сам их не начал изучать", — и, погасив ночник, она забралась под одеяло.

Утром состоялась их встреча в рабочем офисе-квартире. Всё так и не так, дежа вю наоборот, старые впечатления на новый лад. Инна, которая ночевала здесь, Хрусталёв знал теперь назначение третьей комнаты, напомнила дневные планы, и, казалось, пора приступать к их выполнению, но он всё тянул время и старался заглянуть в глаза Марии.

— Вы что-то хотите спросить, Андрей Викторович? — неожиданно истолковала его мятежность гадалка.

— А у меня другое ощущение, что это вы что-то хотите сказать мне, — ответил Хрусталёв, и у него прибавилось уверенности, что он прав.

— Вам ни кажется, что в наших отношениях появилось чувство новизны? — спросила она его, пропустив его приглашение к откровенности.

— Кажется то, кажется, но вот, что именно, не понятно.

— Ну, вот и у меня также, а по поводу "сказать" вы угадали, собиралась, но по формату обучения, — пояснила она и добавила, — хочется думать, что я не ошибаюсь, предлагая вам новую ступеньку, непосредственное взаимодействие с кнопками.

— До того как или после? — образно выразился Андрей.

— Конечно потом, про контракт забывать не следует.

Раскручивая очередного клиента, Хрусталёв изредка посматривал на часы с надеждой, что времени останется немного больше для тренинга, но клиент попался вредный и никак не хотел работать. В результате Андрей потратил на него времени больше, чем обычно: "Вот так всегда, по закону бутерброда — маслом вниз". Наконец, покончив с банковскими делами, составив отчёт, он, в предвкушении новизны и чувства, что это главное и итоговое в обучении, направился в офис.

Мария не изменяла своим принципам и ждала Хрусталёва в большой комнате за столом и ноутбуком. Аскетическая обстановка помещения, по её понятиям, способствовала созданию рабочего настроя, не отвлекала и в то же время не создавала ощущения ограниченности пространством, как кухня, например, что должно было придавать процессу обучения ещё и творческий характер.

Чтобы чувствовать себя более раскованным, Хрусталёв снял пиджак и повесил его на спинку стула, перед этим предварительно выложил браслет на центр стола. Все приготовления происходили неспешно и в полнейшей тишине, и иногда было слышно, как срабатывал кулер в ноутбуке, периодически набирая обороты для охлаждения процессора.

Мария оторвала взгляд от экрана лишь в тот момент, когда Андрей закончил ёрзанье на стуле, с вопросом:

— Готовы?

— Как пионер.

— Тогда приступим. Вначале краткий экскурс по знаниям, что вам известно о кнопках?

— Лишь то, что вы мне поведали, излагая историю Черникова.

— Что так? На вас это не похоже, я предполагала, что вы уже что-то и попробовали, обогатились опытом применения в быту, — не без иронии высказалась она.

— Да не сложилось как-то, и пример назидательный, — спокойно и рассудительно, не обращая никакого внимания на тональность вопроса, отвечал он, — я даже овальной кнопкой перестал пользоваться, освоив ментальное управление.

— По аналогии с первой кнопкой у двух других также возможно ментальное управление, но, чтобы научиться этому, необходимо частое и последовательное применение, но мы пока имеем слабую теоретическую подготовку в данном вопросе, основанную не на исследованиях, а на предположениях. Итак, что же мы имеем.

"Словно лекцию читает", — пронеслось у Хрусталёва. Он откинулся на спинку стула и продолжал слушать. Поток

информации из уст Марии по крупицам формировал представление о сути вопроса и расширял кругозор Андрея о кнопках.

Их геометрические формы, оказалось, характеризовали рабочее состояние браслета. Овал — выключенное, и действительно, если его положить не на ребро, а на плоскость, то верхняя часть провиснет под своей тяжестью, хотя он и необычайно лёгкий, и получается слегка приплюснутый круг.

Треугольник — работа в качестве усилителя в трёхмерном пространстве, когда ментальной энергии хозяина не хватает для исполнения задуманного. Усиление происходит из-за трансформации свободной энергии пространства, находящейся рядом с браслетом, в энергию нужного формата.

"Как это?" — моментально возник вопрос у Хрусталёва, но задать его ему не пришлось. Дальше следовал комментарий с примерами и рассказ о курьёзном случае, способствующем обнаружению такого феномена.

Рогалёв принципиально не надевал браслет на руку, и поэтому для него тот был невидим. Специально для такого случая в браслет вставлялся подходящий по размеру предмет, и тогда он мог визуально определить, где тот находится, по парящему над поверхностью предмету. Это делалось для того, чтобы в период мозгового штурма его размышления не сканировались при помощи браслета, а развивались свои, ведь как в народе говорится: "Ум хорошо, а два лучше".

Однажды таким предметом стал сотовый телефон. Телефон опирался одним концом о плоскость стола, а другой просто висел в воздухе. На его дисплее отображалось, что нет сигнала оператора, и первым это заметил Виктор. Он достал свой сотовый и проверил уровень сигнала, он был полный, тогда он поменял мобильники местами, и сигнал пропал уже в его аппарате.

Из этого они сделали вывод, что поле, создаваемое браслетом, непроницаемо для радиосигнала. Затем они, уже подкладывая телефон во всех других экспериментах, обнаружили, что энергия аккумулятора быстро испаряется куда-то, словно её высасывает браслет для своих нужд. И это оказалось действительно так.

"Странно, какие продвинутые студенты", — подумалось Хрусталёву. "Ваш скептицизм оправдан, действительно в то время сотовые редкость, тем более у студентов, мы получили их на кафедре для связи в экспедиции", — в возникшей паузе, инспирированной сканом Андрея, пояснение было к месту.

Ромб — другое, если хотите, четвёртое измерение. Предположительно, туда можно попасть только ментально.

Черников несколько раз проделывал такое, но вот последний раз неудачно, и, похоже, его сознание трансформировали туда вместе с телом.

Вывод напрашивался сам, без ментального управления браслетом, пользоваться третьей кнопкой нежелательно, а ментальное управление возможно только при полном единении с браслетом, которое достигается упорными тренировками.

"Займёмся практикой", — произнесла Мария и, не давая передохнуть Хрусталёву, нацепила браслет на свою правую руку.

"Вот вам пример, провесить ноутбук над столом одними усилиями мысли почти невозможно, — в этот момент компьютер ожил, зашевелился и его лёгкая сторона, та, на которой нет монитора, приподнялась над скатертью, — а теперь совмещаем метку с треугольной кнопкой и нажмём её, и вот результат". Компьютер выровнялся и завис над поверхностью стола. Тяжёлый предмет без особых усилий и напряжений лежал на невидимой подставке.

— И откуда же он теперь энергию берёт? — с сарказмом скептика спросил неожиданно Андрей.

— Я предполагаю, что прямо из компьютера, — не задумываясь, ответила Мария.

— Тем тяжелее предмет, тем больше энергии, а предел существует?

— Это нам неведомо, не успели выяснить, — ответила она и приземлила ноутбук на место.

— Вот вы мне как физик ответьте, если он поглощает высокочастотный радиосигнал, то и другие излучения, близкие по частоте, тоже должен, — нескладно сформулированный вопрос слегка смутил Хрусталёва, и он, стушевавшись, замолк, не высказав до конца свою мысль.

— Наверное, да, а почему это вас так интересует? — стала уточнять гадалка и, не нажимая кнопки, сняла браслет и положила его на прежнее место.

— Вот если он поглощает световое излучение, тогда мне кажется, что я разгадал феномен его невидимости для окружающих, — возбуждённо высказался Андрей.

— Может быть, а как это проверить, есть идеи? — в голосе чувствовалось, что и она начинала заводиться.

— Ваш компьютер оборудован веб-камерой?

— Да, и что?

— Настройте её, сейчас поэкспериментируем, если изображение пропадёт, мои догадки подтвердятся.

Мария удивлёно посмотрела на Хрусталёва, но слов больше не произносила, а комбинациями клавиш и манипулятора

включила камеру и энергичным движением правой руки развернула ноутбук дисплеем в сторону Андрея.

Он увидел своё изображение на экране монитора и в первый момент растерялся, но лишь на секунду, на мгновение. Затем поднял правой рукой со стола браслет и потянулся им к середине верхнего обреза дисплея, туда, где была вмонтирована камера. На мониторе изображение руки с расставленным большим пальцем приближалось к камере, увеличивалось в размере. Он не рассчитал длину стола, и рука не достала компьютера, пришлось привстать со стула и дотянуться. В этот самый момент он потерял зрительный контакт с монитором, а восстановил лишь тогда, когда внутреннее пространство браслета накрыло глазок камеры, изображения на экране не было. Был тёмный прямоугольник на месте картинки. Он убрал браслет, индикатор включения веб-камеры светился голубым огоньком, сигнализируя о её работе, изображение снова появилось.

"Прошу, полюбуйтесь", — предложил он Марии и протянул ей браслет. Она взяла браслет и развернула в свою сторону ноутбук. Андрей, возбуждённый открытием, встал из-за стола и, засунув руки в карманы чёрных брюк, стал бесцельно расхаживать за своим стулом. Он не пытался наблюдать за манипуляциями гадалки, а ожидал её реакции на словах.

Ждать пришлось недолго. Он не сделал и пару ходок туда-сюда, как она произнесла:

— Ну и что это даёт нам?

— Как что? Мы теперь знаем, что он поглощает свет и…, - Андрей осёкся на полуслове и замолчал. "Действительно, что это даёт", — подумал он уже про себя.

— Где вы думаете применить новые свойства? — настойчиво продолжала наступать Мария.

— Сделаю из него антирадар и буду гонять на повышенных скоростях перед носом у гаишников, — просто без затей отчеканил Хрусталёв.

— Действительно, нужная вещь в быту, — без сарказма в голосе согласилась она, и потом более вдохновенно добавила, — а вы изобретательны.

Он насторожился, последнюю реплику не знал, в каком смысле воспринимать, как похвалу или как прелюдию к чему-то другому.

— А что-то вы говорили о феномене невидимости?

— Ну, это просто. Он ведь реагирует на биоэнергетику и не допускает отражение света в ту сторону, откуда идёт излучение. А с владельцем — контакт и полная гармония, — спонтанно и не совсем внятно изъяснялся Хрусталёв. Но удивительно, Мария

поняла его сумбурное объяснение.

— Да, действительно просто, — спокойно и без восторга произнесла она, — вы за сегодняшнее занятие поразили меня второй раз.

— Я, пожалуй, ещё опубликую одно замечание, — ободрённый Андрей, продолжал осваивать роль удачного исследователя, — вы, Марья Анатольевна, своеобразно выражаете восторг и удивление.

— Насколько своеобразно?

— Вы становитесь тихой и… "пришибленной", — вывернулось просторечное словечко, но он нашёлся и произнёс другое, — задумчивой.

— Раз вы так разоткровенничались, может быть, поясните, чем вы хотели поделиться сегодня утром.

"Чем я хотел поделиться? Историей с механизаторским диском? Нет. Ах, да что-то было, что-то интуитивно чувствовал".

— Сейчас я уже не могу вспомнить, — с лёгким раздражением в голосе изъяснился он.

— Вот и я "что-то интуитивно чувствовала", — озвучила она его мысль и добавила свою, — возможно, вот так и начинается интуитивный обмен.

— Марья Анатольевна, ну не понимаю я этого пока, не дозрел, — раздражаясь уже сильнее, воскликнул Хрусталёв, — вот умеете же вы сбивать пафосное настроение.

— Хорошо, оставим это до лучших времён и подведём итог нашему занятию. Тренируйтесь с треугольной кнопкой, только без экзотики, пожалуйста, прошу вас.

— Под экзотикой, что вы имели в виду?

— Вы же интересовались поднятием тяжестей, передвинете что-нибудь тяжёлое и обесточите целый дом.

— Занимательное предложение, я подумаю над ним, — отшутился он, пряча в карман пиджака браслет.

— Вот-вот, — поддакивала она ему, вставая из-за стола, а про себя подумала, — "мальчишкой в душе так и остался, а уже под пятьдесят".

Глава 14

Связи делают деньги, а деньги меняют связи. Связи с совестью, с нравственностью. Вот он круговорот взлётов и падений, всё как в природе, чтобы упасть на землю, нужно сначала подняться над ней.

Ухваткину неожиданно захотелось наверх, во власть. Он слушал "плач Ярославны" в исполнении Помпея, и ему снова пришла мысль поменять своё амплуа, но теперь не частично, а полностью.

Помпей досиживал последний месяц в кресле мэра, уже назначены выборы в городскую думу на март, и депутаты из своего состава назначат нового главу города. Помпееву предложили не участвовать в выборах, отсидеться годок другой в тени, а потом его опять поднимут. "Или закопают, — подумал про себя Алексей, — что более вероятно".

— Что у них на Западе — полная свобода от морали и нравственности. Что в Америке? Культ Свободы и Демократии задавил саму Свободу и Демократию, — ругал заграницу захмелевший Помпей в офисе Ухваткина, разливая очередную бутылку водки по рюмкам.

Он со своим помощником завалился в офис к Ухваткину во второй половине дня, чтобы излить душу. Изливание продолжалось больше четырёх часов. "Хорошо Помпею, есть, кому поплакаться, а мне и поделиться не с кем", — размышлял Алексей, наблюдая как его зам, закуривая сигарету, обнимал другой рукой Помпея.

В стихийно возникшей пьянке был один положительный момент, Ухваткину сделалось откровение: в этой суровой жизни он не имел друзей, настоящих друзей. Ему некому было пожалиться, кроме матери, конечно. Ко всему прочему, у него не было преданных соратников по бизнесу. Он знал, помани их длинным рублём, и они все его бросят и забудут, поэтому ему срочно нужно найти, как там говорят на Западе, промоушен.

Весь вопрос состоял в цене, способен ли он дать ту цену, которую запросят? "Чем я интересен? Что я могу предложить такое, чего нет у других? Доля в фирме? Права на участки? Да их и так отнимут, если захотят. Думай голова, думай — шапка будет".

— Алексей, ну ты где витаешь, иди к нам, — позвал его Помпей, держа в руке полную рюмку водки, — выпьем за нас, за нашу дружбу.

Ухваткин отлип от книжного шкафа и приблизился к столу

для заседаний. Он сдвинул в сторону дымящуюся пепельницу, взял наполненную рюмку и потянул её рукой в сторону троицы, чтобы в очередной раз чокнуться с ними.

— Вот это другое дело, вот это другой разговор, — бормотал Помпей, стукая рюмкой о другие рюмки и выплескивая содержимое на лакированное покрытие стола.

Они выпили по инерции без надобности, просто так, не ощущая уже ни вкуса, ни крепости водки. Его зам, Евгений Иванович, начал закусывать, подцепив вилкой кусочек нарезки с тарелки. Помпей захрустел корнишоном, достав его прямо голой рукой из банки. Ухваткин закусил сыром, а помощник Помпея, Игорь Селедков, запил соком.

— Пора заканчивать, — неожиданно изрёк Помпей почти трезвым голосом, — а то водка уже как вода. Он встал и посмотрел на Игоря.

— Машину, Владимир Петрович? — понял его взгляд помощник. Шеф молча кивнул в ответ. Игорь поднялся и удалился организовывать транспорт. Ухваткин переглянулся с Евгением и произнёс:

— Домой?

— Не угадал, проветриться, — ответил Помпеев, — поднакурили тут, да и скучно.

"Не провожай", — твёрдо и сердито отчеканил Помпеев и направился к двери. "Полине Сергеевне от меня привет", — вслед уходящему мэру почти прокричал Ухваткин. "Угу, обязательно", — буркнул тот, уже выходя из кабинета.

Алексей подошёл к столу и хотел позвонить матери. Он взялся за трубку телефона и готов был уже снять её, но перед этим посмотрел на часы и передумал. Было уже половина десятого, ни туда, ни сюда. Он уселся в своё кресло, кресло руководителя. Возможно, после отставки Помпеева придётся им поделиться. Он представил это, и ему снова стало нехорошо.

Планы рушились, а неприятности не рассасывались, чёрная полоса затянулась. В чём причина, он не знал, а когда не знаешь — трудно противостоять негативу. Его не так расстраивала затяжка оформления земли на Сакко и Ванцетти, сколько утрата диска. Интуитивно, где-то внутри, он чувствовал холод и тревогу. Милиция опросила жителей обоих домов, результат — ноль. Никаких намёков, никаких зацепок. Только советы. "Блин, кем были, тем и остались, советская милиция — советы раздают", — усмехнулся он занятной тавтологии в своих размышлениях.

Ему ничего не оставалось, как воспользоваться их советами. Объявление с обещанием достойного вознаграждения нашедшему диск уже два дня отсвечивало у подъездов домов. Ни одного

звонка. Второе, обратиться к смотрящему района за помощью, находилось в стадии обдумывания.

— Алексей Иванович, — прервал его размышления зам, — ну, что разбегаемся? Я тут немного прибрал, остальное завтра секретарша руками уборщицы доведёт до нужного порядка. Он держал в руках два пакета, в одном — пустые бутылки, в другом, наверное, остальной мусор.

— Вы как, сами доберётесь, или вам машину вызвать? — озадаченный задумчивостью Ухваткина продолжал Евгений Иванович, стоя в дверях.

— Сам доберусь, не решил вот, только куда, — наконец выдавил Ухваткин, — Евгений Иванович, вы тут закройте всё, пожалуйста, и под охрану сдайте.

Странное дело, после стольких пустых бутылок и разговора ни о чём, компания расходилась фактически протрезвевшей. Он садился в свой джин и не боялся, что его остановят гаишники и попросят дыхнуть в трубочку. "Смешно", — представил он себе данную ситуацию. Совсем уж пьяный он и сам не позволял себе, а навеселе и даже немного более — святое дело. "Двойной стандарт", — усмехнулся он, вспомнив любимую фразу Помпеева.

Номер его машины, конечно, не был таким, как у простого смертного, но это не главное, он в любой момент мог предъявить удостоверение помощника депутата или позвонить, куда следует. Стёкла, естественно, тоже затонированы в нарушение технических норм, но не сильно, сквозь них ещё что-то просматривалось, и так настоял он сам, ночью всё-таки действительно сложно пользоваться задним ходом, не видно мелких препятствий.

Он без приключений добрался до дома. Оставил машину на стоянке и поднялся в квартиру. Включил почти везде свет и телевизор на полную громкость, но технические средства не осветили его душу и не задавили звуками пустоту там. Кто сказал, что только женщины стонут от одиночества, мужчины тоже иногда готовы выть на луну.

Единственное отличие его от других — это то, что он не бегал от одиночества, а погружался в него. Он не уходил в запой, как многие, не ударялся в разгульное веселье с женщинами, а сидел дома, тосковал и злился. Он в такие дни старался и матери избегать, чтобы своё состояние не передать ей, не навещал и свой загородный дом, там всё напоминало о разрушенной семье.

Он не понимал своего истинного отношения к разводу с бывшей женой. В момент депрессии он часто вспоминал о ней. Иногда ему хотелось, чтобы она вернулась, но затем, почти всегда поразмыслив немного, он вслух злобно произносил: "Сука!" И

каждый раз, произнося это слово, точно не мог определить, кому или чему оно предназначалось: бывшей жене, сложившейся ситуации, или так он просто выпускал пар.

Правда, думая о жене, хотелось, чтобы у неё всё было плохо, чтобы не сложились отношения в новой семье, и тогда она позвонит ему, чтобы поплакаться, а он пошлёт её куда подальше. Но плохо было ему, а звонить ей и плакаться, он считал, что это ниже его достоинства. А хотя где оно достоинство, и каково? Он не представлял.

Да и вообще, жизнь свернула на какую-то дорогу, двигаясь по которой не ощущаешь азарта пути. Как говорится по-русски, "опостылело", а ещё сочнее — "обрыдла".

Его же бизнес ему стал не интересен. Он не мог самому себе дать ответ, зачем ему этот отель. "Зачем пыжиться, — думал он, — ведь, всё равно, олигархом не стану, вот если…" Он шагал по комнате, разбрасывая вещи раздеваясь, и почти вслух разговаривал сам с собой.

"Зацепил, кажется, зацепил. А-а, всё-таки есть червячок, будут ему вслед говорить, вон мол, пошёл владелец гостиницы". Понятно дело, на периферии хороший отель — это бзик, ну построят, но пройдёт время, все привыкнут и забудут. "Тогда появится новый бзик, и я в него влезу".

Вдруг его будто ударило током: "Тщеславие?!" Он остановился и замер, это нехорошее шипящее слово оказалось для него лекарством. Нет, он не излечился полностью от своих тревог, но просто ему стало чуть легче. Он увидел, что в комнате светло, что в телевизоре звучит приятная музыка, и в унисон с ней меняются кадры, и он знает, что это называется видеоклипом. Он почувствовал, теперь он знает и другое, что ему делать.

"Точно, уйду в депутаты. Диск — товар, пропажа — повод". Он прошёл в ванную комнату и начал делать то, что делал всегда перед сном, умываться и чистить зубы. В этот раз одиночество излечило его быстро.

Андрей проснулся мягко, словно вывалился из сна, прижался к чему-то, а оно не хотело держать его тяжесть. "Странно, вот почему я не помню снов?" — мысленно спрашивал он себя, лёжа на боку и рассматривая на тёмном экране телевизора в стенке напротив отблески изображений своего и спящей жены.

"Ладно, не помню, так не помню, а что у нас по плану сегодня?" — но тут его память озарилась другим воспоминанием, и его лёгкое утреннее блаженство испарилось. Вот уже третий день, после появления у подъездной двери объявления, он не знал, как ему поступить с диском. Позвонить, просто подбросить

или забыть обо всём и ничего не делать?

"Если не знаете, что делать, не делайте ничего, — эфирный афоризм, всплывший в сознании, решил все его сомнения, — действительно, пусть так и будет". Он встал, прикрыв своё место и спину супруги одеялом, и неожиданно ощутил, что утро ему приготовило ещё один сюрприз. "Интересно, что меня ещё ждёт, — общался он сам с собой, чистя зубы, — и в какой области, приятный или нет?"

Он прошёл на кухню и поставил чайник на огонь. До ухода на работу ещё было полно времени. "Зарядку для браслета, — а захотелось скаламбурить, — хвоста…" Нацепил браслет, окинул кухню взглядом, ища предмет, который подойдёт на роль тренажёра. Утвари полно, но двигать почему-то ничего не хотелось.

"А зачем понапрасну беспокоить? В чём смысл? — спрашивал он сам себя и неожиданно уставился на браслет, — а что если…?" Андрей присел на табуретку и начал мысленно прокручивать внешнее кольцо на браслете. Оно бесшумно двигалось, выполняя его волю. Вот совместились треугольная метка с такой же кнопкой, взгляд утопил её в серебристом теле браслета, как иголку в шарике ртути. Ему показалось, что вибрацию он больше слышал, чем осязал.

Чайник засвистел, выпуская пар через чёрный пластмассовый носик.

"Вот так всегда, на самом интересном месте, — слегка расстроился Андрей и раздражённо добавил, обращаясь к чайнику, — помолчи и остынь". Свист прекратился, а пар исчез. Удивлённый Хрусталёв сделал шаг и приблизился к плите, вместо того чтобы выключить газ и погасить горелку, он потрогал никелированный бок чайника. Металл был чуть тёплый.

"Вот он сюрприз — чая сегодня не будет", — озорно подумал Андрей, снял браслет и выключил газ.

Пришла весна. После малоснежной и тёплой зимы все как-то не заметили её прихода. Всем, даже деревьям и кустарникам, думалось, что это просто затянулась зимняя оттепель, почки никак не хотели набухать и раскрываться, боялись повторного обмана как в декабре. А сейчас середина марта, необычайно тепло для такой поры.

Хрусталёву вспомнился прошлогодний март, грязный и мокрый. Он улыбнулся, этот нравился больше. Тротуары открыты, а улицы кажутся шире и от того просторней. Его обогнала и подрезала синяя "шестёрка". Трое молодых бритоголовых юношей упивались скоростной ездой. Он не обратил бы на них внимание,

если они не мелькнули перед ним второй раз подряд.

Коротко стриженые под ёжик, угловатые, ещё мальчиковые черепа покачивались в такт движения автомобиля. Старенькая машина, с оторванным молдингом на левой передней двери и выступившими болячками ржавчины на порогах и краях крыльев, двигалась довольно-таки резво.

Сквозь стекло Хрусталёв рассмотрел салон и пассажиров. На заднем сиденье, покрытом белым матерчатым чехлом, полулежал на правом боку один из них. Левой рукой он жестикулировал в воздухе, то ли в такт музыки, то ли что-то рассказывая впереди сидящим. Справа от водителя пассажир в джинсовой куртке постоянно оглядывался назад в открытое окно, видимо снабжал информацией рулевого о помехах в своем секторе, т. к. зеркало заднего обзора было всего только одно слева.

"Где же вы такие вирус-то успели подцепить", — иронично подумал о них Хрусталёв. Вирус автомобильного щегольства поразил современную молодежь. Это они, любители голливудских боевиков, визжа покрышками и сжигая резину на перекрёстах, заставляют пешеходов на тротуарах вздрагивать и оборачиваться. Это они разбивают отцовские новые "Лады" и иномарки в хлам и не жалеют о них. Это они хотят быть крутыми, как в кино, но жизнь не кино, и украшенные траурными венками фонарные столбы напоминают об этом.

Андрей перестроился во второй ряд справа, чтобы не быть эскортом у потенциального чепе. Перед ним было свободное пространство, и он выбрал его, почти поравнявшись с "шестёркой". Весь трёхполосный поток двигался в одном ритме, приблизительно со скоростью семьдесят километров в час.

Впереди поворот и сужение дороги на одну левую полосу. "Шестёрка" вместо того, чтобы замедлиться и пропустить помеху справа, стала резко занимать его ряд, вытесняя его. Чтобы избежать столкновения, Хрусталёв притормозил и обиженно посигналил. Пацаны в машине вздрогнули и засмеялись, а пассажир на заднем сиденье, не оборачиваясь, поднял левую руку с одним средним пальцем, демонстрируя своё пренебрежение к сигналящему.

Благополучно миновали поворот, потеряв скорость, справа разгонялись иномарки одна за другой, не давая ни Хрусталёву, ни впереди идущей "шестёрке" покинуть свой ряд и обойти включившего левый поворот "Бычка". "Куда это он собрался сворачивать?" — недоуменно отслеживал ситуацию Хрусталёв, ведь до светофора ёще далеко.

Тандем иномарок динамично перестроился влево перед грузовичком, освободив для Хрусталёва пространство. Он

продвинулся вперёд и поравнялся с "Бычком", дальнейшее движение ограничивалось маршрутным автобусом. Сзади поддавливала иномарка, не давая "шестёрке" перестроиться. "Достали уже всех", — подумал Андрей о мальчишках, наблюдая в зеркало заднего вида их тщетные попытки, добиться от "форда фокуса" уступить им место. Переведя взгляд на пространство перед "Бычком", он усмехнулся, там было свободно до самого перекрёстка, но занять его не было никакой возможности: спереди не позволял совершить опережение автобус, сбоку сам грузовичок.

"Зилок" планомерно набирал скорость и вот уже поравнялся с автобусом, теперь уже Хрусталёв был наравне с "шестёркой". Автобус тоже прибавил, и в таком положении они, ускоряясь, приближались к светофору.

Загорелись стоп-сигналы у автобуса, и все начинали притормаживать, но у "Бычка" ещё полоса была сводной, и его водитель не спешил жать на тормоза. И так они вместе с "шестёркой" провалились вперёд.

"А что, хорошая позиция, убьём двух зайцев одним выстрелом, воспитаем и потренируемся", — Андрей даже слегка вздрогнул от такой мысли, но всё же опустил правую руку в карман пиджака и заставил браслет оседлать запястье.

Тем временем грузовик опередил автобус и приблизился к стоящим автомобилям на перекрёстке, начал торможение. За ним, как по команде, у всей колонны загорелись красные огни.

Машина Хрусталёва почти остановилась, а он продолжал с прежними усилиями тормозить, хотя можно было уже и ослабить давление на педаль тормоза. Он занят был другим. Концентрируюсь, Андрей пытался облегчить "шестёрку", приподнять её немного вверх и ослабить сцепление колёс с асфальтовым покрытием. Ему сначала показалось, что удалось осуществить задуманное, автомобиль слегка качнулся и ослабил давление корпуса на амортизаторы, увеличив пространство между крыльями кузова и колёсами, но дальнейшего подъёма не происходило.

Хрусталёв продолжал своё действие, но сомнение в успехе уже оформилось в лёгкий сквози. Он не собирался слишком концентрироваться, боясь потери полного контроля над своим сознанием. "Бычок" качнулся и встал как вкопанный, и в тот же миг в его заднюю часть ударила шестёрка. Андрей не услышал визга тормозов, а лишь глухой удар столкновения. Брызги мелких стекол фар посыпались на асфальт и дополнили аварию соответствующими звучаниями.

Было такое впечатление, что все с облегчением вздохнули, и

наступила полная тишина, в период которой не было слышно, как работают двигатели машин на холостом ходу. Включилась и заморгала аварийная сигнализация у "Бычка", водитель и пассажиры "шестёрки" пребывали в лёгком ступоре. Наконец опомнился тот, кто сидел справа от водителя, он открыл свою дверь, пытаясь выйти из салона на улицу, но его действия были нескоординированными и от того неловкими, потому чувствовалась медлительность и непоследовательность. Но его возня повлияла на водителя, и тот всё-таки пришёл в себя и опередил своего товарища, покинув машину первым и первым начав осмотр последствий аварии.

Последствия не были такими катастрофическими, разбиты обе фары, решётка радиатора, вмятины на крыльях, охлаждающая жидкость не смачивала асфальт под колёсами, значит, радиатор не пострадал.

Подошёл водитель "Бычка" и стал оценивать повреждения своей машины. В этот момент наконец-то остальные пассажиры "шестёрки" покинули салон и с криками: "Ты чё, козёл, ездить не умеешь, кто так тормозит?" — подступили к водителю грузовика.

В светофоре поменялся цвет, автобус начал движение, а за ним и Хрусталёв, проезжая мимо аварии и слыша обрывки фраз ругани, подумал: "Переживёте, наукой будет, возможно впредь по-джентельменски вести себя станете". Но подсознательно он искал другое, сканируя пространство, и вот, когда авария уже осталась позади, а поток набирал ритм и скорость, до него дотянулся тягучий и полный удивления и непонимания кван: "… проверял. Я же тормозил, тормозил, но почему как на льду зимой? Педаль тугая. Точно, "Бычок" — гад, специально зад подставил, пидер!"

Теперь Андрей дивился уже вместе с мальчишками. "Однако воспитания не получилось, более того, процесс регрессировал. Ну, дела!" Ему стало не по себе, не то чтобы совестно, а скорей даже горестно, оттого, что он ощутил себя мальчишкой, в плохом смысле, в смысле не проявил мудрость. "А может, не приобрёл? И возраст неожиданно пришёл один?"

Тем временем дорога совершила ещё один поворот, показался гаишник с радаром. "Знакомая ситуация. Ах, да! Три семёрки в прошлом году, и затем мой семейный отпуск накрылся медным тазом". Он благополучно миновал инспектора, скучающего на обочине и остановился на красный у светофора. "Всё так и не так. Прошлый раз ехидничал с семёрками, в этот раз предотвращал, щёлкая лишь по носу. Всё равно не по-христиански". "Тогда где грань между воспитанием и наказанием? Преподнести маленький урок, синтезируя ситуацию из возможного будущего? Это как квалифицировать? Как заботу о ближнем? Или уже как наказание

за неправильное поведение в настоящем?"

Машины покатили, и его "Лада" вместе со всеми. "Тук-тук", — постучалось оно, но это уже не пугало, а наоборот заставляло быть более внимательным. И он слушал, слушал самого себя.

"Новое оружие, сверхмощное, обладающее огромной разрушительной силой. Основным поражающим фактором является голубой огонь, энергия распада. Всё то, что создано искусственно человеком, и не имеет связи с Абсолютом, что не способно вбирать в себя, впитывать и аккумулировать электромагнитные силы вселенной, энергию космоса, распадается на молекулы и атомы, т. к. межмолекулярное и атомное притяжение изымается из их структуры. Распадается металл, текстиль, пластмасса, стекло. Свободная энергия собирается в огромный шар на месте, достигает критической плотности и возвращается обратно туда, откуда пришла. На месте распада объектов образуется новая материя — песок, и поглощает энергию, энергия уходит в песок, кучи песка, горы песка.

Поле боя. Наступают танки, бронетранспортёры, другая техника, солдаты в полной выкладке, авиация. Яркая голубая вспышка, буря. Голубой шар энергии растёт, выбрасывая в разные стороны голубые молнии, и высасывает на многие километры энергию покоя неживой материи. Техника начинает таять, как снег на солнце, обмундирование, оружие и снаряжение военных исчезает, распадается. Солдаты остаются голыми, ну прямо совсем, в том, в чём родила их мать. Они не могут понять, что произошло, осматривают себя и друг друга непонимающими и удивлёнными глазами и руками прикрывают свой срам. Нарастает оглушительный шорох, шар тает, вокруг сыпется песок. Гуманное оружие, направленное на обуздание агрессоров и захватчиков. Оружие защиты и воспитания, но не наказания и возмездия. Умное оружие, нет, скорее мудрое, и мы до него ещё не доросли".

"Однако странные фантазии, — оценил Андрей свои новые мыслеформы, — странные в утопической правильности. А возможно и нет, доктрина сдерживания — доктрина двойного стандарта. Изживём в своём сознании двойной стандарт, и придёт новая доктрина, доктрина воспитания, воспитания веры, любви и чистой правды". От такого анализа ему стало непривычно хорошо, и горечь разочарования, как неприятный осадок от той воспитательной аварии, неожиданно превратилась в тепло, мягко, волна за волной, растекаясь от сердца по всему организму.

Тем временем он покинул Пролетарский район и катил по широкой улице вдоль Волги. В проулках и тупиках, спускавшихся к берегу, между домами и строениями виднелась сама река, ещё

скованная льдом, но уже потемневшим и местами покрытым огромными лужами и целыми озёрами живой воды. На их глади весенний ветер играл рябью и тосковал по хорошей волне. "Похоже, скоро загремит, — почувствовав речную свежесть в слегка приоткрытое правое окно, перенёсся в своих размышлениях Хрусталёв, — и я, как всегда, пропущу ледоход".

Действительно, проживая в городе на крупной реке уже более десяти лет, он всего один раз застал это удивительное явление. Каждый раз поражаясь, вот она подо льдом и подо льдом, и вдруг — открытая вода.

Он выполнил правый поворот и теперь уже спускался к набережной. Припарковался у дома Марии, выключил двигатель, но не спешил покидать салон. Через лобовое стекло и далее свободное пространство улицы виднелся бетонный парапет набережной, у стенки которого наблюдали за спящей рекой несколько человек. "Эти точно не пропустят, да и эти тоже, — и он поднял глаза на девятиэтажку, стоящую на другой стороне улицы, — не увидят, так услышат наверняка".

Андрей уже собирался открыть дверь, уже взялся левой рукой за ручку, но что-то остановило его, и это что-то он впервые охарактеризовал как мыслительный канал.

" Если вдруг человек ослепнет, то перестанет получать готовые образы, чужие и чуждые, знакомые и близкие, ласковые и греховные, но не перестанет думать. Он научится читать пальцами на ощупь или слушать тексты через аудиосистемы. Его размышления рождают образы в его сознании, и он их выпускает в мир для других. Искры бесчисленных монад проходят через него и преобразуются в цивильные и доступные образы, в коня корм, он не зря коптит землю. Он творец, он сподобится богу, маленький божок, берёт пример с Всевышнего, работает и создаёт, а не потребляет, смешивая хорошее и плохое, превращая всё в иное — дерьмо и спуская в преисподнюю, т. е. в унитаз.

Книга умрёт? Глупцы. Интернет — это открытая книга. Это книга на новом уровне, но и классический вариант никогда не умрёт — это интим, это закрытое твоё. Там, над страницами, должно зарождаться то, что хочет твоя душа. И не мозг, глаза, уши, руки, желудок диктуют правильные мысли, а душа".

"Странно, хоть записывай, слушаешь мыслетрансляцию, словно подключился к специальному каналу, — и он перевёл взгляд на запястье правой руки, браслет не был снят, — так это ты?!" Он открыл дверь и покинул салон, пристально рассматривая браслет, ожидая почему-то чуда, вдруг предмет заговорит.

Браслет естественно молчал, сверкая и переливаясь яркими отблесками, но и поток иных мыслей прекратился, а сердце

радостно забилось, будто бы подтверждая: "Да, это так, ты угадал, ты понял, ты, наконец, постиг, что и вещи могут говорить, только нужно уметь их слушать".

"Залазь в карман — говорилка", — ласково и вслух произнёс Хрусталёв, опуская браслет в карман пиджака, и в тот же миг, устыдившись своих слов, посмотрел вокруг, пытаясь рассмотреть тех, кто мог услышать его слова. Но, не обнаружив никого, успокоился, захлопнув дверцу автомобиля и нажав на брелок сигнализации, двинулся к углу дома Марии.

Глава 15

Хрусталёв поднимался по лестнице вдоль розовых подъездных стен, в этом доме он лифтом не пользовался преднамеренно, желая каждый раз насытиться чистотой и порядком общественного помещения, чего не часто встретишь в других подобных местах. Вот только сейчас и здесь он начал составлять мысленный отчёт о проделанной работе, потому остановился между этажами у окна и, размышляя, залюбовался огромным кустом кротона в светлом пластиковом горшке под серый мрамор.

Куст не был стройным и высоким, как в цветочном магазине, а наоборот — раскидистым и шарообразным. Большие листья завораживали взгляд не только причудливой вытянутой формой, но и разной цветовой гаммой, вверху светло-зелёные с жёлтыми прожилками и крапинками, в средине уже темнее и сочнее, а внизу вообще тёмно-яркие и уже преимущественно бордового окраса.

Неожиданно для самого себя он просунул руку под листья и потрогал землю в горшке. Она была влажной. И тут он заметил мощный древовидный ствол, отпиленный на высоте приблизительно сорока сантиметров. От его основы по всей высоте отходили такие же древовидные отростки, но тоньше и чаще покрыты листьями, которые в своих окончаниях уже превращались в молодые и зелёные побеги. Вот они и создавали пышную кустистость.

"Да брат тебе досталось, — почти вслух сказал он про себя, трогая пальцами правой руки аккуратный чёрный спил ствола, — красота требует жертв".

"Всё-таки ощущается некая двойственность этого утверждения, почему мы подстраиваем мир под себя? почему не видим и не ощущаем его естественной красоты? И понятие Варева, вор — антивор — сторож, сторож — антисторож — вор, антивор и антисторож — это один и тот же человек, неверно. Между вором и сторожем не прослойка, а другое измерение, где антивор противостоит антисторожу. И мы стоим на пороге этого измерения, но смотрим сквозь него, наблюдая всё, что находится за ним".

Странный поворот в рассуждениях не отдалил его от реальности, а наоборот вернул в неё и заставил, наконец, прекратить созерцание красоты и порядка. Он двинулся дальше и уже остановился у приоткрытой по звонку с домофона металлической двери. Рассматривая светло-коричневый узор под

дерево на пластике, он медлил, но понять, почему не мог и, толкнув дверь, услышал голос Инны:

— Андрей Викторович, а я уже подумала, что вы просто не вошли в подъезд, лифт не щелкает, и шагов не слышно, за такой промежуток времени можно и до девятого этажа подняться, а не только до второго.

— Как всегда любовался вашими цветами, вот и задержался, — просто и без затей ответил Хрусталёв.

— А мы и не знали, что вы флорист? — вступила в разговор Мария.

— Вот теперь знайте, — полушутя, полусерьёзно ответил он, снимая верхнюю одежду, и тут же почувствовал вторжение, но ставить блокировку не стал, а наоборот помог и подбросил лёгкий скан-вопрос.

"Вам приходят иные мысли? Мне всё чаще и чаще. Я связываю это с браслетом. Он открывает чужой канал мышления или притягивает поток чужих мыслей".

"Продолжайте. Я понимаю вас".

"Что продолжать? Если действительно понимаете".

"Я вижу ваше психическое напряжение, но считаю вредно форсировать события".

"Никто не собирается ничего форсировать, наоборот, пробные кратковременные включения только способствуют дальнейшему продвижению и устраняют ощущение топтания на месте".

"Мы не топчемся, мы обретаем качество, совершенствуемся".

"Мир вокруг нас меняется, и мы должны идти впереди, а не следовать в кильватере изменений".

"Суждение не развито. Поясните".

"У нас могут возникнуть проблемы раньше, чем мы ожидаем".

"Что вас так напугало, подумаешь, с браслетом поговорили, ну и что?"

"Проблемы и в бизнесе, бывшим ментам из службы безопасности банка не нравится, что мы наступаем им на пятки".

"Рынок, конкуренция".

Обмен осуществлялся на ходу, он следовал за ней. Она, не произнося ни слова, завела его в большую комнату и остановилась у своего привычного места. Повернувшись, она перестала общаться телепатически, посмотрев прямо в глаза, пригласила его:

— Присаживайтесь, сейчас мы постараемся разобраться в ваших опасениях.

Он послушался и уселся за стол, выложив на его середину, по негласной новой традиции, браслет. Вещица преломила свет из окна и блеснула двумя лучами в противоположные стороны. Один

в его направление, другой, естественно, Марии.

"Вот оно связующее звено, — пронеслось у него, и тут же обратно, — это становится наваждением каким-то, если не грубее — манией".

— Разговаривать с предметами и самим собой для вас не является странностью? а ведь в народе таких людей называют чудаковатыми. Чудак рифмуется с нехорошим и неблагозвучным словом, да и смысл стоит где-то рядом.

— Это предвзятое суждение, ведь многие люди разговаривают с предметами и не считают это зазорным, хотя, возможно, не видят в этом никакой пользы. Это происходит непроизвольно, стремление поговорить прорывается из-под сознания и выглядит естественно. В такой момент, чем бы человек ни занимался, он подходит творчески к делу и слегка углубляется в себя, отстраняясь от окружающей действительности. Так поступают водители, ремонтирующие машины, компьютерщики, чинящие железо, программисты, устраняющие сбои в программах, и даже сантехники, ликвидирующие течь в кранах. Вы вспомните о похожих случаях в своей жизни, наверняка найдётся и у вас личный пример.

Лёгкость и простота рассуждений Марии, обескуражили Хрусталёва и заставили посчитать её доводы правильными и близкими к истине. И он действительно вспомнил забавный случай с компьютером, подрабатывая на заре массовой компьютеризации, он устанавливал одному предпринимателю складскую программу. Программа установилась нормально и работала, как и полагалось, но случались непонятные сбои. Девушка, которой предстояло с ней общаться, садилась под наблюдением Хрусталёва за клавиатуру, нажимала те же клавиши, что и он, и программа зависала. Андрей садился следом и, не перегружая систему, а шутливо говоря с ней, заставлял её работать. Окружающие посмеялись и отнесли такой курьёзный случай к негативной энергетике девушки, что недалеко от правды, но вот, что заставляло программу функционировать потом, никто тогда не обратил внимания, и лишь только сейчас Андрей постиг, что в этом что-то есть.

— Ну, так что там затеяли наши конкуренты, — прервала она его копания в самом себе.

— Я же сказал, что мы опаздываем, они уже почувствовали опасность с нашей стороны и потихоньку начинают подтачивать нашу ещё только формирующуюся репутацию всеми возможными способами, — переключился и он на рабочую волну.

Она молчала и ждала продолжения. Хрусталёв понял это и начал чётко по-военному излагать существо вопроса:

— Руководство банков в службу экономической безопасности набирает бывших милиционеров, в основном оперативников. Понятно, что они доступнее, чем фсбешники, но и методы их работы значительно проще, потому что они ближе к народу. Их навыки по выжиманию правды из подозреваемых более подходят для выбивания денег из неплательщиков по кредитам. В борьбе за показатели и из-за неопытности кредитных инспекторов невозвратные кредиты растут, как снежный ком, что портит уже другие показатели отчётности. Вся надежда на службу безопасности. Они потихоньку возвращали выданное, за что получали хорошую зарплату и неплохие премиальные. Но тут появились мы, показывая иные методы и иные результаты, оставляя без работы оперативников. Скажите, кому это понравится?

— Так что они предприняли? — не выдержала Мария.

— Они занимаются нашей клиентурой, создавая у них искусственные и неплановые финансовые трудности, выход из которых возможен, только если не платить кредитов. Вы знаете, и в этом они мастера, из пяти клиентов один следует обязательно по этому пути. У нас появляется процент брака, сопоставимый с прежними данными.

— Что предлагаете?

— Пока не знаю, но если мы втянемся в эту борьбу, то основная цель нашего сотрудничества отодвигается на второй план, а в перспективе на неё просто не станет хватать времени.

— Ну и?

— Пока рабочая обстановка позволяет, необходимо приступить к экспериментам с кнопкой.

— Хорошо, я согласна, вот сейчас прямо и начнём.

Быстрое и лёгкое согласие гадалки, озадачило Андрея, он явно был не готов к такой ситуации. Хрусталёв привстал со своего стула и, глядя Марии прямо в глаза, потянулся рукой за браслетом. Во встречном взгляде он не прочёл ничего, да и не мог. Андрею показалось, что мир вокруг сузился до неимоверно малых размеров и поместился у него в голове между правым и левым висками, отстукивая ритм: "Сейчас начнём, сейчас начнём, сей-час нач-нём…"

— Перемещайтесь в кресло к окну и будьте смелее и решительнее, — подбодрила его гадалка, — небольшая подготовка, и мы начнём.

Ночные плотные шторы поехали друг другу навстречу, делая полоску света всё тоньше и меньше, и когда та исчезла совсем, начало разгораться искусственное освещение, постепенно набирая силу. Андрей, наконец, взял себя в руки и, отодвинув

стул, сделал первый шаг в направлении кресла. Ощущение, которое он начинал испытывать, показалось до боли знакомым. Ватные ноги, сухость во рту и тошнота, но мозг уже начал борьбу с ниоткуда взявшимся страхом и давал совершенно чёткие и понятные команды.

"Так, пиджак будет мешать", — и Хрусталёв снял его, повернувшись и водрузив на спинку стула.

"Рукав рубашки расстегнуть, так удобней", — и он расстегнул пуговицу на правом рукаве бледно-фиолетовой рубашки.

"А теперь вперёд в кресло", — и Андрей пошёл к креслу, с трудом переставляя, словно не свои, а чужие ноги.

— Подождите, — остановила его Мария, — я переставлю кресло по-другому.

И она, проявляя расторопность, опередила его, первой оказавшись у надувного чёрного кресла, развернула его спинкой к окну и слегка отодвинула от стены. Теперь правая сторона оказалась свободной, и она, вернувшись к столу, принесла свой стул и поставила у этой стороны.

— Теперь можно, — пригласила она Хрусталёва.

Он, сделав несколько шагов, плюхнулся на сидение и, отпружинив, прижался к спинке. Поискал глазами взгляд гадалки, стал надевать браслет. Она, встретившись с ним взглядом, оценила его состояние, произнесла:

— Не торопитесь, успокойтесь. Сейчас я включу музыку, послушайте и, когда ваши эмоции улягутся, приступите.

Он закрыл глаза и постарался расслабиться. Лёгкая музыка с шумом дождя наполняла комнату и заглушала другие звуки, стук в висках и шипение, со звонким потрескиванием в ушах.

"Точно, как первый прыжок с парашютом", — подумал он и вспомнил то состояние. Боязнь, страх, тошнота, закладывание ушей, то ли от постоянного проваливания Ан-2 в воздушные ямы, то ли от страха. Вспомнив, он успокоился и, не открывая глаз, позвал мысленно:

"Вы где?"

"Рядом. Почему, вспомнив первый прыжок, успокоились?"

"После прыжка наступает блаженство и эйфория, и хочется прыгать снова и снова".

Мария сидела рядом на стуле и смотрела ему прямо в лицо. На её глазах выражение мимики Андрея менялось, от напряжённого с обострёнными чертами до расслабленного со счастливой, еле заметной улыбкой. Рука с браслетом лежала рядом на подлокотнике кресла и своей тяжестью слегка продавливала обшивку, создавая для себя нишу. Почему взгляд остановился на браслете, она не могла объяснить, просто

интуитивно почувствовала, что так надо.

И в тот же миг увидела, как браслет пришёл в движение. Андрей мысленно управлял им, но происходила необычная вещь, верхнее кольцо, зажатое между креслом и рукой, оставалось неподвижным, а подстраивалось внутреннее. Треугольная метка вынырнула из-под руки, продвинувшись к ромбу, остановилась. Кнопка потонула в теле браслета.

Она перевела взгляд на лицо, выражение оставалось спокойным и умиротворённым.

"Что чувствуешь?"

"Пока ничего".

Хрусталёв действительно не ощутил никакого изменения, лишь слабые вибрации браслета известили о том, что его мысленное пожелание исполнено. Спокойствие и лёгкое блаженство продолжало владеть его внутренним состоянием. Андрею захотелось спугнуть его, и он открыл глаза.

Комната потеряла углы, посредине стол с одним стулом и ноутбуком, справа Мария. Изображение лениво и не подаётся концентрации. Веки опустились, и пропал дискомфорт.

"Я засыпаю. Руки и ноги холодеют, а внутри разгорается тепло".

Темнота перед глазами становилась привычней, лишь некоторые проблески светлых пятен проявлялись иногда то тут, то там, но их можно было списать на проникающий свет сквозь слабо прикрытые веки. Но изменения проявлялись незримо, звуки музыки удалялись, и появился сначала шелест несвязанных между собой слов, а затем и отчётливый шепот.

— "… помоги ему".

— "Кому? Черникову?"

— "И ему тоже".

— "Так кому ещё?"

— "Механизатору".

— "Механизатору?"

— "Ты слышала?"

— "Как ты сам с собой беседуешь?"

— "Значит, нет. А сколько прошло времени?"

— "Меньше минуты".

— "Так мало?" — удивился Андрей и представил себе, как выглядит на часах минута. Неожиданно в темноте перед глазами возникли стрелки часов. Чёрные, одна короче другой, на светлом фоне циферблата с чёрными делениями и между стрелками одно деление, одна минута.

"Вот она какая, минута". Светлый циферблат перевернулся и исчез в темноте, появились другие часы — электронные. Зелёные

циферки ярко светились, последняя цифра восемь моргнула и сменилась другой — девяткой. "А вот другая минута".

"Так это я сам создаю и меняю образы. Нужно правильно захотеть. Захотеть того, чего хочется. Вот они откуда сказки: "Пойди туда, не зная куда, принеси то, не зная что".

"Куда же я хочу попасть и что хочу там увидеть?"

Он перестал слышать посторонние звуки, но обратил внимание на это лишь тогда, когда темнота перед глазами потеряла статику. Она двигалась! Нет, это он двигался в ней. Поначалу свет сквозь веки переместился вниз, а затем он перешёл через него, и тот исчез. Как при полёте в облаках он рвал тёмно-серые клубы тумана и всасывался чёрным пятном почти круглой формы. Динамика полёта усилилась, туман разорвался, но пятно в центре оставалось прежних размеров и продолжало притягивать его. Появились светлые короткие искорки, которые стремительно возникали из-за пятна и, не задевая его, двигались по внешней поверхности конуса, в котором, как ему казалось, он летел. Ему стало необычайно спокойно и хорошо, даже радостно, он летел в неизвестность, но нет ни страха, ни испуга, и это отличалось от сонных падений в детстве, когда всё тело сковывал ужас. Сейчас он свободен, и видит, что за бездной — свет.

"Ты где?", — его догнал знакомый скан.

"Между тут и там", — вырвался одиозный и раздражительный ответ.

"Пора заканчивать, уже больше двух минут".

Движение замедлилось, блаженство начало таять, и вместе со всем этим росло раздражение. Он отвлёкся, не зная, что предпринять и в тот же миг ощутил сначала правую руку и вибрацию на её запястье, а затем остальные конечности и всё тело. Не спешил открывать глаза, раздвигать светлую полоску, появившуюся вновь на прежнем месте. Ему не верилось, что всё закончилось, а хотелось туда, в полёт.

Послышалась лёгкая музыка, её тихое звучание нарастало, но теперь оно не было таким приятным и расслабляющим. Оно проигрывало безмолвию. Он открыл глаза, Мария отдёрнула свою руку от его запястья и спросила:

— Ну как первая тренировка?

— Потрясающе, — отвечал он, находясь всё ещё в лёгкой прострации, — я наблюдал только чёрно-белые тона, но у меня нет слов, чтобы передать это тебе.

— Вот этого я и боялась, ты станешь одержим, как Виктор в своё время, — произнося это, она встала и, взяв свой стул, понесла его к столу.

Он ощущал приятную тяжесть в межвисочном пространстве

головы, слабые отголоски того блаженства, поэтому продолжал сидеть не двигаясь и молчать.

Мария поставила стул напротив ноутбука и, повернувшись к нему лицом, присела на сиденье сбоку, положив левую руку на спинку. Отображение комнаты и гадалки было неустойчивым по дальности. Мария то приближалась к нему, то удалялась. Неожиданно чёрная юбка и бежевая кофта начали фрагментами становиться невидимыми, и он понял, что просто не контролирует себя.

Осознав это, Хрусталёв подал браслету первую разумную команду, и тот ослабил хватку, но сняться с руки не мог, так как ей же был и блокирован, придавлен к подлокотнику кресла. Андрей переместил руку на бедро и поймал браслет. Видения прекратились, блаженная расслабленность улетучилась, и осталось лишь одно утомление. Захотелось прилечь и отдохнуть.

— С вами всё в порядке, — наблюдая за ним, спросила Мария.

— Наверное, просто устал, — оправдывался он.

— Вы в состоянии поделиться или перенесём на потом? — продолжала она искать рабочий контакт с ним.

— Чем делиться? — вопросом на вопрос ответил он.

— Ну, хотя бы своим начальным диалогом с собой.

Он помолчал немного, поморщился и неожиданно потребовал:

— Да выключите эту музыку, она меня, наоборот, раздражает.

— Однако, — и она повернулась к компьютеру и указательным пальчиком правой руки нажала нужное, и музыка закончилась.

— Какие ещё будут пожелания? — возвратившись в исходное положение лицом к нему, полушутя — полусерьёзно продолжила диалог она.

— Никаких. А по поводу разговора…, кстати, этот диалог-то мысленный был, — продолжал сбивчиво вспоминать он, — потому, вы, и не слышали шёпота.

— Что за шёпот и о чём?

— Что за шёпот, не скажу, а вот о чём, — и он задумался на мгновенье и продолжил, — странно, меня просили помочь Механизатору.

— Я правильно вас понимаю — это ваш злой гений и дворовой террорист? — с лёгкой иронией произнесла вопрос гадалка.

— Да вы всё поняли правильно — это он.

— Между ним и вами существует психическая напряжённость, а на простой неприязни ей не сформироваться,

значит, в ваших отношениях произошло что-то более значимое, что не даёт вам покоя, — уже более серьёзно и с тональностью врача-психолога прокомментировала Маша.

— А вы что и медицинский закончили, чтобы вот так раскладывать всё по полочкам?

— Мне кажется, что и закончила, общаясь и с врачами, и в интернете лет пять подряд, пытаясь поднять Виктора из провала, — уже без иронии отвечала она.

— Есть у меня кое-какие проблемы с хозяином джипа, но я пока не готов ими поделиться, — обрубил он доверительную ниточку разговора и, встав с кресла, произнёс, — вы попытайтесь в банке разрешить выявленную проблему, а меня отпустите, пожалуйста, домой, мне кажется, что моё сознание утомилось и требует отдыха.

— Да, конечно, на сегодня достаточно работы. Мы продолжим, когда вы ощутите в этом потребность.

Уже сидя в машине, Хрусталёв, прежде чем запустить двигатель, посмотрел на часы. Визит к начальству длился не более сорока минут.

"Как по-разному бежит время там и здесь". И он поневоле стал опять прокручивать всё заново.

"Действительно, как перед первым прыжком с парашютом, сначала страшно, а потом хочется ещё и ещё".

И тут он вспомнил про Механизатора, и капля дёгтя в ложке мёда начала делать своё чёрное дело.

"Да всё-таки придётся разобраться с ним окончательно, иначе так и буду каждый раз возвращаться к этому вопросу и портить не только настроение, но и сознание, как вещает Мария. Но как это сделать?"

"Может позвонить ему по тому телефону, и всё само решится. Нет, наверное, так просто это не закончится".

Он запустил двигатель и стал выруливать с тротуара на проезжую часть, хорошо не было никакого движения потому, что делал он это неосмотрительно и неосторожно. Постепенно поднимаясь по склону вверх от Волги, Андрей обретал собранность и осмысленность в вождении автомобиля, встреча с загруженной городской магистралью окончательно вернула его в обычное русло.

Дома в рабочее время буднего дня, естественно, никого нет, и он повалился на диван, подмяв под себя мягкую подушку. Уснул почти сразу, только голова коснулась наволочки, единственное, что засыпая, он запомнил — это всё тоже тёмное пятно, к которому он стремился тогда и там. Оно быстро выросло из малого круга в огромную чёрную бездну и поглотило его,

растворив сознание. Андрей не пытался сопротивляться и погрузился в него. "Это всёго лишь сон, — успокаивал он себя мысленно, — а сон — это хорошо, это отдых для меня. Всё, спать".

Глава 16

Выборы, как обычно, прошли грязно и склочно, но для Ухваткина незаметно потому, что впервые в этих выборах у него не было никакого интереса. Городская дума его больше не привлекала и губернская тоже. Все устремления были направлены в Государственную, чтобы приезжать из Москвы и давать ценные указания, чтобы местная раздробленная элита, больше похожая на несговорчивых феодалов, заискивала перед ним и искала негласной поддержки, наперебой предлагая выгодные проекты, которые не могут осуществиться без его участия.

Дело оставалось за малым, выбрать партию, которая продвинет его наверх. Это оказалось не так просто. Чем меньше партия, тем амбициозней её представители в регионах, и тем выше их аппетиты. Предлагалась роль второго или третьего лидера за весьма существенные средства, но не было гарантий, что данная партия преодолеет семи процентный барьер. Партии крупней и солидней, которые по всем опросам проходили в думу, имели уже свой устойчивый список, и их руководители соглашались поставить его в некоторое выгодное положение в самом конце, естественно за такие же солидные взносы, но гарантировать, что весь список пройдёт целиком или его кандидатура окажется удачной, не могли.

Алексей стоял перед дилеммой и пока не видел путей её разрешения. Ему подсказали, что ларчик открывается совершенно просто, надо было лишь начать всё заблаговременно, двигаясь постепенно вверх по списку, отстёгивая ещё большие суммы и не только в партийную казну.

Но от такой народной правды, Ухваткин не поменял своих целей, у него по-прежнему оставались желание, против которого цейтнот и нехватка средств, и смутная надежда на раскрутку диска или на его продажу. Чтобы плыть в революцию чище, он продал загородный коттедж за восемь с половиной миллионов рублей. Деньги по его делам небольшие, но на мелкие расходы пригодятся, собственно и дом-то ему давно не нужен, не в деньгах дело, не было случая заняться им, а вот теперь представился.

Ухваткин всё же последовал совету милиции и провёл предварительную встречу со смотрящим Варевом Глебом Викторовичем. Глеб Викторович оказался приятным собеседником, но совершенно закрытым человеком. Он не сказал ни да, ни нет, а лишь только выспрашивал всё больше об информации на диске, а если высказывался, то только иносказательно.

Алексей не мог пока выложить, что значит для него диск, но пообещал Вареву крупное вознаграждение и возможность сотрудничества по данному вопросу, если появится заинтересованность.

Не прошло и трёх дней, как Варев позвонил и попросил о встрече. Это случилось накануне вечером, Ухваткин вернулся в свою холостяцкую квартиру после очередного бессмысленного рабочего дня.

Он только устроился у телевизора, начинался чемпионат по футболу, открыл бутылочку холодного пива, но после нескольких глотков напитка понял, что привычного комфорта не получится. Разведённого холостяка бывшие привычки больше раздражали, чем вели к спокойствию. И в этот момент раздался звонок.

— Алексей Иванович? — спросил незнакомый голос в телефонной трубке.

— Да. А с кем имею честь говорить? — слегка удивлённо отвечал Ухваткин.

— Это хорошо, что вы меня не узнали, богатым буду — шутка. Варев Глеб Викторович вас беспокоит, как вы выразились: "Ваша спасительная соломинка".

— Рад вас слышать, Глеб Викторович, что уже появились результаты? — с надеждой в голосе оживился Алексей.

— К сожалению, это не телефонный разговор, мы можем с вами встретиться? — вопрос звучал неестественно вежливо, ведь и так было ясно, что человек, кому и предназначался такой вопрос, искал и жаждал такой встречи.

— Да, конечно, можно прямо сейчас. Вы назовите место, — торопился с ответом Ухваткин, потеряв на секунду свою деловую выдержку и хватку умелого переговорщика и интригана.

— К сожалению, сейчас я занят, а вот завтра, если возможно, давайте, — растягивая слова и тем самым подчёркивая своё превосходство, отвечали в трубке.

— Назовите время и место, — уже более спокойно продолжил диалог Алексей, и в возникшей паузе он услышал в трубке вторящее эхо. Это был голос из телевизора комментатора футбольного матча.

— Завтра в четырнадцать тридцать на набережной в районе ротонды, весенним воздухом подышим, посмотрим, как ломается зимняя крепь. Устраивает? — опять вопросом, не требующего иного ответа, как лишь утвердительного, провозгласили в трубке.

— Да, вполне, — согласился Ухваткин.

— Тогда до встречи, — закончил беседу Варев и отключился.

— До свидания, — эту фразу Алексей произнёс по инерции, слыша уже короткие телефонные гудки.

Он нажал на отключение и, слегка недовольный собой, легонько бросил трубку радиотелефона на диван рядом. Поднял с пола бутылку пива, поставленную туда в начале разговора, сделал пару небольших глотков. В этот раз пиво пришлось кстати, увлажнив собой пересохшее слегка горло, да и вкус его оказался приятным.

"Дело сдвинулось с мёртвой точки, завтра посмотрим, в какую сторону", — оптимистически помыслил Ухваткин и уже с воодушевлением переключился на весенний футбол.

Но, уже сегодня двигаясь в потоке автомобилей в сторону набережной, он подрастерял свой вчерашний оптимизм.

"Знать бы по-настоящему, о чём они думают, что за ловушку мне готовят. Хорошо, наверное, быть каким-нибудь телепатом или магом, Джеймс Бондом мне не подойдёт, нет команды. А вот способности забираться в чужую голову и читать там истинные мысли мне бы пригодились. Интересно среди колдунов и магов есть богатые люди? Говорят, такие способности несовместимы с богатством. Почему? Меняется сознание или ещё там что-то и отнимает способности? А возможно они боятся потерять способности и не стремятся к богатству. Круче богатства только власть, значит у них власть. Но над чем, над душами или сознанием? Бред какой-то. Были бы у меня такие способности, зачем мне чьи-то души? Я бы их использовал по прямому назначению, и тогда бы не делал слепого выбора, не делал ошибок. А, возможно, это и есть самая главная ошибка. Опять бред какой-то".

Он вырвался из потока и начал спускаться по тихой улочке, ведущей к набережной. Здесь почти не было движения из-за запрещающего знака, и это для жителя даже небольшого мегаполиса казалось неестественным. Он прервался в своих размышлениях и стал выискивать место будущей парковки. Увидев свободное место между "ландкрузером" и ступенями к ротонде, он занял его.

Водительская дверь тёмно-зелёной "тайоты" открылась, и показался тот, с кем и предстояло встретиться Алексею.

Ухваткин теперь уже не спешил, делал всё обстоятельно, выключил двигатель, на заднее сиденье перебросил кейс, так на всякий случай, взглянул на показания табло климат-контроля. "Плюс пять". Посмотрел на своего будущего собеседника, тот был в черных пальто и кепке. Пальто не было застёгнуто, а пояс заправлен в карманы. Алексей оглядел себя в зеркало, поправил чёлку и, взяв кепку, открыл дверь.

Свежий ветер рванул с силой и показал свой совершенно не весенний нрав. "Это совсем не плюс, а, пожалуй, минус", —

поёжился Ухваткин, и уже не стесняясь, нахлобучил кепку на голову. Щёлкнув дверью и сигнализацией, он повернулся и вышел из-за машины к Вареву.

Глеб Викторович застёгивал пуговицы пальто, кутаясь от ветра, потому не сразу подал руки для приветствия.

— Извините, не ожидал, что здесь так свежо, — пояснил он свою затяжку с рукопожатием.

— Ветер с реки, а лёд как холодильник, — поддержал его сетования на погоду Ухваткин.

— Ну да ладно, пройдёмте уж к реке, коль выбрались сюда, — предложил Варев и показал рукой в сторону облупившегося парапета, который и обрамлял набережную.

Алексей кивнул и стал спускаться по ступенькам вниз.

Зевак на набережной было немного. Ледоход ещё не начался, хотя первые весточки к такому действу уже налицо. Лёд отошёл от берега метров на десять, изрядно потемнел, и был похож на крошево, но ещё не взбугрился и оставался плоским по-зимнему.

Они подошли к самому краю и взглянули на воду. На самом деле отставание передней кромки от берега было два-три метра, остальное расстояние ледяного полотна покрывала талая вода. К бетонной опалубке прибило мусор, который состоял не только из природных частиц: деревянных обломков, веток, прошлогодней травы и шелухи, но и отбросов цивилизации: пэт-бутылок, пивных алюминиевых банок, кусочков полиэтилена и бумаги, всевозможных лоскутков тканей и пластмасс.

— Представляю, что там на дне отложилось, — разочарованно произнёс Варев, перегнувшись через парапет и заглядывая под его основания.

— Вот это всё плывёт в Каспийское море, — поддержал сетование собеседника Ухваткин.

— Загадили природу, замутнили сознание, теперь взялись за души, — продолжал Глеб Викторович и повернулся спиной к реке.

— Это вы сейчас о чём? — поинтересовался боязливо Алексей и также отвернулся от реки.

Ему почему-то подумалось, что его недавние мысли стали известны собеседнику, а он, как и все суеверные люди, к которым никак не хотел себя относить, старался отталкивать всевозможный негатив любым доступным способом. С религией Ухваткин не дружил с самого детства, молитв не знал, потому и выдумал себе несколько фраз, которые, как ему казалось, оберегали его в таких случаях. Вот и сейчас он про себя произнёс: "Бред и чушь!" Всплеск беспокойства удалось погасить.

— Да всё о том же, — невозмутимо ответил смотрящий, —

давайте-ка лучше обсудим вашу проблему ещё раз.

Варев пристально взглянул в лицо Ухваткину. Оно казалось невозмутимым.

"Да вы мнительны или просто опасаетесь, значит, диск — мина? Не подорвать бы раньше, чем можно", — сделал он для себя неожиданный вывод, основанный на фальшивой интонации голоса Алексея.

— Что есть какие-то результаты? — всё-таки остатки волнения не удалось загасить.

— Есть. Я могу с уверенностью сказать, что вашу машину никто не вскрывал и, следовательно, диск не похищал, — твёрдо и без колебаний отчеканил Варев.

— С Никто понятно, а другие?

— За других судить не берусь, могу лишь посоветовать вам, найти настоящего экстрасенса или, как модно сегодня говорить, медиума и попытаться с ним добыть истину.

— Это становится наваждением, — усмехнулся Алексей, — что же мне посоветует медиум?

— К вопросу о сотрудничестве, — невозмутимо вытягивал нить беседы на свои интересы Варев, и снова посмотрел в лицо Ухваткина, — вы можете добыть информацию о некоторых людях?

— Смотря каких?

— Я вам сейчас покажу список, и вы оцените свои возможности, — он достал из внутреннего кармана пальто листок бумаги, сложенный вчетверо.

Алексей взял листок, развернул и прошёлся взглядом по трём фамилиям. Внутри пробежал холодок, но он держал паузу и старался оставаться невозмутимым. Варев ждал и не торопил с ответом.

— Мне нужно время на осмысление, — возвращая листок, как можно спокойнее выдавливал из себя фразу Ухваткин.

— Подумайте, подумайте, решение данного вопроса приблизит вашу цель, — пряча листок обратно в карман, мягко, словно мурлыча, вторил Глеб Викторович, — а вариант с медиумом проработайте серьёзно, вам же нужен скорый результат, а такой могут дать только они. Возможно, ответ не будет прямым, но они наведут вас на иной подход к проблеме, на иное мышление, которое позволит вам по-другому оценить ваше окружение и все те события, которые предшествовали потере диска.

Алексей молчал, подпирая спиной холодный бетон. Замолчал и Варев, поправив очки в золотой оправе и устремив свой взор куда-то вверх, в сторону многоярусной набережной,

нереспектабельный вид которой после схода снега характеризовался одним ёмким словом "видок". Каждый думал о своём, а возможно об одном и том же, и каждый, наверное, желал бы прочесть мысли другого, испытывая при этом неприязнь, друг к другу. В этот момент их желания просканировал ветер и налетел с такой силой, что они дружно взялись за свои головные уборы.

— Однако, — поправляя кепку, пробормотал Глеб Викторович, — нас, кажется, прогоняют.

— Согласен, нам пора покинуть эту аэродинамическую трубу и заняться другими делами в более гостеприимных местах, — обрадовался намёку на расставание Ухваткин.

— Вы поезжайте, будут результаты, созвонимся, — провожал Алексея Глеб Викторович, — у меня есть свободное время, я подышу стихией.

Ухваткин распрощался и с облегчением, подгоняемый ветром, стал подниматься по ступеням на первую террасу набережной к машине. Ему казалось, что толкал в спину его не только ветер.

"Что за парадоксальный список? Это просто провокация, подвох", — размышлял Алексей, поднимаясь по ступенькам. Список действительно странный: два местных высокопоставленных чиновника плюс депутат Госдумы от губернии. Все трое находились в непримиримой и давней вражде друг к другу. Вот этот факт очень сильно смущал Ухваткина.

"Странный субъект, каким образом сблизились они с Помпеевым? Кличка "Бульдозер" совершенно не подходит, очень осторожный, боится, но в пасть лезет. Помощник мэра, а вот мы мэра в помощники и возьмём", — и Варев достал из кармана сотовый. Поискав в электронной памяти нужный номер, он нажал на кнопку соединения.

Гудок вызова не томил в ожидании хозяина телефона, и в трубке послышался грубоватый мужской бас с элементами барства:

— Слушаю, Помпеев.

— Чувствуется вальяжность крупного начальника, хоть и бывшего, — вступил в разговор Варев, — приветствую вас, Владимир Петрович.

— Что-то не узнаю, кто вы? — по-хамски ответил Помпеев.

— Да бросьте, вы же не в мэрии, а я не проситель, — демонстративно пренебрежительно продолжил диалог Варев.

— Вот теперь узнаю, богатым будете, Глеб Викторович, здравствуйте, — издевательски поприветствовали на другом конце.

— Видимо мерзавцы одинаково шутят, — осадил его смотрящий.

— Это вы о чём сейчас? — изумлённо и настороженно спросил бывший мэр.

— Да всё о том же, — не прекращая пикировки, продолжал Варев, — как проводы на пенсию без пенсии прошли, весело и с размахом?

— Вас интересуют пикантные подробности или вы от безделья по делу звоните? — вопросом на вопрос ответил Помпеев.

— Да вот долги с неплательщиков собираю, забочусь о ваших процентах, чтобы не росли до критической массы, — не прекращал язвить Глеб Викторович, постепенно доводя собеседника до нужного состояния.

— Говорите прямо, что хотите, мы же не в мэрии, — примирительно запросил пощады Помпеев.

— Хорошо, тогда внимательно слушайте и запоминайте, чтобы не перепутать потом, кому цветы, а кому мороженое, — уже сухо и по-деловому быстро начал излагать суть звонка смотрящий.

Ветер забирался в мобильник, завывая и шурша, приглушал звучание слов и фраз, отнимая часть их энергии, и уже усиленный этим, сформировав очередной порыв, метнулся вверх по склону набережной. Там, встретив попутчика светло-бежевый джип, подтолкнул его, вложив часть энергии не только слов, но и уже своей, и понёсся дальше в город, чтобы окончательно потерять силу и завязнуть где-то в густых кварталах.

Удар воздушной стихии лишь слегка качнул тяжёлый джип. "Странно, ведь не боковой", — прокомментировал сам себе Ухваткин и вспомнил окончание фразы Варева, — "стихия…"

Недолго поколесив по городу, Ухваткин прибился к офису собственной фирмы, не представляя, чем он сейчас займётся, вошёл в здание и в этот момент услышал мобильник. На дисплее высветился номер Помпеева.

— Да, — ответил на звонок Алексей и остановился на вахте у охранника. Тот встал со своего места и поздоровался с начальством. Ухваткин небрежно кивнул в ответ.

— Здравствуй, Алексей, ты где? — в молодёжном, но не свойственном ему стиле, вступил в разговор Помпей.

— Привет, Володя, что соскучился? — с надеждой, что не придётся забивать стрелку с бывшим мэром, спросил Ухваткин.

— Если только самую малость, так сказать, ностальгирую по былым временам.

— Если мальчишник, то нет. Дел по горло, — лукавил

Алексей, стараясь как можно быстрей избавиться от назойливого Помпея. Но тот был настойчив.

— Да, я собирался встретиться с тобой и обсудить варианты своего временного трудоустройства.

— Что-то ты рановато по работе загрустил, отдыхай, ещё наработаешься, — уговаривал его Ухваткин.

— Ты в офисе сегодня будешь?

— Так я уже здесь.

— Странно, а мне секретарша ответила, что тебя нет на месте.

— Странно другое, издалека заходишь, справки наводишь, а потом вдруг на сотовый звонишь, что так?

— Ну, извини, хотел приехать, в офисе пообщаться.

— Подъезжай, я буду здесь некоторое время, но без всего этого, ты знаешь без чего, — сдался Ухваткин.

— Буду минут через двадцать.

— Хорошо, жду.

Он поднялся на второй этаж, прошёл коридором до приёмной. Секретарша, предупреждённая охраной, встретила его во всеоружии, с папкой и конвертами в руках.

— Оксана, привет, на подпись к заму, почту просмотрю потом, меня нет ни для кого, кроме Помпеева, — на ходу скороговоркой выдал Алексей и скрылся за дверью кабинета.

Оставив кейс у боковой стойки стола, он уселся в кресло и включил кабинетный компьютер. Пока тот запускался, он похлопал по карманам, словно искал что-то, хотя знал, что ему нужно, и где оно лежит. Затем достал флеш-карту, повертел нетерпеливо в руке, снял с разъёма предохранительный колпачок и, убедившись, что машина ещё не готова, положил накопитель рядом с клавиатурой.

Время тянулось медленно, и казалось, что система слишком долго грузится. "Сука, давно нужно было поменять это старьё, — нервно злился Алексей, но вспомнив про Помпея, улыбнулся, — тому сойдёт, кроме карт, один чёрт, ничем не занимается". Но улыбка тут же улетучилась, мысль о предстоящей встрече загасила её.

Отзвучало приветствие Windows, компьютер пригласил к работе. Ухваткин вставил флешку в разъём USB клавиатуры. Используя пароль, он раскрыл базу и стал просматривать её содержимое.

"Ничего толкового, это и всем известно, — комментировал он информацию сам для себя, — единственное то, что рядом с ними стояли люди, которых в свою очередь можно проверить и если что прижать". Он начал перебирать окружение нужных персон и

сравнивать со своей картотекой результаты поиска. Кое-что вырисовывалось, появились контуры возможных комбинаций. Алексей уже начал чертить квадратики алгоритмов, когда секретарша доложила по громкой связи, что прибыл Помпеев.

Алексей выругался про себя и начал всё сворачивать и прятать. Достал документы фирмы, разложил по столу, создавая видимость корпоративной работы.

Помпеев вошёл неторопливо, озираясь вокруг, словно он здесь был впервые и ожидал увидеть совещание в лицах. Красноватое, немного заспанное лицо наконец-то повернулось в сторону Ухваткина и расплылось почти в дружеской улыбке.

— Рад, искренне рад, — хрипловатым басом прогудел он.

— Приветствуем начальство, проходи, присаживайся, — вставая из-за стола и делая шаг навстречу для рукопожатия, отвечал Ухваткин, — чай, кофе или рюмочку?

— Я за рулём, — оживился бывший мэр, при слове "рюмочка", — но от кофе с коньяком не откажусь.

Он уселся справа в гостевое кресло, оглядывая рабочий беспорядок на столе Алексея.

Алексей, нажав на кнопку, произнёс секретарше:

— Оксана, пожалуйста, два кофе с коньяком, так как любит Владимир Петрович.

— Хорошо, Алексей Иванович, сейчас сделаю, — ответил динамик услужливым женским голосом.

— Уважаешь бывшее начальство — это хорошо, — откинулся самодовольно на спинку стула Помпей и достал пачку сигарет.

Ухваткин хотя сам и не курил, но держал в кабинете пепельницу для высоких персон, поэтому сразу пододвинул её по диагонали стола к Помпею, а сам встал и, подойдя к окну, приоткрыл его. Вернувшись на место, он повёл неспешную светскую беседу, как обычно ни о чём и обо всём.

Вошла секретарша, расставила чашки с дымящимся и ароматным кофе и удалилась, виляя бёдрами. Помпеев проводил эти движения похотливым взглядом. Разговор продолжился, в процессе которого выяснилось, что Помпей планирует начать работу в фирме только под осень к выборам и останется лишь в том случае, если Ухваткин пройдёт в Думу. Попросил немного денег на летний отдых, обещал помощь по мере своей сегодняшней возможности.

— Чем сейчас ты сможешь помочь, разве только информацией, — посетовал Ухваткин, подводя беседу к финальному концу.

— Не скажи, Алексей, круг моих знакомств настолько обширный, начиная от науки и артистов и заканчивая всякими

колдунами и экстрасенсами, может что-то из бывших связей тебе пригодится, — возразил бывший мэр.

— Вот кстати, а знакомого медиума у тебя случайно нет? — подхватил идею о связях Алексей.

— Медиума? — удивлённо поднял брови Помпей, — да я не знаю даже, кто это, а тебе зачем?

— Да морока с диском, ну помнишь, я рассказывал тебе, — нехотя пояснял Ухваткин.

— Слушай, давай у моего знакомого экстрасенса спросим про медиума, — неестественно участливо предлагал свои услуги Помпей.

Он достал свой мобильный и начал поспешно перебирать записи в электронной памяти аппарата, беззвучно шевеля губами и бровями одновременно. Наконец отыскав нужную запись, Помпей с удовлетворением нажал на кнопку соединения. Ожидая ответа абонента, он заговорщицки и дружественно подмигивал Ухваткину. В телефоне что-то ответили, и Владимир Петрович, прекратив ужимки, сделав выражение более серьёзным, начал общение с человеком при помощи достижений технического прогресса.

— Здравствуйте, Даниил Маркович, — протяжно басил он, — с вами говорит Помпеев, не забыли ещё?

— Вот и ладненько, как ваше ничего?

— Хорошо, когда хорошо.

— Что звоню, да вот такой странный вопрос возник и думаю, вы по старой памяти сможете мне помочь.

— Какие деньги? — в этот самый момент Помпеев густо покраснел, — пустяки, вы мне лучше поясните, кто такой медиум и с чем его едят?

На другом конце эфира возникла пауза, которую ощутил даже и Ухваткин, но затем речь и комментарии Помпея возобновились.

— Даже так, одно и то же. Тогда выходит, что ты мне и нужен.

— Ну, не совсем мне, другу моему, помощнику бывшему.

— Да диск у него пропал компьютерный, не знает, куда он делся.

— Конечно нужный, все ищут и не могут найти. Можешь пособить?

— Ухваткин Алексей Иванович, хорошо, перезвонит.

— Лады и я рад. Всего хорошего.

Удовлетворённый Помпеев нажал на кнопку прекращения связи и спрятал телефон.

— Ну, вот позвонишь Даниилу Марковичу и договоришься о

встрече, — обратился он к Ухваткину, вырисовывая номер телефона на жёлтом квадратном листочке.

— Кто такой твой протеже и почему у него такие странные инициалы? — Алексей заинтересовался происходящим и стал рассматривать записи на листке после передачи ему Помпеем.

— Инициалы похоже надуманный псевдоним, а на самом деле психотерапевт, плюс ко всему парапсихолог и дипломированный экстрасенс. Говорит, что медиум — это его устаревшее название, больше ироничное, — пояснил Помпеев.

— Хорошо, я оставлю телефон и подумаю, — согласился Ухваткин, вклеивая листок в свой ежедневник.

— Ну, естественно, для этого я и писал, — удовлетворённо пояснял Помпеев.

Глава 17

"Писать грамотно, говорить грамотно и культурно, конечно, важно и нужно. Так должен поступать любой современный молодой человек. Но, с другой стороны, правила русского языка, словарный запас находятся в постоянном движении, видоизменяются, подстраиваются под новые условия, а мысль как была, так и осталась на прежнем уровне. Неважно, какими словами и по каким правилам она доводится, главное здесь соль — то, что в ней ценное и новое, что подвинет общество или того же молодого человека к своему новому мышлению, что побудит его стать лучше и качественней как человека, настоящего человека, человека, понимающего любовь и исторгающего доброту".

На такие мысли Хрусталёва навела передача по каналу "Культура". Блуждая по каналам в выходной день, отказавшись от шопинга с супругой, он натолкнулся на интервью с ректором одного регионального педагогического университета. Ректор, инициатор проекта и разработчик программы всеобуча для жителей региона, поддержал своего губернатора, издавшего указ о борьбе со сквернословием, и открыл службу скорой лингвистической помощи, оптимистически докладывал, что телефон лингвистической "неотложки" раскалывается от звонков.

"Всеобуч и борьбу с безграмотностью мы уже однажды проходили и куда вырулили, опять туда же, — продолжал размышлять он, — хороший словарь Даля, но опять говорят, устарел и интересен только для специалистов, выражаясь по Задорнову: "… узкому кругу ограниченных людей".

"Ходим по кругу и не можем никак его разорвать, вот и с Марией всё не так, говорим о правильном мышлении, стараемся очистить сознание от лишнего, а сами придумываем варианты обмана, как скрыть истинные намерения от других. "Интуиция, ведомый и ведущий", к чему всё это ведёт? Возможно, честность и открытость позволит нам преодолеть непонимание между мирами. Или опять вариант Черникова, получается: "… только бледнолицый брат может вторично наступить на грабли".

"Не хочу быть бледнолицым, — Андрей неожиданно остановился посреди комнаты, всё это время он расхаживал взад вперёд, не замечая и не обращая внимания на то, что он делает, — вот ещё в школе учат: будь честным, добрым, отзывчивым, терпеливым и толерантным. И тут же говорят, какой плохой мальчик, с ним не стоит водиться, дружить. Вот те раз, где же те правильные понятия — испарились. Значит всё в нашем

сознании, которое формируется мышлением или наоборот. Похоже, я запутался".

Он присел на диван, телевизор что-то демонстрировал, но его это не трогало. Ему захотелось, чтобы открылся тот канал с иными, как казалось, правильными мыслями, но канал молчал.

"Вот сейчас к месту, а его нет, почему? Не согласен? Или нечего добавить?"

Он снова встал и начал ходить по комнате, накручивая круги и заодно своё психическое состояние новыми мыслями. Опять остановился:

"Браслет! Заведу будильник на две минуты, нет на четыре, и войду. Страшно? Нет. Опасаюсь неизвестности? Нет, жажду расколоть орешек. Тогда вперёд, всё получится".

Он решительно прошёл в соседнюю комнату, отлепил от монитора браслет и вернулся обратно. Выключил телевизор, поставил в электронных часах будильник на сигнал через пять минут, надел браслет и уселся на диван.

Закрыл глаза и приказал браслету совместить метку с кнопкой. Тишина. Вибрация. Возбуждение жжёт огнём изнутри и не даёт почувствовать и услышать самого себя. Но вот жжение вытесняет приятная теплота. Он понимает, что успокаивается и вместе с покоем приходит то, что видел и пережил однажды.

Снова тёмное пятно мешает увидеть, что там впереди, и полёт уже не полёт. Пятно раздражает и препятствует наслаждению полётом.

"Как в детстве, чёрная бездна отвлекает от падения. Да, так, как в детстве".

Неожиданно движение прекратилось, темнота обняла сознание, посерела, а затем, вообще растаяла. Появилась картинка, мальчик семи-восьми лет подходит к двери зелёного деревенского домика, с раскрытыми ставнями и большим фанерным прямоугольником над входом, имеющим деревянное обрамление и надпись жёлтой краской посредине. Надпись состоит из двух частей: отчётливой и читаемой "Магазин", и второй, трудновоспроизводимой, сливающейся в еле заметные, скорее начертания, чем прописные буквы.

Открывается дверь, и он входит в наполовину застеклённый тамбур домика, сквозь стёкла и защитную панцирную сетку просматривается помещение магазина. Он с усилием оттягивает тамбурную дверь с пружиной и проскальзывает внутрь. Дверь хлопает негромко, но стёкла тамбура предательски звенят, чем вводят мальчика в явное смущение, и посетители разом оборачиваются и осматривают вошедшего. Белокурый мальчишка, слегка втянув голову в плечи, пристроился в конец очереди из

двух человек и натужено выдавил из себя: "Здрась-те".

Женщина, лет тридцати, за которой встал мальчик, приветливо кивнула, продавщица, с одутловатым лицом и заретушированным пудрой кровоподтёком под левым глазом, сурово промолчала.

"Здравствуй, сынок", — за всех ответила добродушная и разговорчивая бабушка в тёмном цветастом платке, синей шерстяной кофте и чёрной длинной юбке по самый низ щиколоток ног, обутых в запылённые летние сандалии.

"Ты, чей будешь?" — спросила она, достав из небольшого кулька карамельку, и протянула мальчишке. По лицу скромняги пробежал румянец, но он всё же взял угощение, ответив при этом "Спасибо", а вопрос оставил без ответа.

Бабуля повернулась к продавщице, которая в этот момент отвешивала на весах манную крупу. В руках она держала большой алюминиевый совок с деревянными ручкой и тыльной стороной, из которого небольшими порциями добавляла манку в холщёвый мешочек, стоявший на весах.

"Вальк, это чей?" — обратилась уже к ней с повторным вопросом бабушка.

"Витьки Хрусталёва", — пробурчала та и, закончив взвешивать, воткнула во что-то под прилавком совок.

"Что ещё?" — спросила она, не поднимая глаз, сняв с весов мешочек и поставив его перед покупательницей.

"Так это же я, так это же обо мне говорят", — донеслось где-то, в удалённом сознании Андрея.

"Как это может быть?" — возник сам собой вопрос. Он наблюдал всю эту картину со стороны, даже не со стороны, а откуда-то сверху. Видел самого себя из детства, белобрысого мальчугана в цветастой рубашке с закатанными рукавами, летних выцветших тянучках, коричневых плетёнках с чёрными носками на ногах и зажатыми в кулачке бумажными деньгами.

Неожиданно ощутил и запах. Запах пряностей от селёдочного маринада, халвы, подсолнечного масла, мятных пряников и драже, керосина, резины новой обуви и велосипедных покрышек. Запах сельпо.

Он обозревал всё вокруг откуда-то из-под потолка помещения, и ему казалось, что приложи сейчас какое-то усилие, и он перевернётся и увидит сам дощатый, крашеный серой краской, потолок. Но как это осуществить он не представлял и продолжал видеть только то, что было под ним.

На длинном и широком прилавке коробки с пряниками, печеньем развесным, карамельными и шоколадными конфетами, поднос с оплавившейся халвой, укрытой пропитанной холщёвой

бумагой, нож с деревянной ручкой и длинным, широким, тёмным лезвием, с прилипшими к нему кусочками халвы, синие весы с красной стрелкой посредине.

За прилавком проход и полки вдоль стены для товара. На полу прямо под полками размещены: ящики, деревянный с сухарями и большой фанерный, наполовину заполненный спичками; мешки, бумажный с макаронами и холстинные с мукой, сахаром, пшёнкой и гречкой. К внутренней стороне прилавка, ближе к глухой стене, прижаты две деревянные бочки, одна с маринованной сельдью, другая — килькой.

На нижней полке сразу за продавщицей ряд картонных коробок. В первых двух коробках драже "Мятное" и "Морские камушки". Далее две с сигаретами "Прима" и "Астра". В оставшихся — папиросы "Волга", "Волна" и "Беломорканал".

На средней полке штучный товар. Консервы — "Бычки в томате" и "Морская капуста". Сырки — "Плавленый" и "Дружба". Соль, сахар "Рафинад", печенье "Привет" и вафли в пачках. Сигареты с фильтром "Ява 100" и без — "Солнце" и "Шипка".

Выше консервация и спиртное. Трёхлитровые банки с маринованными зелёными помидорами, берёзовым соком и консервированными яблоками в сладком прозрачном сиропе. Бутылки по 0,7 литра с тёмными вермутом и портвейном и по 0,5 прозрачные, одна с высоким горлышком "Экстра", другая с низким, но зелёноватым стеклом и надписью "Водка".

Полки разрывались входом в подсобное помещение, которое было полутёмным, но проникающий из зала свет вырисовывал ящики с бутылками, какие-то мешки и коробки. Собственно вход в подсобку разделял магазин на два отдела, продовольственный и промтоварный. Прилавок перед входом, оснащённый перекидным щитом на петлях, при его поднятии, позволял из зала пройти в подсобку и в заприлавочное пространство.

Вторая половина магазина по своей структуре была зеркальным отражением первой и отличилась лишь товарным ассортиментом. Здесь на прилавке лежали два рулона с клеёнкой и один с непонятным тёмным материалом, то ли шерстяным, то ли суконным, определить который более точно визуально из-за скудности освещения невозможно, разве лишь только на ощупь. Между рулонами затерялись деревянный метр, ножницы огромного размера и кусочек мела.

На полках, сразу от проёма в подсобку — парфюмерная секция. Одеколоны "Тройной" и "Шипр", лосьоны "Огуречный" и "Розовый", духи "Ландыш" и "Красная Москва", а также мыло "Цветочное" в пачках, "Банное" и "Хвойное" без упаковки, вазелин в маленьких круглых баночках зелёного цвета, зубные щётки и

паста в тюбике и прочий не очень нужный, но всё же раскупаемый населением товар — шпильки, булавки, иголки и нитки.

Далее всё вперемешку: обувь, одежда и головные уборы. Красные и белые кеды невероятных размеров, чёрные блестящие галоши, женские туфли и тапочки, мужские летние сандалии, платки, косынки, чёрные мужские трусы и синие майки, полотенца, сложенные стопочкой, светлые шляпы в дырочку. Зацепившись крючками прямо за край полки, на плечиках висели женские кружевная синтетическая комбинация и два ситцевых домашних халата, непонятной и неприятной расцветки.

Со стороны зала, прислонённые к прилавку два велосипеда: чёрный большой "Сура" и подростковый поменьше, зеленоватой покраски "Салют".

Бабуля достала из красной авоськи белую пластмассовую литровую бутыль, с выдавленными буквами на лицевой стороне "Белизна" и, протянув её Валентине, произнесла: "Мне бы маслица постного с литр". Продавщица, взяв бутылку, удивлённо произнесла: "Так она из-под хлорки! Тёть Маш, ты её хоть мыла?"

"А как же, несколько раз, даже кипятком обдавала, да ты не беспокойся, я уже второй раз в неё масло наливаю", — засуетилась баба Маша, испугавшись, что продавщица не станет в такую тару отпускать масло.

Валентина подняла перекидной прилавок и вышла в зал, проходя мимо мальчишки, бросила на ходу: "Андрюш, если опять за водкой для отца — не дам, я предупреждала". Лицо мальчишки покрылось пунцовыми пятнами, но он оставался стоять на своём месте.

За него вступилась молодая женщина: "Пацан — то в чём виноват? Что его попусту гонять? Ты вот Витьке самому и говори".

"Да говорила уже и не один раз", — отвечала Валентина, пристраиваясь к деревянной бочке с подсолнечным маслом, стоящей в углу, образованного тамбуром и капитальной стеной. Каким образом происходил разлив масла по мелким тарам, для многих всегда оставалось загадкой. Механизм казался простым, кран внизу бочки, глубокий поднос на полу с ковшиком. Сверху в крышке бочки проделана дырка, и в неё вставлена длинная ровная палка. Продавщица, облачённая в синий рабочий халат, начала поднимать и опускать палку, и из крана полилось подсолнечное масло, подставив горлышко бутылки из-под хлорки, она наполняла её вязкой янтарной жидкостью.

В этот момент открылась входная дверь и, в тамбуре оказался мужчина в пиджаке и фуражке. Он распахнул вторую остеклённую дверь и вошёл внутрь магазина. Дверь, получившая

большой размах, очень сильно хлопнула, стёкла тамбура загремели и задребезжали. Звук усиливался и приобретал новую тональность, больше похожую на электронный зуммер.

"Будильник!" — молнией пробежала догадка, где-то рядом, чуть в стороне.

"Браслет!" — вторила ей другая.

Изображение пропало, словно кто-то задёрнул штору, серую, состоящую из плотного сумеречного тумана. На правой руке почувствовалась вибрация, и штора тоже исчезла, осталась только темнота прикрытых век.

Андрей нехотя открыл глаза. Что он испытывал в это миг? Какие эмоции и мысли бурлили в его голове? Сам он не мог их квалифицировать, хотя нет, есть такое определение — хаос.

Он продолжал сидеть на диване некоторое время, потерявшее измерение и, не осознавая, где он и что перед ним, направлял свой невидящий взгляд вперёд и вниз, как там.

— "Что случилось?" — неожиданно знакомый скан начал выводить его из лёгкого ступора.

— "Что случилось?" — повторил вопрос он сам себе.

— "Да, что-то произошло такое, что интуитивно заставило меня прочувствовать и встревожиться", — не сдавалась Мария.

— "Я побывал в детстве" — скорее для себя, чем для кого-то пояснял Хрусталёв.

— "Вам приснилось? Вы спали? Или…?"

— "Да то, что ты подумала".

— "Чем же ты там занимался?" — Мария так же перешла на "ты".

— "Ходил отцу за водкой".

— "Откровенно правдиво. Это бывало на самом деле?"

— "Да. И не один раз. Просто я об этом почти забыл".

— "Хотите ещё чем-то поделиться?"

— "Если самую малость…".

— "Внимаю".

— "Нам с ними нужно быть предельно честными и откровенными, тогда всё получится".

— "Ты уверен?"

— "Абсолютно".

— "Какие откровения ещё готовы получить свободу?"

— "С остальным я ещё не разобрался. Как только, так сразу".

— "Надеюсь и жду".

Последовала пауза и уже казалось, что обмен прекратился, но Хрусталёв не выдержал и продолжал:

— "Мне нужно очистить моё сознание от тёмного пятна".

— "Это уже что-то новенькое".

— "Да, неприязнь и вражда с Механизатором, мешают моему сознанию".

— "Так что же произошло между вами?"

— "Я позаимствовал из его авто компьютерный диск, и теперь этот диск все ищут, в том числе и милиция. В настоящий момент не знаю, как вернуть".

— "Что на диске?"

— "Электронная картотека компромата".

— "Давно это было?"

— "Третий месяц уже пошёл".

— "Ничего не делайте, завтра при встрече более подробно обсудим и примем правильное решение".

Хрусталёв остался со своими мыслями в одиночестве, т. к. обмен с Марией закончился, а проблема давила.

"Как вернуть? — продолжал он рассуждать, — просто позвонить по тому телефону, что до сих пор болтается на кусочке бумаги у входа в подъезд. Попросить вознаграждения. Как я объясню, что диск его. Что все ходят по улицам и дворам и поднимают диски, которые лежат без присмотра, суют их в свои компьютеры, взламывают пароли и определяют по содержанию, кому принадлежит диск. Вот попал. Взять оказалось намного проще. Может позвонить, встретиться, объяснить правдиво, извиниться и вернуть. Механизатор — человек неподготовленный, скорее всего, пригласит специалиста, а уж тот — санитаров. Смешно. Вот и говори правду, врать нельзя — молчи. Молчать нельзя. "Чтобы ни говорили — правду не скажут". Это входит не только в искусство дипломатии, но и в жизнь простых людей, коль об этом складывают афоризмы. Многие иное считают пустотой, мракобесием и сами остаются пустыми во мраке".

Зазвонил телефон и прервал копание Андрея в себе. Елена спрашивала в который раз, какие лезвия покупать. Ответив ей, он уже не вернулся на прежний ход мысли, а переключился на то, что видел в этом удивительном путешествии.

"Да всё так и было. И магазин, и эти походы за водкой, которые я так ненавидел. Тётю Валю помню, остальных нет. Почему всё, в том числе и себя, видел сверху, а не со спины? Ведь это просто моя память, усиленная браслетом. Возможно, я ошибаюсь. Шёл за одним, а пришёл к другому. "Чаще всего сбывается неожиданное". Опять афоризм, вот выражение засело в голове, а фамилии автора нет. Наверное, эти мысли просто не его, человек занимается собирательством народных мудростей. Возможно, опять ошибаюсь".

Он встал с дивана, включил зачем-то телевизор, ведь

смотреть не собирался. Покрутил в руке браслет и отнёс его в другую комнату на привычное место. Там достал из стопки диск, осмотрел внимательно поверхность, словно ища какие-то незамеченные раньше знаки и, не обнаружив ничего нового, оставил на столе у клавиатуры на видном месте, чтобы завтра, уходя на работу, не забыть прихватить его с собой.

Глава 18

Ухваткин, поднимаясь по лестнице в свою квартиру, на площадке второго этажа захватил из почтового ящика бесплатные газеты и различные по размеру и полиграфии рекламные буклеты, которыми так часто засоряют места общего пользования фирмы и предприниматели, все жаждущие оказать недорогие и нужные, по их мнению, услуги населению. Это одно из различий домов обычного и элитного, когда твой почтовый ящик используют как обычную мусорную корзину. Не защищает от вторжения курьеров и рекламных агентов ни железная дверь с кодовым замком, ни подъездный домофон, то ли дело консьержка за стеклом в просторном холле.

Непроизвольно рассматривая приглашения на открытие супермаркета, на посещение распродажи изделий из камня, несколько вариантов досуга с женскими именами, услуг саун и казино, он так увлёкся всей этой белибердой, что и не заметил, как перешёл к чтению бесплатной газеты с телевизионной программой и массой разнородной рекламы. И первое, что ему бросилось в глаза, колонка с предсказательницами, как потомственными, так и дипломированными, гадалками, ясновидящими и прорицательницами, которые, кроме как заглядывать в прошлое, предсказания будущего и помощи в настоящем, обещали со сто процентной гарантией настроить на удачу, устранить соперников и врагов и преодолеть полосу невезения.

"Да хорошо бы было решать все проблемы таким образом, — мысленно обсуждал он прочитанное, — не понятно лишь одно, кто умудряется давать им лицензии, формирует их модули, как проверяется сто процентная гарантия, и насколько такие услуги реальны и востребованы, а не абсурдны". Он оставил весь этот хлам на столике в прихожей вместе с ключами от квартиры и, бросив последний взгляд, задержался на рекламе от потомственной гадалки Марии, обещавшей кроме всего стандартного, но и нечто своё — помощь в отыскании пропавших вещей.

"А вот это уже может быть и интересно посмотреть, да и послушать".

"Хорошо, сходим к хвалёному экстрасенсу, а потом к ней и сравним результаты, по крайней мере, развлечёмся, если всё окажется чепухой".

Он извлёк из кейса ежедневник, отыскал страницу с вклеенным жёлтым листком. Набрав нужный номер, стал ждать

соединения, но услышал лишь короткие гудки, абонент был занят.

"Не очень приятный знак для начала, но с другой стороны — работает, пользуется популярностью. Хм, а может просто болтает от безделья. Подождём".

Он прошёл в комнату, включил телевизор, хотел снять галстук, но мешал телефон, посмотрел, куда его пристроить, но так как собирался им воспользоваться в ближайшее время и, не найдя подходящего места для такого момента, просто бросил на сиденье дивана.

Переодевшись в домашнее, прошёл на кухню, открыл холодильник, привычного пива не оказалось.

"Чёрт", — выругался он про себя, вспомнив, что собирался заехать в супермаркет за продуктами. Алексей отправился в прихожую, снял трубку стационарного телефона, отыскал в базе номер пиццерии, заказал доставку и за дополнительный бонус, как постоянному клиенту, пива и креветок. О такой услуге он договорился лично с хозяином ещё полгода назад, когда вот также попал в патовую ситуацию. Что не говори, а прогресс двигают лень и холостяки.

Он вернулся в комнату и, усаживаясь на диван, поднял с сиденья сотовый телефон. Повторный звонок психотерапевту оказался более удачным.

— Даниил Маркович? — по странной привычке начинать телефонной разговор, произнёс Ухваткин, словно он звонил не по индивидуальному номеру, а в какое-нибудь общежитие или хуже того, в коммунальную квартиру с общим телефоном и вечно враждующими соседями.

— Добрый вечер. Это Ухваткин, если помните — протеже Помпеева, — представлялся Алексей.

— Я хотел бы встретиться с вами, — пояснял он цель своего звонка.

— Завтра в одиннадцать? Устроит. А где? — уточнял он место встречи.

— Седьмая поликлиника? Ни о чём не говорит.

— Налоговая Кировского района? Знаю, конечно.

— Я и не подозревал, что в одном здании. Хорошо, двести седьмой кабинет. До встречи.

Закончив телефонный диалог и отключившись, он встал и поменял местами телефон с пультом управления, последний пришлось извлечь из ниши стенки рядом с телевизором. В ожидании доставки заказа он бесцельно менял кабельные каналы, стараясь подыскать что-то, что соответствовало его сиюминутному настроению, но психическая деятельность его

мозга, сформировавшая настроение, и не прекращающееся мышление уже не давали возможности сосредоточиться на чём-то конкретном.

Из его подсознания непроизвольно всплывал яд рекламы и продолжал отравлять сознание. Мысленно он возвращался к прочитанному: "Мария — отыскание пропавших вещей". Наконец, не выдержав гнёта нарастающего любопытства, Алексей снова взялся за телефон и позвонил.

Разговор с секретаршей гадалки длился утомительно долго, хотя каждый раз, когда Ухваткин, готовый уже было вспылить и прекратить общение, та меняла тему расспроса и умело уводила его от психического срыва. Наконец, закончив анкетирование, она по его просьбе назначила ему встречу на завтра после обеда.

"Блин, что уже за обучение секретарш ФСБ взялось", — подумал он после окончания разговора, но развить тему не успел, раздался перезвон домофона.

"Вот и пивко приспело, молодцы, хвалю", — вставая с дивана, он поспешил к входной двери.

Он не любил беспорядка, и почти всегда не отходил от своих принципов, но в этот раз допустил слабость и устроился с пиццей и пивом прямо в комнате на журнальном столике перед телевизором. Утолив жажду и голод, но, так и не изменив линию мышления, а лишь добавив в свои рассуждения абстрактности, он продолжал терзать своё сознание:

"Почему некоторым всё, а другим ничего? Ну, почему? Двойной стандарт? Бог, если ты есть, помоги мне! Чушь! Нет тебя, и не было. Не пью, не курю, веду приличный образ жизни, а счастья нет. Одержим идеями, женат на них? Да, это есть, но что в том плохого. Просто у тебя любимчики и забытые напрочь, заброшенные. Да, везде двойной стандарт. Весь мир так устроен. А попросту нет тебя, нет в этом мире. Люди выдумали миф о тебе, чтобы несчастных утешить, чтобы ловким удобней толкаться локтями, продираясь к своим целям.

А может в церковь сходить? Попросить у батюшки благословения на… разбой. А ведь ходят и просят, и благословляют. Скрывают правильными словами свои мелкие делишки, а мелкими положительными делами — большие отрицательные дела.

Те, у которых всё есть, одаривают церковь и детские дома, пиарясь и раскручивая себя, когда о них начинают забывать, а ведь признания хочется, значит, опять чего-то не хватает.

Да, я верю в светлое будущее, в технический прогресс, в автомат Калашникова, в "BMW", в конце концов.

Однокурсник Колька Кулагин тоже верил в светлое будущее,

хотя жил настоящим. Говорил в своё время: "Жизнь нужно прожить так, чтобы не было больно за бесцельно прожитые годы, чтобы, оглянувшись назад, увидеть горы пустых бутылок, толпу женщин, одёргивающих юбки, и никогда и ни о чём не жалеть".

Интересно, думает ли он сейчас так, сидя уже второй год на нарах? Из замминистров в ЗК. Не усвоил правила двойного стандарта, развернул критику не в ту сторону, и вот результат.

Что не говори, Помпей прав: "Кесарево кесарю, а кесарево сечение лоху". В народе проще трактуют: "Каждый сверчок — знай свой шесток".

Я не лох, а шест мой выше. Всё у меня будет, когда достигну намеченного. Сами прибегут".

Утром вечерний оптимизм не испарился, как это происходит обычно, а даже немного возрос. Ухваткин старался не думать о предстоящих встречах, но это, как всегда бывает, сложно подавить, и ему ничто уже не казалось важнее, чем то, что ранее считалось необычным и абсурдным, а теперь, возможно, принесёт облегчение и сдвиг в его стремлениях и хлопотах последних дней. Конечно, иллюзорный шажок, но всё же движение вперёд, а не топтание на месте, по крайней мере, так ему представлялось.

Время тянулось медленно. Алексей, не дождавшись и десяти часов, отъехал от офиса, оправдывая для себя ранний старт возможными пробками, хотя самой езды до места назначения не было и пятнадцати минут.

Поток машин иногда выводит из себя, а бывает и, наоборот, успокаивает. Водитель со своим авто как бы вливается в артерии города и уже живёт не своими заботами, а общими стремлениями достичь какой-то мифической дельты, и вот там он вместе со всеми обретёт покой и уверенность в том, что двигался в правильном направлении.

Наконец томительное ожидание осталось позади, и он без пяти одиннадцать уже держался за ручку двери с табличкой за номером двести семь. Стучаться он не привык, так как считал для себя это действие унизительным, присущим чем-то сродни прислуге, потому и не ассоциирующимся с вежливостью и тактичностью.

Человек в белом халате, сидящий за столом в конце комнаты у окна, что-то писал, как и подобает врачу на приёме, даже не повернулся в сторону Ухваткина.

— Здравствуйте, — первым вступил в диалог Алексей, — вы Даниил Маркович?

— Здравствуйте, — ответил врач, продолжая писать, — а вы Ухваткин?

Алексей кивнул и сделал шаг вовнутрь, пересекая незримый порог между кабинетом и коридором.

— Проходите, — поддержал его Даниил Маркович, — присаживайтесь в кресло, так как вы пришли чуть ранее обусловленного срока, я позволю себе закончить начатое. А вы пока осмотритесь, попривыкните. Это недолго, буквально две-три минуты.

Сбоку справа у стены стояли два кожаных кресла, неприятного и непонятного цвета, какого-то оливково-бирюзового. Ухваткин присел на второе, которое ближе к незанятому стулу, напротив доктора. Кресло оказалось мягким и удобным. Непроизвольно он начал осматривать содержимое кабинета.

Отличительной чертой данного помещения являлись белизна и чистота. Всё вокруг было светлым и белым, за исключением двух элементом мягкой мебели, на одном из которых Ухваткин и сидел.

"Скорей всего спонсорская помощь от благодарного клиента, — сформировался лёгкий ироничный тезис в голове у Алексея по первому впечатлению от увиденного, — на, боже, что нам не гоже".

Белый навесной потолок с трёмя вставленными в него светильниками дневного света представлял собой, так называемый евроремонт казённого типа, пористые стены с накатом подтверждали это. Слева от двери, между стеной и высокой раздвижной ширмой, обтянутой стерильно белым материалом, раковина тюльпанчиком с поворотным краном, пластиковый мусорный контейнер рядом. Небольшое и аккуратное зеркало, вделанное в стену и обрамлённое кафельной плиткой, ниже полочка для мыла, сбоку полотенцедержатель с вставленным бумажным рулоном.

Ширма фактически разделяла кабинет на две половины. Плотный материал не позволял рассмотреть, что там за ней. Вход располагался прямо сбоку от доктора, тому не составляло труда встать и, сделав пару шагов, оказаться в закрытом пространстве.

За спиной Даниила Марковича — белая дверь с вставленной в замок связкой ключей.

"Личные апартаменты", — иронизировал про себя Ухваткин. Действительно, догадка казалась верной, так как личных вещей доктора нигде не наблюдалось.

Офисный функциональный стол стоял прямо у окна, с широким из белого пластика подоконником, на котором за продольными жалюзи прятались цветущие фиалки в трёх небольших керамических горшочках.

На стене, за стулом клиента, ещё один цветок с густыми и узкими зелёными листьями и свисающими гроздями, детками.

— Ну, вот теперь я весь в вашем распоряжении, — произнёс Даниил Маркович, закончив заполнять какую-то медицинскую форму и закрыв её.

— Вам, наверное, вкратце обрисовал суть проблемы Помпеев, — как-то нехотя начал Ухваткин, но его тут же перебили.

— Что мы будем играть в детскую игру — испорченный телефон, рассказывайте как на духу.

Алексею пришлось изложить всё с самого начала. Он старался делать свой рассказ более подробным, не упускать мелких деталей. Наверное, повествование ему удавалось, потому что Даниил Маркович внимательно слушал его, не перебивал. В момент монолога они рассматривали друг друга, Ухваткин даже попробовал помериться взглядом, но не выдержал и больше попыток не повторял.

Перед Алексеем сидел черноволосый мужчина не старше сорока лет, с карими живыми глазами. Лицо по форме представляло собой овал, слишком вытянутый по вертикали и ссуженный по горизонтали, но имело правильные черты, которые делали его приятным.

Алексей почувствовал, что его тоже рассматривают, и от этого ему сделалось неуютно и неприятно, потому концовка изложения получилась скомканной, и, как казалось, ему не удалось чётко сформулировать собеседнику цель своего визита.

Ухваткин замолчал и опустил взгляд.

— Да не переживайте так, — вник в ситуацию Даниил Маркович, — дело, как говорится житейское, чем можем — поможем. Я погружу вас в лёгкий транс, попытаюсь высвободить ваше подсознание и пообщаться с ним. Пообщаюсь со знакомым духом по вашему вопросу, а потом подведём итог.

При слове "дух" Алексей не сдержался и натянуто улыбнулся.

— Напрасно, напрасно, я спиритических сеансов не провожу, в своей лечебной практике этим тоже не балуюсь, но кто меня хорошо знает, не сомневается в моих способностях, — пояснил экстрасенс, заметив улыбку на губах Ухваткина.

— Вы извините меня, я просто никогда не сталкивался ни с гипнозом, ни с людьми, которые разговаривают с духами, — оправдывался Алексей, — отсюда и мой скептицизм.

— Хорошо, давайте переместимся на кушетку и займёмся делом, а по окончании всё обсудим более обстоятельно, — предложил Даниил Маркович, поднимаясь со стула.

Ухваткин встал с кресла и прошёл за ширму. Там стояла

высокая медицинская кушетка, с трансформируемой по вертикали ложей, поднятой так, что, заняв её, можно было находиться в полусидящем положении. Покрыта она была кипенно белой простынёй, а там, где у пациента должны оказаться ноги, её поверхность обтягивал прозрачный полиэтилен. В углу у изголовья стояла треножная штанга с крюками вверху, то ли вешалка для лёгкой одежды, то ли приспособление для постановки больным капельницы.

Ухваткин снял пиджак и повесил на один из крюков треноги. Помедлив немного, он ослабил узел галстука и присел на кушетку, ожидая от доктора дальнейших указаний.

— Вы, если не изменяет мне память, Алексей Иванович, разрешите мне для простоты общения называть вас по имени, — спросил тот.

— Пожалуйста, если так необходимо, — неожиданно для себя согласился Алексей.

— Вот и прекрасно, Алексей, ложитесь, а если туфли вам мешают, можете их снять, — предложил Даниил Маркович.

Ухваткин сначала сделал наклон корпуса и руки вниз, но потом передумал и улёгся на кушетку в обуви.

— Займите удобное положение, расслабьтесь и смотрите в мою сторону, можно поверх меня, если стесняетесь моего взгляда.

"А я не стесняюсь", — подумал Алексей, взглянув экстрасенсу прямо в глаза, и отключился.

Даниил Маркович повернулся и, сделав пару шагов к двери, открыл её.

— Выходите, — произнёс он тому, кто находился за дверью, — у нас есть несколько минут, оглашайте свои вопросы.

Из дверного проёма показался Глеб Викторович Варев собственной персоной.

— Узнайте у него, что за информация на диске, — тихо озвучил он свой первый вопрос.

Доктор взял пациента за запястье и спросил:

— Алексей, ты слышишь меня?

— Да.

— Ты будешь говорить со мной?

— Да.

— Что за информация на диске?

— Картотека.

— Что в картотеке?

— Компромат.

— На кого?

— На многих.

— Спросите, где сами документы, — вполголоса вклинился в опрос Варев.

— А где сами документы? — продолжил доктор.

— Там указано.

— Спросите, есть ли компромат на губернатора и прокурора, — поспешно поправил линию допроса Глеб Викторович.

— В картотеке есть данные на губернатора?

— Нет.

— На прокурора?

— Нет.

— На их родных и близких?

— Да, — последовало после небольшого замешательства.

— Ты знаешь, где сейчас диск?

— Нет.

— Ты потерял его?

— Нет.

— Оставил в машине?

— Да.

— Вернулся, а его нет?

— Да.

— Спросите, есть ли резервная копия? — снова проявил своё участие Варев.

— У тебя есть резервная копия?

— Да.

— Ты боишься, что диск попал в нехорошие руки?

— Да.

— Ты хочешь продать резервную копию?

— Да.

— Кому?

— Не знаю.

— Предлагал кому-нибудь?

— Нет.

— Кому хочешь предложить?

— Не знаю.

Даниил Маркович развернулся в сторону Варева и махнул ему свободной рукой. Глеб Викторович понятливо кивнул и двинулся в укрытие. Когда за ним закрылась дверь, гипнотизёр ровным и спокойным голосом обратился к пациенту:

— Алексей, я сейчас досчитаю до трёх, и ты откроешь глаза.

На слове "три" Ухваткин очнулся и поднял веки. Даниил Маркович стоял рядом с ним и держал запястье его правой руки. "Пульс измеряет", — подумал Алексей.

— Как себя чувствуете? — спросил доктор.

— Нормально, — ответил пациент.

— Ну и славно, если хотите, то переместитесь в кресло, — произнеся это, экстрасенс отпустил его руку и, подойдя к столу, уселся на своё место.

Алексей поднялся и, развернувшись, спустил с кушетки ноги. Почувствовав опору, он встал в полный рост и поправил галстук, затем снял пиджак с треноги и просунул руки в рукава, но застёгиваться не стал. Выйдя из-за ширмы и двигаясь в сторону кресла, он вопросительно посмотрел в сторону доктора.

Даниил Маркович понял, что от него ждут и первым нарушил паузу:

— Отрицательный результат — тоже результат. Сеанс прошёл успешно, диск вы действительно утратили тем способом, о котором и рассказали, — прокомментировал экстрасенс результаты гипноза.

— А что сказал ваш дух? — слегка иронично поинтересовался Ухваткин, усаживаясь в кресло.

— Вы присядьте и попытайтесь мысленно сконцентрироваться на дне пропажи. Что тогда происходило? Какие действия вы производили с диском? Если даже ничего не вспомните, просто прикройте глаза и посидите молча минут пять, не отвлекая меня от медитации, — произнёс экстрасенс.

Алексей откинулся в кресле, опустил веки и стал вспоминать тот зимний день. Целостной картины не получалось, так обрывки: магазин, флэшка, диск, компьютер, двор, джип, птичье дерьмо. Сделав небольшую щелочку, он подсмотрел, чем занят доктор. Тот сидел за столом с закрытыми глазами и слегка запрокинутой назад головой. Спина была ровной, плечи расправлены, руки ладонями опирались о поверхность стола. Никакого движения во всём теле, лишь только губы, казалось, шевелились.

"Йог медитирует, — иронизировал про себя Алексей, но мешать не стал". Он снова закрыл глаза, но концентрации не получалось, голова была пуста как барабан, и нужно было какое-нибудь внешнее воздействие, чтобы она загудела и выдала что-нибудь путное.

Так прошло несколько минут тишины.

"А, что я, собственно, желаю знать? Ну, естественно, кроме диска. Я желаю знать, есть ли жизнь после смерти. Я умру, и моё желание исполнится. Так просто. Чушь", — последнее слово прозвучало резко, как выстрел, и он открыл глаза.

Даниил Маркович, скрестив руки на груди, без проявления эмоций, наблюдал за ним.

Ухваткин дёрнулся, оторвался от спинки кресла, тем самым придал туловищу вертикальное положение, но нарушать тишины

первым не решился.

— Должен вас вторично огорчить, — отозвался на его приглашение к диалогу экстрасенс.

— Что так? Дух не пришёл? — разочарованно спросил Алексей.

— Да нет, сеанс состоялся, только вот ясности не прибавилось, — ответили ему.

— Что он сказал? — продолжал расспрашивать Ухваткин.

— Сказал, что диск растворили силы из бестеневого мира, и что он не имеет туда доступа, — несколько сконфуженно оправдывался Даниил Маркович.

— Что означает "бестеневой мир".

— То и означает — мир без теней.

— Всё понятно. Тогда конкретный вопрос — сколько я вам должен? — Ухваткин поднялся и потянулся рукой во внутренний карман за бумажником.

— Нисколько. Я сожалею, что не сумел вам помочь, но так иногда бывает, — произнеся это, Даниил Маркович в свою очередь встал из-за стола с явным намерением распрощаться с клиентом.

Алексей всё правильно понял и задерживаться в кабинете не стал. Пожав на прощание руку, он направился к двери, но та была закрыта, и ему слегка пришлось повозиться с внутренним замком, прежде чем открыть её, недоумевая при этом, когда и кто успел поработать с механизмом.

Как только замок защёлкнулся вновь, открылась другая дверь, и из внутренней комнаты вышел Варев. Хозяину кабинета пришлось посторониться, чтобы пропустить потаённого гостя к креслам. Но Глеб Викторович садиться не стал, а повернувшись лицом к доктору, спросил:

— Это вы его так развели?

— Что значит развёл? — недоумённо переспросил экстрасенс.

— Не придирайтесь к словам, вы прекрасно знаете значение выражения, — настаивал на своём смотрящий.

— Ну, хорошо, если вам так нравится, — согласился с ним доктор, но всё же добавил, — только ему я сказал правду.

— Что действительно существует "бестеневой мир"?

— Да. Над нами мир духов, над ними — мир мысли.

— Так ладно, тогда перейдём к мёртвым американским президентам, — неожиданно сменил тему Варев.

— Простите, к каким президентам? — удивлённо переспросил Даниил Маркович.

— Мёртвым. Сколько долларов вы мне задолжали?

— А вот вы о чём. По-моему, около трёх тысяч.

— Долг ваш списывается. А вот это за хлопоты и молчание, — и он выложил на стол сто евро, — мог бы и больше, но номер за вашей спиной не люксовый.

Они распрощались, и Даниил Маркович облегчённо вздохнул, когда входная дверь закрылась во второй раз, достал сотовый телефон, активировал нужный номер и стал ждать соединения. Абонент упорствовал, долго не отвечал, но экстрасенс был настойчив, он как будто знал, что так и должно быть. Наконец соединение произошло, и у сторонних наблюдателей могло создаться впечатление, что разговор происходит в странной форме, словно абонент общается с автоответчиком:

— Это — Медиум. У меня есть информация по проекту "три".

Произнеся эту фразу, Даниил Маркович нажал кнопку прекращения соединения и вздохнул второй раз, но уже по-другому, ему было стыдно и противно.

Вздохнул и Ухваткин: "Одну пустышку облизали, выглядит это маниакально, но я пойду до конца". Он запустил двигатель джипа, включил радио и отъехал от поликлиники ко второй намеченной цели, на встречу с гадалкой.

"Через полчаса он будет здесь. Как только поставит машину, припаркуетесь рядом и выложите диск тем же способом, что и извлекали, ну, например, в вещевой ящик, так называемый в народе, бардачок. Дадите мне картинку вещей, и я ему подробно их опишу. Пусть потом думает, что у него склероз начался", — инструктировала Мария Хрусталёва по поводу Механизатора.

"Действительно, необычайно просто, как пропал, так и появился", — скан одобрения сформировался сам собой.

Андрей вышел из подъезда гадалки со злополучным диском в руках вовремя, так как серебристо-бежевый джип уже припарковался в неудобном и тесном дворике, ещё немного и они с Механизатором могли столкнуться лицом к лицу.

"Однако его сжигает нетерпение, коль так спешит. А машину поставил неудобно для меня", — отметил Хрусталёв про себя, удаляясь к противоположному дальнему торцу дома, чтобы не встретиться с Ухваткиным. Заворачивая за угол, он боковым зрением увидел, как Механизатор вышел из джипа и поднял голову вверх, словно рассматривая крышу девятиэтажки.

— "Он прибыл", — передал он Марии без надежды, что ему ответят.

— "Спасибо, я поняла, — неожиданно его отблагодарили, — ждите, сообщу, когда можно приступать".

Усевшись в салон своего авто, он нацепил браслет и не стал дожидаться команды, а решил проверить содержимое джипа.

Корма джипа возникла сразу из стены. В салоне на заднем сиденье кейс, но не от ноутбука. Переднее правое кресло, выпуклая крышка ящика для вещей. Темновато, но приспособившись, Андрей наблюдает знакомый полиэтиленовый файл со страховым полюсом, у него, наверное, такой же, четыре футляра, каждый с CD диском внутри.

"Вот и славно, где четыре, там и пять, — пронеслось само в голове". Покинул джип, стал дожидаться команды, выложив на панель прозрачную коробочку.

"Он занят, можно начинать".

Прикрыв глаза, он утопил треугольную кнопку на браслете. Лёгкая привычная вибрация. Сквозь веки он видит на панели коробочку с диском. Она закружилась в тёмном вихре и, распавшись на мелкие точки, исчезла. Теперь ящик, вот он, такие же прозрачные коробочки, раздвигаем, и снова тёмные точки, диск на месте.

"Вот смотри где, — передал он Марии картинку".

Выдохнул, словно гора свалилась с плеч. Он несколько минут сидел отрешённый от всего, ему не было интересно, как быстро спускался Механизатор по подъездной лестнице, как рылся в бардачке и как застыл изумлённый, найдя нужный диск, а затем, держа его в руке, пошёл обратно к гадалке.

"Он вернулся, — выдернул его из лёгкого забытья знакомый скан".

"Я не люблю оставаться в должниках, — оправдывал свой повторный быстрый визит Ухваткин, — у вас оплата по факту, а факт вот он в руках, и почему я его раньше не заметил, словно, кто глаза отводил". Он достал бумажник и, подумав, вытащил сто евро и положил на стол перед Марией.

— Спасибо, — поблагодарила она его.

— Это вам спасибо, а ведь в душе насмехался, не верил, идя сюда, — искренно говорил Ухваткин, — а потерянную удачу сможете вернуть?

— А вы про меня из объявления узнали? — вопросом на вопрос ответила Маша.

— Да.

— Ну, тогда там должны быть и другие, вот они такими вещами и занимаются, я только реальными. Настроить на удачу сможет и хороший психолог, вы обратитесь к медицине, — посоветовала она.

— Что ж, совет ваш дельный, возможно, я им и воспользуюсь, — вполне серьёзно произнёс Механизатор.

И он, смущённый, лишённый лоска и презентабельности, засуетился и, торопливо распрощавшись, вышел.

Глава 19

Весна вступала в свои права, природа поверила в её приход, и перемены не заставили себя ждать. Каждый день приносил обновление, стало больше солнца, зелени и цветов, но люди всегда в хорошем отыщут плохое. Можно подумать, что каждый в своём кармане носит пипетку, заполненную жидким дёгтем, в надежде, что когда-нибудь представится такая возможность накапать в мёд.

"Началось", — сердито мыслил Андрей, разочарованно освобождая поверхность автомобиля от липких и пахучих почковых оболочек тополя. Само дерево было в стороне, но умудрялось одарять округу весенним мусором не только под собой, но и в радиусе трёх-четырёх метров. Всё бы ничего, но жёлтая смола, выделяемая почками, застывала на лакокрасочном покрытии и удалялась только лишь специальным составом, не повреждающим лак, но растворяющим её основу.

"Закончатся липучки, полетит пух", — продолжал он сетовать самому себе на естество природы, освобождая подошвы обуви от липких наслоений, прежде чем забраться в салон. Пока он вытирал об асфальт кроссовки, две новые оболочки появились на лобовом стекле и капоте.

"Нет, нужно бежать отсюда, умные люди здесь машин не ставят", — накручивал он сам себя. В подтверждение своих слов оглядел двор, машин, можно сказать, не было, за исключением его и незнакомой "шестёрки".

"По дачам разъехались, и Механизатор не показывается". Он спешно покидал двор, с чувством досады от явного проигрыша борьбы с деревом. "Потом уберу", — успокаивал себя, наблюдая уже три новых куколки, две на капоте и одну на стекле.

"Механизатору не помешало бы свой джип здесь поставить, потом на мойку, во двор и опять на мойку, так и катался бы. Нет, он потом поехал бы к гадалке и спросил, кто это из его джипа кулич хочет сделать, а узнав, что тополь, — спилить и нет проблем".

Андрей мысленно переключился на своих соседей по балкону, лет пять назад заехавших в средний подъезд. С их приездом исчезли черёмуха, берёза и ива. Солнца им не хватало, и деревья неожиданно засохли. Теперь солнца слишком много, жарко, пришлось кондиционер ставить. Под шум кондиционера отдых проходит комфортней, чем в тени под шелест листьев.

"Что же получается, нам и так плохо и по-другому нехорошо. Капризничаем, кто виноват? Никто. Прогресс виноват. Тополь с

машиной борется, не нравится, что дымит. Точно, если бы не машина, внимания не обратил на эти почки. Падают и падают раз в год веками, и вот те раз, не туда падают. Сразу обоснование готово, тополь — мёртвое дерево, древесина ни к чему не пригодна, пух мешает аллергикам, всё, — пилим тополя".

"Вы где пропали?" — настойчивый скан, заставил отвлечься от ироничного мышления.

"Да еду, еду", — ответил он.

"На нервах тоже", — подытожил Хрусталёв краткое общение с гадалкой.

Дело в том, что пришло время "ч", к которому они так долго готовились. На стыке двух майских праздников, они приняли решение начать поход в "Никуда". Отсюда легкое волнение и острота восприятия, а вдруг не получится.

Андрей оставил машину на привычном месте, у тротуара с торца дома. Поднявшись в офисную квартиру, он обнаружил, что Мария одна.

— Инна на праздники уехала к родным, — объяснила она Андрею своё одиночество.

— Как же вы обходитесь без секретаря? — не без иронии, но и без надежды на ответ, спросил Хрусталёв.

— Это вас тревожит больше всего в настоящий момент? — посмотрела ему в глаза Маша, стараясь уловить взглядом всё малозаметное и затаённое.

— Ну как, нашли, что искали, — продолжал он защищаться словесно, чтобы скрыть волнение.

Она промолчала и, повернувшись, прошла в комнату, не приглашая, но зная, что он последует за ней.

"Что-то не так", — показалось ему.

"Ах, да", — и он понял, что не так. Одежда. Просторный спортивный костюм и мягкие полукеды. В таком наряде своего босса он не видел никогда. Значит, сегодня приёма не будет.

"Наверное, так удобней", — подумал он, входя в привычный кабинет.

Кресло со стулом стояли на том же месте, как и при первом сеансе. Ноутбук сиротливо отсвечивал на столе, повёрнутый экраном в сторону окна. Проходя мимо своего стула, Андрей, как и прошлый раз, снял и повесил на спинку пиджак. Браслет пока не надевал, а просто держал в руке.

Мария остановилась на полпути между столом и креслом и наблюдала за ним.

"Что так прямо с наскока и начнём?" — задал вопрос сам себе Хрусталёв, направляясь в сторону кресла.

"Хотя, что тянуть, и так уже в цейтноте, не перегореть бы", —

размышлял он, усаживаясь в кресло и не пряча своих мыслей.

"Да, да усаживаюсь поудобней, постараюсь расслабиться", — Андрей закрыл глаза и нацепил на запястье браслет.

"Где звуки чистой природы, музыка дождя и прочее? Где?" — спрашивал он сам себя.

Послышались шаги, щелчок по клавиатуре и, со стороны окна, сквозь шторы донёсся нарастающий шум дождя.

"Колонки на подоконнике", — прокомментировал он для себя ситуацию.

Лёгкая вибрация, браслет послушно исполнил волю хозяина. Время пошло.

Тёмное пятно статично, но он движется. Длинные искры летят навстречу и сверху, и снизу, и с боков. Сердце замирает, словно готовится к прыжку. Он не управляет уже собой, он не хозяин браслету. Сначала холодеют ноги, и он перестаёт их чувствовать.

— "Ты где?" — знакомый скан отвлекает.

— "Не знаю", — искренне ответил он.

"Я хочу туда за пятно, я хочу больше света. Я люблю…", — он не успел домыслить, чего он хочет и любит, пятно расступилось и яркий, ослепительный свет с лёгкой синевой поглотил его. Адреналин всколыхнул сердце, и оно завибрировало в бешеном ритме. Если бы не изначальное состояние покоя, оно достигло бы невероятных высот вибрации и наверняка не выдержало.

И вдруг — покой. Ровный мягкий свет, как вата окутал всё, струился вокруг и успокаивал его. Он ощущает всего себя самого. Странное знакомое видение заполняет его сознание: он лежит на спине, сверху над ним мощный светильник прямоугольной формы, поделённый внутри ещё на девять таких же. Свет очень яркий, но спокойный и не слепит. За светильником другие светильники на фоне голубого купола. Встроенные в них прямоугольники отделены друг от друга тусклыми мерцающими линиями. В каждом прямоугольнике — фигурка, также выделена мерцающим светом. Девять пиктографий человечков с расставленными руками и ногами занимают весь светильник.

"Всё было", — он вспомнил. Нет, ему разрешили вспомнить. То, что было внутри, оказалось на поверхности. Он всё знает — это материнский корабль, почти другое измерение, но не другое и не измерение. Иначе оттуда не вернуться. Он помнит, зачем он здесь, и они знают.

"Время выходит", — кто-то торопит.

"Да, они сейчас отпустят", — уверенно мыслит он.

Свет снова усилился, и сознание померкло.

Он очнулся. Сидит в кресле. Перед ним стоит Маша. Лицо её не естественно бело. Она напряжена. Она боится и ждёт.

— Всё хорошо, — успокоил её Хрусталёв, а затем спросил, — ты читала мои мысли?

— Да.

— Тебе всё понятно?

— Нет, т. е. мне вообще ничего не ясно, — скороговоркой ответила она.

Он осмотрел себя, как будто бы первый раз видел. Браслет на месте, но в каждой руке по браслету.

— Ах, да. Это тебе, — и он протянул совершенно гладкий браслет Марии.

Она взяла его боязливо и начала рассматривать.

— Так он же без кнопок, — удивлённо воскликнула она.

— Они тебе не нужны, мой браслет тоже без кнопок, — вяло пояснил он.

— Что будет с Виктором? — спросила она с надеждой.

— Это его память, — и он протянул ей другой браслет, но только с двумя знакомыми кнопками, ромбик отсутствовал.

Она не выдержала напряжения, сделала шаг и присела на стуле рядом. Вопросов больше не задавала, рассматривала браслеты и думала. Они оба были уставшими и опустошенными.

— Нам нужно немножко отдохнуть, — он, произнося ожидаемую фразу, снял браслет и прикрыл глаза.

Из колонок доносился шум моря и крик чаек.

"Не хочу море, хочу лес", — просканировал он свои желания, в отличие от прошлого раза раздражительной реакции на музыку не было.

В динамиках сменилась тема, сначала послышалось лесное эхо, создаваемое дроздом, затем разноголосое щебетанье птиц и журчание ручья. Андрею действительно почудилось, что он в лесу, и летний зной касается щёк. Природа щедро делилась, и силы восстанавливались, усталость, концентрируясь в верхней части головы в районе глазниц и висков, испарялась, истекая куда-то вверх в виртуальные кроны деревьев.

Так они просидели несколько минут, до тех пор, пока в проигрывателе Windows не закончился музыкальный файл. Хрусталёв снова открыл глаза, и оказалось, что в комнате он один. Когда и куда удалилась Мария, он это пропустил.

Вместе с усталостью исчезло ощущение, что он постиг что-то важное. Это важное и необычное снова становилось неуловимым и непознанным, ускользало, отодвигалось, но манило и звало за собой. Хотя, конечно, чем-то он и мог поделиться с Марией, тем, о чём они догадывались, но не решались сказать вслух и не

предполагали, что, по сути, такое возможно. Увидеть чудо и остаться в живых — это и есть чудо.

Он попытался разбить событие на части, но оно казалось монолитным, и потому анализа как такового не получалось. "Пусть лучше она спрашивает, а я отвечу", — пришёл он к выводу.

Он нехотя поднялся с кресла и переместился к столу, снимать пиджак со спинки стула и одевать не стал, а лишь положил в карман браслет. Присел на стул и стал заново осматривать комнату, как будто бы его отсутствие в помещении было длительным, и здесь могли произойти значительные перемены.

Но всё было прежним, и к тому же, теперь это для него имело малое значение. Спиной почувствовал, как в комнату вошла Мария. Она прошла к креслу и взяла стул, чтобы переместить его на прежнее место за столом. Проделав это — она села напротив.

Руки её были свободны от чего либо, цвет лица восстановился и имел обычный оттенок, но мимика скована, а в выражении проявлялись напряжение и озабоченность.

"Браслеты прятала", — подумал Хрусталёв.

"Странно, почему я не подвергаюсь вторжению?" — задал сам себе он вопрос.

— Потому, что у вас в голове сейчас сумбур, вы сами не можете разобраться в себе, — ответили ему вслух.

— Как вы себя чувствуете? — поинтересовался Андрей у Марии, тоже перейдя на вы, — ведь на вас лица не было.

— Я уже второй раз наблюдаю такие вещи, а привыкнуть к ним не могу, — пояснила она.

— Что так страшно? — спросил Андрей и остановил взгляд на уровне её глаз.

— Ужасно. Моя психика подверглась сильнейшему стрессу, — отвечая, она прятала взгляд, отводя его в сторону.

— А у меня закрадывается сомнение, что всё это происходит в нашей голове и не более. Голова человека — это и есть иной мир, — произнося это, Хрусталёв невольно посмотрел на тёмный силуэт кресла у окна.

— А браслеты? — возразила гадалка.

— Но их наблюдаем только мы. Видения и перемещения — это всего лишь наши вожделения, многократно усиленные и превращённые в голограммы, которые мы ожидаем увидеть, вот они и мерещатся нам, — Андрей излагал опровержения, не веря в их убедительность, оттого и смотрел прямо перед собой на поверхность стола, будто пытаясь именно там отыскать подтверждение своим доводам.

— А что такое материнский корабль? — стараясь не вступать в полемику, продолжала расспрос Маша.

— Это искусственное сооружение, специально сконструированное для исследований и контактов, — Хрусталёв озвучил ответ так, словно отчеканил зазубренный текст.

— Ты видел их? — неожиданно переключилась она на новую тему и перешла на ты.

— Их невозможно увидеть, они не имеют физических тел, но для эффективности общения с нами на техническом уровне созданы машины, подобные человеку и с человеческим мышлением — это биороботы, — невозмутимо пояснил Андрей.

— С коровьими глазами? — живо по-детски поинтересовалась она.

— Возможно, — слегка запнувшись, ответил Хрусталёв.

— Так кто и откуда управляет роботами? — логичная постановка вопроса с прямолинейной формулировкой заставила ответчика призадуматься.

Повисла пауза, во время которой Андрей лихорадочно искал нужные слова и подбирал фразы, всем своим видом показывая, что он знает ответ, но не может выразить его вербально. Он даже хотел пошутить, мол, как собака — всё пониманию, а сказать не могу, но передумал и ринулся напролом:

— Они пришли из нашего прошлого и будущего в наше настоящее, чтобы предостеречь нас от ошибочного пути. Мы уже так далеки, и нам так тяжело подняться, что они решили спуститься к нам. Они — наши мысли.

Говорил он сбивчиво и отвлечёно, ответ получился расплывчатым и не содержал конкретики.

— А как же другие планеты и цивилизации? — продолжала гадалка сыпать ему новые вопросы.

— Существуют. Но какой смысл взаимодействия, если мы будем изучать их, а они нас. Этим самым ещё дальше отдалимся от главной цели, мы не станем ближе к Абсолюту, — декламировал он, будто читал невидимые субтитры, — и потом, как в народе говорят: "Если слепой поведёт слепого, то оба упадут в яму".

— Странно, я действительно думала, что они изучают наши души, — возглас Маши прозвучал разочаровано, с явным обращением к себе.

— Они изучают, стараются создать её аналог, психосублимированную субстанцию для биороботов, которая стала бы совестью машин, — высказывая гипотезу как уже подтвержденную, Андрей торопился, ему казалось, что он может потерять новые познания или просто не успеет их озвучить, его перестанут слушать.

— О господи! Откуда у вас такие понятия? Где вы их

нахватались, — воскликнула удивлённо Мария.

— Не могу сказать, наверное, где-то и когда-то слышал, а теперь вот выплыло, — искренне ответил он.

— Я всегда думала и представляла, что душа — это жизненная энергия, которая действительно одушевляет и оживляет всё неживое, изыми её, и неминуемо наступит смерть, всё живое вернётся на круги свои, станет неживым, а тут такое наговорили, — пояснила она своё изумление.

— Так оно и есть, но она обладает ещё и психофизическими свойствами, которые могут меняться, улучшаться или ухудшаться, или становиться антиподными, — дополнил её суждения Андрей.

— Давайте оставим недоказуемое в покое, пусть метафизики с диалектиками спорят, — как можно мягче, чтобы не обидеть, но и не оттолкнуть, подвела черту под темой Мария.

— Принимайте это на веру, как аксиому, — не сдавался Хрусталёв.

Она промолчала и не стала возражать, сделала вид, что занята чем-то в компьютере. Андрей почувствовал умиротворение оттого, что ему удалось поделиться своими новыми мыслями без последствий, хотя недосказанного было ещё предостаточно. Он ожидал новой возможности высказаться, но первым начинать не хотел, чтобы не стать навязчивым и не перечеркнуть достигнутый результат. Однако он подметил в своих мыслях, что о Черникове обмолвились лишь незначительной фразой, значит разговор ещё впереди.

— Для чего они это делают? Я имею в виду: строят роботов, изучают наши души, а нельзя ли непосредственно воздействовать на наше психофизическое состояние, — то ли спрашивала, то ли рассуждала вслух гадалка.

— Нет у них такой возможности воздействовать на целую цивилизацию. Только через диалог, а чтобы диалог состоялся и был более убедительным, вот для того и нужны роботы, ведь мы верим только в машины, а доверяем лишь органам чувств, — оживился Хрусталёв.

— Не все же верят только в прогресс, многие и в бога, — ведя беседу, Маша продолжала держать свой взгляд на мониторе.

— Из тех, кто говорит, что верит в бога, очень мало любящих и верящих в него. Они скрывают словами свои дела, их нужно судить по делам их, — нараспев произнёс Андрей.

— Вы сейчас странно высказываетесь, как проповедник, — подметила гадалка с иронией и посмотрела собеседнику в лицо, — такое за вами раньше не водилось.

— Возможно истина одна, и ей не требуется других слов, —

ответив так, он почувствовал лёгкое смущение потому, что, по сути, она была права, а ему никак не хотелось походить на проповедника, тем более религиозного, давало знать о себе старое атеистическое прошлое.

— И это всё они вам внушили за такой короткий промежуток времени? — продолжала атаковать Мария, нащупав в его психике слабое звено. Ей хотелось подавить те нравоучительные нотки, которые у неё на глазах пробивались в его новой манере полемизировать. У неё тоже было атеистическое воспитание, и желание быть паствой отсутствовало.

— Нет, конечно. Мне кажется, что мы все знали об этом раньше, но забыли, даже не так — информацию заблокировали в нас. А на материнском корабле её освободили, разрешили пользоваться. Я не говорил с ними, я прокручивал учебное кино, свою базу данных, они лишь слегка подправляли меня, — он тщательно подбирал слова, стараясь добиться не столько точности в формулировках, сколько отсутствия в них религиозного оттенка.

— Что вы о них думаете? — ей явно требовалось проверить его мышление.

— Что я думаю о них? Правы ли они? — Андрей сделал паузу, не заметив подвоха в её вопросе, и искренне высказался, — не знаю, делиться информацией в наше сегодняшнее время вредно для здоровья.

— Как же вы собираетесь дальше жить? Что делать? — гадалка продолжала тестировать партнёра на адекватность реализму.

— Как жил до этого, так и буду. Писать на уфолог точка ру точно не стану, цветных революций от меня не ждите. Революции вообще вредны, всё должно быть естественно, как в природе, но только без катаклизм, — рассудительно излагал свою позицию Хрусталёв.

— Я имела в виду, раздвоения не боитесь? — уточнила она вкрадчиво вопрос.

— Нет, не боюсь. А почему вас так заинтересовало это? — уже в свою очередь раздражённо встрепенулся он.

— Есть странность в ваших рассуждениях, — уже не скрывая своей озабоченности, ответила она.

— Вы сами уверены, что ваши мысли — это ваши мысли? — он осознал, наконец, то, что ему не доверяли.

— Как это? — искренне удивилась гадалка.

— А так. Намекаете, что меня зомбировали, вложили в мою голову чужие понятия и мысли, — всё больше и больше заводился Хрусталёв.

— Я так не говорила, я сказала о странности мышления, — оправдывалась она.

— Со стороны так и выглядит, — рассерженный, почти злой, он поднялся со стула и начал ходить взад-вперед, отчитывая её, — раздвоение, странность мышления! Я и раньше думал о том, как приходят и уходят мысли, как формируются мыслеформы, некоторые свои же мысли рождали удивление у самого себя. Заметьте, что больше всего вызывают удивление и настороженность — правильные мысли, вот это действительно странно. Не слова правильные, таких льётся вокруг вон сколько.

Он остановился и показал рукой выше головы мнимый уровень того, о чём говорил, и снова продолжил с жаром:

— А дел правильных и хороших кот наплакал. Вывод — истинных правильных мыслей столько же. Двойственность — двойной стандарт. Сознание и подсознание, внешний и внутренний. Они должны быть в гармонии. Человек должен ощущать себя как единое целое, и не как хозяин Вселенной, не как исследователь, а как песчинка, часть Вселенной. Человек, можно сказать, пыль вселенной. Тогда у него не будет башню сносить, извините за вульгарность. Но мы отдаляемся, мы строим свою Вселенную, изучаем внешний мир, агрессивно двигаем прогресс, забываем о внутреннем, о нашем неосознанном, но существующем, имеющем связь, помимо нашей воли, с Вселенной. Мы должны развиваться гармонично, как внутренне, так и внешне. Не создавать двойных стандартов: "Я — ось Вселенной, потому и первый". Нет такого понятия личный или национальный интерес во Вселенной, тогда это двойной стандарт. Первый Абсолют, мы — часть его. Он в нас, мы в нём. Мы любим его, он любит нас.

— Сядьте, успокойтесь. Я верю, что "башню у вас не снесло", — процитировала она его фразу, примирительно улыбнувшись, — но, по-вашему, получается — есть прогресс для тела, но нет прогресса для души?

— Мы повторяемся. Развиваем цивилизацию, которая, развившись, погубит себя, как Лемурия и Атлантида. Технический прогресс достигнет больших высот, появится соблазн, перед которым люди не устоят, и оборвётся связь с Вселенной через наш внутренний мир, — усаживаясь за стол, он успокаивался и говорил уже с прохладцей не столь конкретно и убедительно.

— Это просто мифы, не более, — мягко поправила она его.

— Но мифы созданы как предостережения кому-то, а эти кому-то — мы, — Хрусталёв привлёк лёгкую иронию с надеждой на примирение.

— Пусть так, но что такое внутреннее развитие? Как внешнее

влияет на внутреннее? Как строить жизнь человеку, чтобы развиваться в гармонии? — Мария снова ставила сложные задачи перед Андреем.

— Самое простое — соблюдать заповеди. Не национализировать мораль и не ревизовать нравственность. Всё это делать внутри себя и для себя, и не из-за боязни или страха, — он говорил и сам начинал верить, что так должно быть и так оно и есть, — наше тело не зря наделено органами чувств, посредством которых происходит восприятие внешнего мира, а оно уже воспитывает внутренний. Пользуясь органами чувств, мы тренируем подсознание на умение различать объекты восприятия по иным признакам: излучаемой энергии и тонким вибрациям. В таком случае мы можем воспитать в своём подсознании за пройденную жизнь чувствительность к светлой энергии и к высоким вибрациям, т. е. ко всему прекрасному и изящному, к красоте, любви, но и наоборот, грубому и извращённому, ненависти, злу. Зло — это тёмная активная энергия. Человек, как и звёзды, помимо светлой энергии, излучает и нейтральную тёмную, нельзя допустить, чтобы была потеряна нейтральность. Активность, как магнит, притянет чужую, себе подобную, сгустки чёрной энергии уплотнятся, и тогда свету не пробиться через черноту. "Чёрная душа" — чёрное покрывало окутало душу и не даёт ей возможности пробиться к свету. "Сгорит в огне и очистится", но уже не здесь, не на Земле.

— Как же тогда защищаться от зла? Толстовство? Лев Николаевич снова прав?! — Мария сама удивилась своему выводу.

— Скорей всего так, если нет ещё сил держать щит обороны, заметьте не отвечать ударом на удар, а щит самообороны, то ждите, когда силы врага иссякнут, и не усиливайте их сами, не подпитывайте своей тёмной энергией. Лучи светлой энергии рассеивают тёмную, не дают ей концентрироваться и уплотняться, а ты сам не вырабатываешь чёрное излучение и не усиливаешь зло. Это сложно понять, и дано не всем, т. е. не так, не все ещё готовы воспринять такое, потому им остаётся верить и молиться, чтобы спастись.

— Клуб избранных, — сформулировала гадалка новое понятие не без иронии.

— Нет. Круг подготовленных к восприятию. Они не должны считать себя избранными, гениями или любимчиками, они должны побороть и это. Как в себе воспитать такие качества? — Хрусталёв сделал паузу, словно задумался, и продолжил, — это вопрос вопросов. Мир меняется очень быстро и по разным направлениям, нужно слушать себя и сравнивать со стандартом, с

заповедями.

— Значит, движение технического прогресса должно быть направленно не на удовлетворение потребностей тела, а души? — подвела итог Мария под дискуссией о развитии.

— Нет, это снова перекос, всё должно в гармонии, — возразил Андрей её выводу.

— Так как добиться гармонии? — противилась она, — это же замкнутый круг.

— Я не знаю, буду искать. А для начала нужно побороть двойной стандарт в себе, — уходил он от дальнейшего спора.

— Понятно, значит всё останется как прежде, поиск продолжится, — произнеся это, она поднялась из-за стола, давая понять, что тоже готова закончить полемику.

— Получается, что так, — согласился с ней Хрусталёв и переключился на другую тему, — а у тебя? Ты достигла своей цели?

— Не знаю, я теперь сомневаюсь ещё больше, когда уже точно не на что надеться, — теперь Маша выражалась загадочно и непонятно.

— Как это? А браслет? — удивился Хрусталёв.

— Да я не о том. Любят сердцем, а не памятью, — с горечью в голосе пояснила она.

— Тебе придётся начать всё заново, так это здорово — есть новая жизненная цель, — воодушевлённо ободрил гадалку Андрей.

— Ладно, хватит об этом, поживём — увидим, что там получится. Вы кофе не хотите? — предложила она Хрусталёву.

— Не откажусь, — ответил он.

— Идёмте тогда на кухню, — позвала она и двинулась к выходу из комнаты.

Он поднялся и последовал за ней. На кухне сел на своё привычное место спиной к двери. Мария наполнила электрический чайник и включила его. Две чашки с сахаром и растворимым кофе стояли и дожидались кипятку.

— Я надеюсь, наше сотрудничество продолжится, пока меня не будет, пусть Инна возьмёт мои функции, ведь, как я понимаю, ты не хочешь администрировать, — в ожидании, когда закипит чайник, она присела напротив и как бы, между прочим, спросила Андрея.

— Пусть будет Инна, — согласился Хрусталёв.

— Одно мне не ясно, почему они выбрали нас, — говорила она, уже разливая кипяток по чашкам.

— У нас есть какой-то стержень, который им позволяет классифицировать нас как благонадёжных, которые не готовят

гадостей внутри себя, не притягивают чёрную энергию. И если испускают её, то только в пределах допустимого. У вашего Виктора с этим было не всё в порядке, отсюда и результат, — произнося, он помешивал в чашке кофе, — стержень или ядро, которое не позволяет формироваться тёмным беспросветным сгусткам и опасным мыслям, при выходе несущим вред не только окружающим, но и их авторам.

— Вы из ученика превратились в учителя, — без иронии и без зависти позавидовала она.

— Зря вы так. Если бы у вас был учитель и браслет, то я уверен, вы достигли бы более значимых высот, — искренне произнёс он, а затем посетовал на самого себя, — я, например, до сих пор не понимаю и не умею пользоваться информационным полем.

— Спасибо за комплимент, я польщена, — поблагодарила Мария и добавила, — а что касается информационного поля — научитесь, время поможет.

Дальше они пили кофе и молчали, каждый думал о своём, не вторгаясь друг другу в процесс мышления и не подглядывая за ним. Зачем подгружать своё сознание другими проблемами, если свои новые отнимают слишком много энергии.

Глава 20

Хрусталёв в конце мая простудился и заболел. Сильнейший насморк мучил его целых два дня. Он взял больничный и не вышел на работу. Больничный лист, в прямом смысле данного понятия, не оформлял, к врачу не обращался, просто позвонил Инне и сказал, что подлечится. От насморка избавился на третий день, но налетела хандра, и он продолжал валяться дома на диване, симулируя болезнь по инерции. Инна, оставленная администрировать Марьей Анатольевной, не торопила его и с делами справлялась сама.

Маша уже две недели находилась в Москве, пробивала визы в Швейцарию для лечения Черникова. Его родственникам она предложила вариант оздоровления в частной клинике заграницей, хотя на самом деле всё должно было произойти иначе.

"Зачем такой сложный путь, — поначалу недоумевал Андрей, но затем, поразмыслив, пришёл к выводу, — в принципе разумно, вернётся память, отпразднуют событие и начнут медовый месяц".

Своё же состояние Андрей охарактеризовал как синдром нелинейных перемещений. В основу названия легла формулировка из рассказа Марии об их раннем опыте, тогда Черников после своего первого сеанса также выглядел отрешённым от жизни.

С гадалкой они условились, что в период постановки памяти Виктору телепатически общаться не будут, а для экстренной связи используют только технические средства. Сознание Хрусталёва переваривало случившееся и приспосабливалось к новым условиям взаимодействия с окружающим миром, но подобрать слова и объяснить вербально свои переживания у него не получалось. Проскользнула мысль позвонить Рогалёву, но потом, не получив конкретного наполнения, загасла.

Он беспрерывно смотрел телевизор, забросил компьютер, пропал интерес к любимому интернету. Новости, сериалы, шоу и огромное количество рекламы то, чем занимает современное телевидение эфир, подпитывали его сомнение, что научно-технический прогресс не только обслуживает потребности тела, но и коммерциализирует мозг и более того — душевные качества.

Так могло бы продолжаться неизвестно сколько, и поменять такое настроение ему самостоятельно не хотелось, в таких случаях, помимо лечения у специалистов, помогает стресс или какое-то неординарное событие, способное встряхнуть и перевернуть сознание. В том сословии, к которому относился

Андрей, к психологам не обращались, известный лекарь — спиртное, более доступное и обычное, для него было неприемлемо.

Сюжет в местных теленовостях, так, криминальные разборки, поначалу не заинтересовал его, но продолжая оставаться перед экраном и поневоле слушая репортаж корреспондента о происшедшем, он, сначала увидел бежевый "лексус" с разорванной крышей и без стёкол, а затем и услышал фамилию пострадавшего — бизнесмена Ухваткина А. И.

Вечером гудел весь двор, приезжала скорая помощь и забрала Веру Васильевну в стационар. Жена приносила одни слухи невероятней других. В машине находились двое, оба остались живы, но Ухваткин пострадал намного больше, чем его пассажир, от мощного взрыва его сильно контузило, и он пока ничего не помнит, и никого не узнаёт. Говорили, что взорвали конкуренты по бизнесу, что устройство подложили не под днище автомобиля, а прямо на крышу над водителем, возможно намеренно, чтобы убить Ухваткина.

Первая реакция Хрусталёва — любопытство, а затем досада на самого себя, что не усвоил навыков чтения информационного поля, как его находить, по каким признакам отличать, как выделить и затем просматривать. Позвонить Марии не позволял уговор, а потом вспомнились её последние слова на данную тему: "Научитесь, придёт время".

"Что же, время пришло, — подумал он, — будем учиться самостоятельно". На следующее утро, поднявшись с дивана, он пошёл на стоянку за машиной, с одной лишь целью побывать на месте происшествия, воспользоваться общественным транспортом ему не хотелось.

Двигаясь в потоке машин, он зафиксировал для себя необычную закономерность: водители, стремящиеся всегда быть первыми, обгонявшие всех любыми способами, иногда с нарушением правил, в итоге всё равно оказывались последними на следующем светофоре, а те, кто проиграл им, первыми на предыдущем. "Тогда гонки по кругу или, например, по кольцевой дороге, делают состязание абсурдным", — усмехнулся он. "Так будут последние первыми, и первые последними; ибо много званных, а мало избранных" — неожиданно вспомнилась и цитата из библии. Разумом он понимал, конечно, смысл такого выражения малоприменим к данной ситуации, проще говоря, совершенно иной, но интуиция подсказывала, что и в таком случае оно уместно.

"Значит, — делал он вывод, — стремление многих к лидерству выглядит ошибкой, а знания большинства людей —

ложью". Он так увлёкся рассуждением, что поначалу и не заметил, как вирус лидерства в нём самом взял верх и гонит его по свободной левой полосе за таким же сумасшедшим, а опомнился лишь тогда, когда стал искать светофор, чтобы по возможности проскочить перекрёсток сходу. "Они, что, не могут светофоры размещать наверху, чтобы их было видно издалека, — ругал он дорожные службы, резко тормозя, когда красный огонёк на фонарном столбе возник неожиданно между автобусом и грузовиком, а тот, который впереди, так и проскочил на красный, и что самое удивительное, все стоящие на зелёном пропустили его". "Дурной пример заразителен, — читал он собственный скан, — а с искушением тяжело бороться".

Прибыв на улицу, где, согласно репортажу, и произошла трагедия с Механизатором, он смог припарковаться лишь на противоположной стороне, только там не было запрещающих знаков. Оставаясь в машине, он некоторое время внимательно осматривал всё вокруг, особенно фасад здания, на фоне которого, как ему помнилось, у тротуара стоял джип с развороченной крышей. В данный момент всё было убрано, и не было никаких видимых следов происшествия.

Сидя за рулём, он нацепил браслет и продолжал наблюдать здание сквозь закрытые веки, но ничего не менялось. Тогда он стал вспоминать картинку из видеозаписи и делать попытки наложить её на фон наблюдаемой местности. Сначала ничего не получалось, то видеозапись, то зримое окружение, и так несколько раз, и вдруг, что-то произошло, наблюдаемое и воображаемое стали единым целым. Изображение приблизилось и увеличилось в размере, но поменяло естественные цвета на бледно-серые.

Он открыл глаза, но видение не исчезло, более того, в нём было что-то ещё необычное. И тут его осенило: "Крыша!" Крыша джипа была ещё целой.

"Лексус" стоял у тротуара напротив пятиэтажного здания под вывеской "Аптека" на первом этаже. В двух метрах сзади фонарный столб, на нём дорожный знак "Стоянка запрещена". Стёкла не были опущены, но сквозь слабую тонировку просматривалось, что в салоне находилось двое мужчин, и они о чём-то беседовали.

Мимо проплыл легковой автомобиль и встал впереди джипа, из него вышли двое, в форме милиционеров. У одного из них в руке жезл. Они подошли к передним дверям "лексуса". Тот, у которого жезл, остановился у водительской двери. Другой со стороны тротуара — у пассажирской. Опустилось стекло, милиционер отдал честь рукой, и Механизатор, да это был он,

засуетился и достал что-то, похожее на удостоверение, из кармана. Проверяющий подержал книжечку в руках и вернул обратно владельцу. В этот момент второй милиционер разговаривал с пассажиром, и Ухваткин повернулся в его сторону и передал документ и ему. В тот же миг инспектор с жезлом достал прямоугольный предмет из кармана и положил на крышу джипа, затем козырнув, стал отходить к своей машины. Второй милиционер не задержался, возвратил хозяину его вещь, и так же как его напарник, отдав честь, поспешно ретировался.

Автомобиль, мигая неестественным указателем поворота, резво стартовал и растаял на глазах. Пассажирская дверь джипа открылась и, покинув салон, на тротуаре оказался собеседник Механизатора. Он, прижав к уху мобильный телефон, повернулся лицом к Хрусталёву, и Андрей опознал его — это был Варев.

Глеб Викторович слегка наклонился, словно прощаясь, что-то произнёс Ухваткину и захлопнул дверь. Механизатор, видимо недовольный окончанием разговора, засуетился, дёрнул ручку и сделал движение туловищем, чтобы поставить ноги на асфальт. В этот момент на крыше "лексуса" возник голубой шар. Ухваткина выбросило из машины, ударив о полуоткрытую дверь. В разные стороны полетели стёкла, мелкие предметы и пыль. Поток стремительно приближался к Хрусталёву, он инстинктивно поднял руки, чтобы защитить лицо от ударной волны, дёрнулся и ушиб правый локоть, к тому же нажал на выключатель звукового сигнала. Резкая боль в руке и протяжный гудок сигнала вывели его из состояния наблюдателя, всё исчезло.

Он сидит в своём авто, сигналит, и потирает ушибленный локоть. На противоположной стороне под вывеской "аптека" нет никакого джипа, по проезжей части двигаются автомобили, а прохожие на тротуаре оборачиваются и смотрят в его сторону. Он убрал с сигнала ушибленную руку и стал ещё энергичнее растирать локоть.

"Что их могло связывать? — рассуждал он, — уж не диск ли? Основываясь на собственном опыте: милиция, смотрящий, гадалка, здесь что-то есть. Двигался так же по цепочке, но дружбу завёл не в том месте, не туда свернул и не то искал". Андрей ещё раз посмотрел на то место, где по его предположению должен оказаться Механизатор после взрыва и, ничего и никого не обнаружив, лишь голый асфальт, снял браслет, повернул ключ в замке зажигания и поехал к Инне.

Инна была рада его возвращению на работу. Обычно немногословная, она щебетала и старалась за один порыв высказать всё то, что произошло за эти три дня. Он молчал, слушал, оценивал планы. Впервые он рассмотрел девушку

пристально, словно не видел раньше. "За начальниками и подчиненных невидно, — оправдывал он свою близорукость". "Да, они похожи, да, они родственники, но такие разные, и дело даже не в возрасте, — продолжал он сравнивать Инну с Марией". Ему показалось, что за год знакомства Инна стало ещё выше ростом, возможно, просто всё дело в её одежде, которую она позволяет себе в момент отсутствия начальницы. "Да, скорей всего так, ведь Марья Анатольевна держит её в ежовых рукавицах, — продолжал Андрей оценивать Инну".

Всегда высокая и стройная в джинсах, сегодня она казалась долговязой и худой в коротком летнем платьице. Все черты лица миловидны и привлекательны, но улыбка портила всё. Когда Инна улыбалась, верхняя губа слишком высоко поднималась и открывала десну бледно-розовую с тонкой перемычкой посередине. Улыбка делала её некрасивой, лицо приобретало новые неприятные оттенки.

— Выглядите вы не вполне здоровым, — прервав своё повествование, обратилась к нему Инна, — вы не поторопились с выходом?

— Да нет, всё нормально, — отнекивался он, — так всегда выглядишь опустошённым после отдыха.

— Ну, вам видней, — согласилась она с ним.

— А Марья Анатольевна поддерживает с тобой связь? — поинтересовался Андрей.

— Да, мы вчера вечером говорили по телефону, — ответила девушка, — у неё пока всё идёт по плану, на следующей неделе они будут уже в Швейцарии, с ними отправляется сестра Виктора Ольга, иначе нельзя.

— По какому же плану? — возразил Хрусталёв и добавил, — это уже не по плану.

— Марья Анатольевна предполагала, что её одну с Виктором не выпустят заграницу, так что, получается, по плану, — пояснила Инна.

— Вот как! — воскликнул Андрей, а про себя отметил, что их медовый месяц накрылся.

— Чему вы так удивляетесь? — спросила секретарша.

— Какие ещё предположения высказала Марья Анатольевна при отъезде? — не замечая её вопроса, задал свой Хрусталёв.

— Она сказала, что над вашим знакомым, который приходил к ней по поводу пропажи диска, сгустились тучи, — сделав паузу и осмыслив сказанное, Инна поправилась, — ну не тучи, а тёмная энергия, а вот к чему — она не знала.

— Ничего себе к чему! Взорвали его на Пугачёвской улице вместе с его джипаном, — не без иронии произнёс Андрей.

— А вы откуда знаете? — удивилась Инна.

— Из телевизора, — ответил он, — по всем новостям трубят.

— Надо же, какое совпадение, — пояснила она, — а я вот не смотрю новостные программы, потому и подумала незнамо что.

— Какое совпадение? — недоумённо переспросил Хрусталёв.

— Ну, Марья Анатольевна говорила, что вы косвенно причастны к хлопотам этого Механизатора, — произнесла Инна и поняла, что сказала лишнего.

— Что ещё, говорила Марья Анатольевна? — настойчиво попросил Андрей.

— Да, собственно, больше ничего, она предположила, что в семье вашего знакомого, возможно, случится несчастье, — уже нехотя продолжила Инна.

— Всё обошлось, не так уж ужасно, как могло произойти, — более спокойным тоном пояснял Хрусталёв, — жив Ухваткин, не совсем здоров, правда, память потерял от контузии, но врачи говорят, со временем восстановится, а вот джипу не повезло больше, тот восстанавливать уже не будут.

"Да, далеко мне до гадалки, думал, что научился уже всему, поле информационное прочитал самостоятельно, а она оказалась действительно ясновидящей", — размышлял Андрей после общения с Инной. Ему самому почему-то не хотелось обладать такими навыками, и Хрусталёв не мог понять почему, его что-то отталкивало изнутри, кто-то словно нажимал на клавишу "пробел" и выдавал пустую строку, лишь только ход его мыслей разворачивался в том направлении.

Он стал забывать о предсказаниях, посчитав их свершившимися, как неожиданно вечером, дня через три, ему снова напомнили о них.

— Ты слышал, что у нас в подъезде случилось? — спросила его возбуждённо супруга, возвратившись со двора и не дожидаясь ответа, поспешила продолжить, — Вера Васильевна умерла в больнице, а похороны были сегодня, наши бабушки ездили прощаться к городскому моргу.

— Как так? — Андрей даже подскочил с дивана.

— Да вот так, сын ещё не вылечился, ничего и никого не помнит и не узнаёт, хоронила внучка с бывшей снохой. Хорошо ещё та согласилась, а так за счёт государства и под табличкой, — комментировала ситуацию она.

— А она ведь хотела, чтобы отсюда провожали в последний путь и обязательно с цветами на асфальте, — вспомнил он слова соседки, произнесённые ей во время последнего посещения их квартиры.

— Видно не судьба, — горестно вздохнула Елена, — жалко бабу Веру — хороший человек она была.

Хрусталёв почувствовал неприятное беспокойство внутри себя. Не понимая причин, вызвавших такое ощущение и не выдержав неизвестности, Андрей набрал номер мобильного Марии и поинтересовался, как у них обстоят дела.

— Нормально, — не совсем радостно ответила та.

— Что-то в голосе отсутствует энтузиазм, — осторожно, с надеждой на откровенность, продолжил расспрос он.

— Память вернулась, в свободное от лечения время втроём осматриваем местные достопримечательности, — нехотя рассказывала она о своём пребывании заграницей.

— Как ваши отношения с Виктором? — напрямую без дипломатии уже задал вопрос Хрусталёв.

— Пока никак, — коротко ответила Маша.

Разговор не клеился, и Хрусталёв, пожелав удачи и хорошего отдыха, отключился.

"Всё у тебя получится", — ободрил он её мысленно.

"Спасибо за поддержку", — неожиданно получил он ответный скан.

Удовлетворения от звонка не было, наоборот — беспокойство возросло.

"Не надо было звонить и лезть в чужую душу. Это память быстро восстанавливают, а с любовью такие штучки не проходят".

На следующий день, поднявшись в пять утра, под видом поездки в район по делам банка, Хрусталёв оказался у рынка на известном городском месте круглосуточной торговли цветами. Купив целое ведро красных гвоздик, он вернулся к кирпичному забору, отделяющего его двор от переулка. Во двор заезжать не стал, выключив зажигание, Андрей нацепил браслет и закрыл глаза.

Вечером этого же дня супруга Елена ещё раз попыталась удивить его:

— Представляешь, кто-то сегодня утром разбросал гвоздики от двери квартиры Веры Васильевны до выезда из двора.

— И что, никто не видел, как это было? — переспросил он, создавая видимость заинтересованности.

— Нет. Даже тётя Маша в недоумении, говорит, что вышла проводить дочь с внуком до угла, на асфальте ничего не было, вернулась буквально через пару минут — цветы, просто мистика, — продолжала недоумевать Елена.

— Это, наверное, внучка, ведь она любила бабулю, — сделал предположение Хрусталёв.

— Всё может быть, — согласилась она и повторила, — всё может быть. Сейчас такое в мире творится, не знаешь, чему удивляться.

— В таких вопросах мы не продвинулись дальше по сравнению с научно-техническим прогрессом, остались на уровне инь и янь, т. е. что дали нам древние предки, тем мы и пользуемся, хорошо ещё и то, что перестали сжигать на кострах ведьм и колдунов, — неожиданно для самого себя выдал тираду Хрусталёв.

— Это ты о чём сейчас? — недоумённо переспросила Елена.

— Да так, мысли вслух, — отшутился он.

— Странные и необычные мысли, — подвела она итог.

Он промолчал, и устный диалог закончился, но в голове его продолжали рождаться бестелесные образы биологических полей, которые излучались, расходились кванами во вне и, кто-то сумеет их уловить и отсканировать, и задумается тогда:

"Да, действительно, в нашем мире много необычного. Творец создал Мир с Человеком внутри, чтобы он — Человек совершенствовал его и себя, а не перестраивал. Ведь зачастую его передел вступает в конфликт с уже созданным. Это, своего рода, новое творение — Антимир. Двойной стандарт — это суть Антимира. Но мы живём ещё не там или пока не там? Кто способен дать нам ответ, — только тот, кто наблюдает нас со стороны".

МАРТ 2006 — ИЮЛЬ 2008

г. САРАТОВ